А. В. ЮСТУС

САМОЕ ДОРОГОЕ

Он (Артур Юстус) решил собрать и опубликовать материалы о революционной деятельности своего отца Владимира Богдановича Юстуса, о видных русских и венгерских коммунистах, с которыми его отец встречался и работал, о Венгерской Советской Республике 1919 года. Это и составило первую часть книги. Вторая часть книги повествует о жизни семьи В. Б. Юстуса на родине, о встречах с В. И. Лениным, о сестрах Владимира Ильича — Анне Ильиничне и Марии Ильиничне Ульяновых, взявших над Артуром и его братом Лео товарищеское опекунство, их уроках, о великой силе пролетарского интернационализма.

А. В. ЮСТУС

САМОЕ ДОРОГОЕ

МУЖЕСТВО ЗАКАЛЯЕТСЯ В БОРЬБЕ

НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

ЛЕНИЗДАТ · 1984

13.50
Ю90

Рецензенты — старшие научные сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Л. И. ЖАРОВ и Д. С. КИСЛИК.

На первой странице обложки: снимок в овале (слева направо) — Владимир Юстус, Павел Карелин, Владимир Родионов. Будапешт, ноябрь 1918 г. На нижнем снимке — В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова на параде частей Всевобуча 25 мая 1919 г. на Красной площади в Москве; слева — Тибор Самуэли, один из руководителей Наркомата по военным делам Венгерской Советской Республики.

На четвертой странице обложки — автор книги А. В. Юстус.

Книгу подготовила к переизданию вдова автора Е. В. Мальгина-Юстус.

Ю $\frac{0902020000-094}{М171(03)-84}$ 66—84

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ НА ДЕЛЕ — ОДИН И ТОЛЬКО ОДИН: БЕЗЗАВЕТНАЯ РАБОТА НАД РАЗВИТИЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В *СВОЕЙ* СТРАНЕ, ПОДДЕРЖКА (ПРОПАГАНДОЙ, СОЧУВСТВИЕМ, МАТЕРИАЛЬНО) *ТАКОЙ ЖЕ БОРЬБЫ*, ТАКОЙ ЖЕ ЛИНИИ, И *ТОЛЬКО ЕЕ ОДНОЙ*, ВО *ВСЕХ* БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ СТРАНАХ.

В. И. ЛЕНИН

ГИЗЕЛЛА СИКЛАИ,

доцент Будапештского университета имени Карла Маркса, доктор исторических наук

ФАКЕЛ ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Лениздат обратился ко мне в Будапешт с просьбой написать предисловие к книге ленинградского коммуниста Артура Владимировича Юстуса «Самое дорогое». Это поручение я выполняю охотно и с большим желанием.

На многих волнующих страницах истории венгерского революционного движения, связанных с истоками нерушимой дружбы советского и венгерского народов, с их интернациональным пролетарским братством, встречается имя славного русского большевика, отца автора этой книги Владимира Богдановича Юстуса, широко известного в Венгерской Народной Республике. Мы знаем, что еще с 90-х годов прошлого века он вступил на путь революционной борьбы против самодержавия и капитала, с 1897 года стал членом Российской социал-демократической рабочей партии. Владимир Богданович Юстус участвовал в первой русской революции 1905—1907 годов, был делегатом V съезда РСДРП в Лондоне, перенес в царской России тяжелые лишения и испытания во многих тюрьмах и ссылках. В 1909 году, спасаясь от очередного каторжного приговора, он вынужден был покинуть Россию. Став политэмигрантом, Владимир Богданович продолжал активную революционную деятельность. Его жена Анна Григорьевна уехала к нему за границу после отбытия ссылки. Они вначале поселились в Вене, где родился

их старший сын Лео, а затем переехали в Будапешт. Здесь в 1913 году родился Артур Юстус.

Более семидесяти лет минуло с тех пор. Большой жизненный путь прошел Артур Владимирович Юстус. Похвально его решение собрать и опубликовать материалы о революционной деятельности своего отца, о видных русских и венгерских коммунистах, с которыми его отец встречался и работал, о Венгерской Советской Республике 1919 года.

Первая часть этой книги раскрывает некоторые страницы революционной жизни замечательного коммуниста Владимира Богдановича Юстуса. Автор убедительно показал политическую твердость, принципиальность, непоколебимую верность Владимира Богдановича идеям марксизма-ленинизма. В 1918 году, во время ареста в Будапеште, тюремщики использовали все «средства», чтобы заставить его дать показания. Потрясает описание ежедневных допросов жены Юстуса Анны Григорьевны. Можно представить муки, пережитые Владимиром Богдановичем, когда мимо его тюремной камеры вели маленьких сыновей Лео и Артура. «Я заплакал,— пишет автор,— стал проситься к отцу, но надзиратель отшвырнул меня... Отец очень страдал за нас. Но ничто не могло сломить его... воли. Следователи так и не получили каких-либо сведений от отца... опытного конспиратора, не раз имевшего дело с царскими жандармами и тюремщиками...»

После оглашения приговора военного суда Владимира Богдановича и его детей отправили в цегледскую тюрьму. Лишь в результате пролетарской солидарности, решительных требований венгерских рабочих, русских большевиков и военнопленных семья Юстуса была освобождена.

Интересно рассказывает автор о встрече Владимира Богдановича с Бела Куном, о борьбе лучших представителей венгерского рабочего класса за создание партии венгерских коммунистов.

В то время наш революционный поэт Эндре Ади писал:

Доколь мерзавцам быть у власти,
А нам, как трусам, их терпеть?
Доколь, народ венгерский, в клетке
Тебе скворцом скакать и петь?

О Венгрия, край скорбных нищих!
Нет веры в нем, нет хлеба в нем,
Но ты, грядущее, за нами,
Когда решимся и дерзнем!

Журнал «Серп и молот» — орган венгерских коммунистов-эмигрантов, живших в Советском Союзе, в марте 1930 года отмечал, что Владимир Богданович Юстус «был одним из основателей и активных членов Венгерской компартии, а во время пролетарской диктатуры являлся организатором и политическим уполномоченным интернациональных отрядов. Его заслуги особенно велики на этом участке...»

Одна из видных участниц венгерского коммунистического движения Йолан Келен вспоминает: «Нашим наставником был... русский большевик Владимир Юстус. Он лучше всех знал, что надо делать. Он был простым солдатом революции, солдатом Ленина. Он нашел нас так же естественно, как магнит находит железо».

Ядром Венгерской коммунистической партии являлись венгерские интернационалисты, по словам Ленина, полностью прошедшие практический путь большевизма в России.

В. И. Ленин призывал народы Австро-Венгрии, свергнувшие монархию, к борьбе за Советскую Республику.

После создания в 1919 году Венгерской Советской Республики в жизни Владимира Богдановича Юстуса начался новый знаменательный этап. Уже в легальных условиях он продолжал политико-просветительную и организаторскую работу. Владимир Богданович был выдающимся организатором Будапештской группы РКП(б), одним из основоположников выходившей в Будапеште на русском языке газеты «Правда», одним из создателей интернациональных частей венгерской Красной Армии.

В период военной интервенции в Венгрии Владимир Богданович вместе с другими русскими интернационалистами с оружием в руках защищал Венгерскую Советскую Республику, был комиссаром интернациональных частей.

В то же время 100 тысяч военнопленных венгров, находившихся в России, взялись за оружие и, не щадя своей крови и жизни, помогали Красной Армии громить белогвардейцев и иностранных интервентов.

Когда установилась диктатура пролетариата в Венгрии, Совнарком Советской России обратился к русским военнопленным, находившимся в Венгрии, с призывом вступать в венгерскую Красную Армию. Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин писал: «...и, как наши братья, рабочие и крестьяне Венгрии, находящие-

ся в России, себя не щадят ради общего революционного дела, сражаясь в наших рядах, точно так же и ваш долг вступать в ряды борющихся за спасение своей революции и всемирно-народного дела красных войск Венгрии...»

Огромная организационная работа, которую вели русские большевики под руководством В. Б. Юстуса и других товарищей среди русских военнопленных в Венгрии, принесла свои плоды. Русские интернационалисты героически громили врагов Советской власти в Венгрии. Правильно подчеркивает автор: история Русского батальона была такой же короткой и такой же героической, как история Советской Венгрии.

Многие страницы этой книги посвящены русским интернационалистам, боровшимся за Советскую Венгрию в славные и трагические дни 1919 года. Перед нами оживают легендарные образы Владимира Богдановича Юстуса — руководителя Будапештской группы РКП(б) и политкомиссара интернациональных войск, Кирилла Каблукова — командира Русского батальона, Василия Тимофеева — редактора газеты «Правда», Владимира Урасова, Ефима Вайсброда, Владимира Родионова, Михаила Швартина, Льва Табачникова, Александра Белоцерковского, Кирилла Коваленко и многих других русских революционеров, светлая память о которых всегда будет жить в сердцах трудящихся народной Венгрии.

В тяжелых условиях нелегальной работы, в тюрьмах и ссылках, в эмиграции, а также в период легальной революционной деятельности верным другом и соратником Владимира Богдановича была его жена Анна Григорьевна.

Несмотря на невиданный героизм, проявленный венгерскими и русскими красноармейцами, Венгерская Советская Республика, просуществовавшая 133 дня, была подавлена силами стран Антанты и внутренних контрреволюционеров.

1 августа 1919 года была задушена вторая в мире Советская республика. Началась кровавая расправа империалистической буржуазии с борцами революции. Владимира Богдановича арестовали, страшно избили резиновыми дубинками с металлическими наконечниками. Потеряв сознание, он только ночью очнулся в глубокой яме. Собрав последние силы, незаметно от охранников выбрался из ямы и скрылся в доме одного венгерского рабочего. Потом с помощью друзей-венг-

ров ему удалось перейти австро-венгерскую границу. Венгерские фашисты заочно вынесли ему смертный приговор.

О кровавом терроре в хортистской Венгрии можно судить по обращению Исполкома Коминтерна, опубликованному в ноябре 1919 года: «Вот уже более трех месяцев, как в Венгрии беспрестанно льется кровь лучших венгерских пролетариев. Тысячи и тысячи венгерских рабочих расстреляны и повешены без всякого суда восторжествовавшей буржуазной контрреволюцией... Дикий белый террор практикуется во всех уголках Венгрии...»

Сестра В. И. Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова 6 марта 1930 года писала в газете «Правда» об испытаниях, которые пришлось перенести Владимиру Богдановичу Юстусу и всей его семье летом и осенью 1919 года: «После падения Советской власти в Венгрии ему приходилось скрываться от розысков жандармов, от грозившего расстрела, которого он... избежал каким-то чудом. Сколько сил и нервов, сколько нагрузки сердцу стоило все это! Но ему приходилось страдать не только за себя, а и за свою семью — за жену, которую не раз избивали, добиваясь от нее признания, где муж; за малолетних детей, на глазах которых били мать».

Автор подчеркивает, что перенести эти ужасы его отцу помогали люди, которые сами находились в смертельной опасности, под ежеминутной угрозой ареста и расстрела. Это были венгерские рабочие и русские товарищи из Будапештской группы РКП(б).

Тепло пишет автор о венгерских адвокатах Ладани и Леви, которые помогли Анне Григорьевне Юстус и ее детям вырваться из полицейских застенков и уехать в Австрию.

Венгерские и русские коммунисты, приехавшие из Венгрии в Австрию, были интернированы и заключены в крепость Карлштейн.

Меры, принятые Советским правительством, а также международная пролетарская солидарность дали возможность группе героических борцов Советской Венгрии в августе 1920 года приехать в Москву. Среди прибывших был В. Б. Юстус с семьей.

После возвращения на Родину Владимир Богданович Юстус активно участвовал в строительстве новой, социалистической России. В возрасте 42 лет он стал учиться в Коммунистическом университете имени

Я. М. Свердлова. После окончания университета его направили на ответственную хозяйственную работу, избрали депутатом Московского Совета. Он по-прежнему был связан со своими соратниками, являлся основателем объединенного землячества русских, воевавших за Советскую власть в Венгрии, и венгерских революционеров, живших в Советском Союзе.

Советско-венгерская дружба родилась и закалялась в годы борьбы за Советскую Россию и Советскую Венгрию. Бела Кун, Тибор Самуэли, Матэ Залка, Шандор Сиклаи, Карой Лигети, Йожеф Шомодьи, Ференц Мюнних и многие другие венгерские интернационалисты именно в революционной России стали коммунистами, активно участвовали в защите завоеваний Октябрьской революции. История венгерских и русских интернационалистов характерна взаимной пролетарской поддержкой.

Факел пролетарской солидарности потушить нельзя! Советско-венгерская дружба прошла испытания в боях за республиканскую Испанию, где вместе с бойцами-интернационалистами многих стран вновь сражались плечом к плечу венгры и русские. Их дружба закалялась в годы Великой Отечественной войны, когда в соединениях Советской Армии, освобождавших Будапешт, были и венгерские воины.

Венгерская социалистическая рабочая партия считает принципы социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма неотделимыми друг от друга и в этом духе воспитывает коммунистов, народ, молодежь.

Растет и преображается социалистическая Венгрия, крепнет изо дня в день советско-венгерская дружба, в которой ярко проявляется сила пролетарского интернационализма.

Вторая часть этой книги посвящена жизни семьи В. Б. Юстуса на родине. После преждевременной кончины Владимира Богдановича его семья оказалась в нелегком положении. Необычно сложилась судьба Артура Владимировича: сестры В. И. Ленина Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы взяли над ним и его братом Лео товарищеское опекунство.

С великолепным педагогическим тактом Анна Ильинична и Мария Ильинична воспитывали в детях качества трудолюбивого, высокоидейного человека. «Анна Ильинична,— вспоминает Артур Владимирович,— всех своих воспитанников учила главному: человек

должен входить в самостоятельную жизнь тружеником. Это и определяло судьбу всех, кому она давала напутствие в жизнь».

Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы рассказывали детям о благородстве и самоотверженности коммунистов разных стран, о великой силе пролетарского интернационализма.

Став взрослым и желая вступить в партию, Артур Владимирович обратился за рекомендацией к Анне Ильиничне. Она сказала: если ты решил вступить в партию — значит, считаешь себя готовым к такому серьезному шагу в своей жизни, понимаешь, какую ответственность берешь на себя. Тебе, Артур, есть с кого брать пример. Твой отец был настоящим коммунистом. Думаю, что сын будет достоин отца.

Анна Ильинична Ульянова дала Артуру Юстусу рекомендацию в партию.

После смерти Анны Ильиничны Мария Ильинична продолжала относиться к нему с материнской заботой и любовью. Встречи с Марией Ильиничной, ее письма играли очень большую роль в жизни молодого человека.

За плечами Артура Владимировича Юстуса — большая и интересная жизнь. В 1930 году он поступил в авиационное училище и после его окончания стал командиром Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны был в авиационных частях на Ленинградском, Южном и других фронтах. За бесстрашие и героизм в боях против немецко-фашистских захватчиков награжден боевыми орденами и медалями. В рядах Советской Армии подполковник А. В. Юстус служил до 1957 года. Потом работал на ленинградских предприятиях, был директором многих советских выставок за рубежом.

Артур Юстус неоднократно приезжал в Будапешт, встречался здесь с Первым секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Яношем Кадаром, с товарищами своего отца по революционной работе, с трудящимися нашей народной республики.

В мае 1978 года по приглашению Института истории партии при ЦК ВСРП Артур Владимирович Юстус снова приезжал в Будапешт. Цель этого приезда была в том, чтобы разыскать новые материалы и фотоснимки для второго издания книги «Самое дорогое».

Артур Владимирович встретился с соратниками и боевыми друзьями Владимира Богдановича — с Рожи

Чиллаг, Йолан Келен, Михальфалви Палом и другими ветеранами нашей партии. Эти встречи дали Артуру Владимировичу возможность получить новые факты, документы, фотографии и значительно дополнить книгу.

Артур Юстус был приглашен правительством Венгерской Народной Республики и на празднование 60-летия Венгерской коммунистической партии и первой Венгерской Советской Республики.

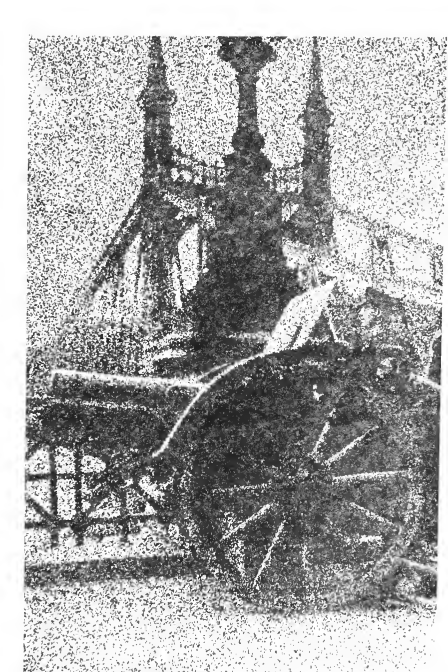
Наш гость своими глазами мог увидеть, как дорожит венгерский народ советско-венгерской дружбой, которая навеки скреплена кровью венгерских интернационалистов в дни Великой Октябрьской социалистической революции и в гражданской войне и русских интернационалистов, защищавших Венгерскую Советскую Республику.

Неутомимый исследователь и пропагандист интернациональных связей, активный член Общества советско-венгерской дружбы Артур Юстус последний раз посетил Будапешт — город своего детства — в ноябре 1981 года. В праздничный день 7 Ноября сердце одного из верных ленинцев-интернационалистов внезапно остановилось в том же 14-м районе Будапешта, где он родился 68 лет назад. Он умер на посту, выполняя свой партийный долг. Его никогда не забудут друзья, соратники по партии, люди, слышавшие его незабываемые рассказы о семье Ульяновых, о дружбе венгерского и советского народов, рассказы, в которых он звал к утверждению ленинских идей добра, справедливости и мира на нашей беспокойной планете.

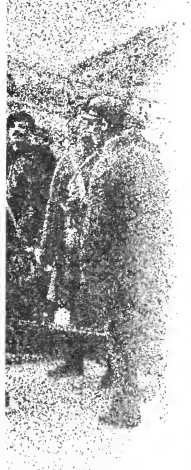
Но мы не прощаемся с Юстусом. Он говорит с нами со страниц нового издания его книги «Самое дорогое». Самое дорогое для него и для всех нас то, что связано с именем и идеями великого Ленина.

Всегда и во всем Артур Владимирович проявлял замечательные качества, воспитанные в нем сестрами В. И. Ленина, выполнял заветы отца-революционера, пламенного интернационалиста. На примерах жизни героев этой книги молодое поколение будет учиться непоколебимой верности коммунистическим идеалам, борьбе за торжество великого дела построения коммунизма.

Будапешт.

МУЖЕСТВО ЗАКАЛЯЕТСЯ В БОРЬБЕ

Мой отец Владимир Богданович Юстус, уже в советские годы отвечая в одной анкете на вопрос о социальном происхождении, написал о себе: «Сын пролетариата». Этот ответ необычен. Но отец имел моральное право так написать. Мой отец был простым солдатом революции, как о нем коротко и точно сказала старейшая участница рабочего движения в Венгрии Йолан Келен.

В ГОРОДЕ МОЕГО ДЕТСТВА

Кто может остаться равнодушным, оказавшись через сорок лет в городе своего детства! В Будапеште я родился. В 1920 году семилетним ребенком вместе с семьей покинул столицу буржуазной Венгрии и уехал в Советскую Россию. А спустя четыре десятилетия приехал в народную Венгрию с делегацией Общества советско-венгерской дружбы. Побывал в Будапеште — столице Венгерской Народной Республики.

Я увидел цепи Будайских гор, покрытых лесами, любовался с Крепостного холма живописной панорамой города, раскинувшегося по обоим берегам Дуная. Бродил по широким проспектам Пешта и старым улицам Буды, стоял на горе Геллерт у величественного монумента, воздвигнутого в честь героев-воинов Советской Армии, освободившей Венгрию от гитлеровских захватчиков.

С большим волнением посетил в венгерской столице многие места. В Будапеште мне прежде всего хотелось побывать на улице Гизелла. Я шел по этой тихой, ничем не примечательной с виду улочке, и в моей памяти вставали картины далекого детства. Вот он, хорошо запомнившийся мне дом № 19 с двумя нахохлившимися каменными совами, установленными по обеим сторонам ворот. Вошел во двор, по которому во время шумных мальчишеских игр носился когда-то со своими сверстниками.

Но я явился сюда не только для того, чтобы вспомнить былое.

— Обязательно разыщи в Будапеште Антала Йожефа, если он жив,— просила меня мать, когда я уезжал из Москвы.— Он проживал в том же доме на улице Гизелла, где и мы, только вот не помню, в какой квартире, шутка ли, сорок лет прошло. Если найдешь этого человека, крепко пожми ему руку. Скажи, что помню его. Антал Йожеф был верным, надежным товарищем.

Не скрою, я очень волновался: найду ли человека, который жил здесь сорок лет назад? Мало ли что за прошедшие десятилетия могло случиться?

И вот стою у памятного дома на улице Гизелла...

По широкой лестнице поднялся на третий этаж, остановился у двери одной квартиры... Да, именно здесь жила наша семья, тут я родился и провел годы своего раннего детства. Нажал на кнопку звонка. Дверь открыл мужчина преклонных лет.

— Прошу извинить за беспокойство,— обратился я к нему.— Когда-то в одной из квартир этого дома жил портной Антал Йожеф. Очень хочу с ним встретиться. Не поможете ли разыскать его?

Каково же было мое удивление, когда я услышал:

— Вы его уже разыскали. Портной Антал Йожеф перед вами. Вернее, бывший портной. Я давно не работаю. Стар...

Эта встреча была такой неожиданной, что я растерялся:

— Насколько мне известно, вы раньше жили в другой квартире этого дома.

Антал Йожеф удивился моей осведомленности.

— Я уже лет сорок живу в этой квартире,— сказал он.— А раньше действительно жил в другой, по соседству.

— Скажите, пожалуйста, вы, может быть, помните тех, кто когда-то занимал квартиру, в которой теперь живете вы?

Антал Йожеф задумался.

— Тут жили разные люди. Одни выезжали, другие въезжали. Всех не вспомнить. А вот одну семью, хотя прошло очень много лет, помню хорошо. Жил здесь со своей семьей эмигрант из России Юстус Владимир. Работал, по-моему, механиком на табачной фабрике. Эта фабрика находится неподалеку, на нашей улице Гизелла.

— И семью его помните?

— Да, если не ошибаюсь, у Юстуса были жена Анна, два мальчика и совсем крохотная дочурка. Но почему это вас интересует? И кто рассказал вам о старом Антале Йожефе?

— Мне говорила о вас Анна Юстус. Она просила разыскать вас в Будапеште, передать вам самый сердечный привет, сказать, что она вспоминает вас с уважением и благодарностью.

Старик всплеснул руками:

— Анна Юстус! Где же она теперь живет?

— На своей родине в Советском Союзе. В Москве.

— Вы с ней хорошо знакомы?

— Я ее сын Артур Юстус.

— И впрямь хороший знакомый! — радостно рассмеялся Антал Йожеф.

— А вы — старший сын или младший?

— Младший.

— О, вы были тогда совсем ребенком. А как зовут вашего брата?

— Лео.

— Да, да, Лео,— вспомнил мой собеседник.— Он тоже теперь живет в Москве?

— Он — москвич. А я — ленинградец.

Так спустя сорок лет в Будапеште, в доме на улице Гизелла, состоялась эта удивительная и незабываемая встреча.

Разговор с бывшим соседом очень обрадовал меня не только потому, что я выполнил просьбу матери. И квартира, в которой я провел раннее детство, и встреча с Анталом Йожефом пробудили в моей памяти немало воспоминаний.

Антал Йожеф спросил меня об отце и сокрушенно покачал головой, узнав, что Владимир Юстус умер еще в 1930 году.

— Значит, скончался совсем молодым. Очень хороший был человек. Справедливый и смелый. Сидел в тюрьмах, а от своего дела не отрекался. Я, по правде говоря, не думал, что он живым выберется из Будапешта. Помню, власти обещали большую сумму тому, кто выдаст его полиции. Это было в августе девятнадцатого года, когда контрреволюционеры задушили в Венгрии Советскую власть.

— А вы, может быть, помните, как Владимир Юстус присылал к вам заказчиков? — спросил я Антала Йожефа.

— Вы и это знаете? — удивился старик, и лицо его, освещенное доброй улыбкой, сразу помолодело.

— Мне рассказывала об этом мать.

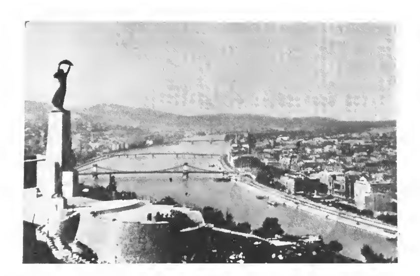
— Да, в те дни у меня появились не совсем обычные заказчики. Приходит молодой человек,— иногда это был венгр, иногда русский,— приносит завернутый в материю пакет. Говорит, что хочет сшить себе новый костюм и что прислал его ко мне Юстус. А я знаю: если заказчика направил Юстус — нужно пакет спрятать куда-нибудь подальше. Дня через два снова является этот молодой человек, спрашивает, готов ли его «заказ». Значит, надо вернуть ему спрятанный пакет. Словом, ваш отец присылал мне на хранение нелегальные революционные прокламации.

Вот что услышал я от бывшего нашего соседа, портного Антала Йожефа, прятавшего листовки, которые печатались в 1917 году в нашей квартире в доме на улице Гизелла.

Были у меня в дни моего приезда в Будапешт весной 1960 года и другие волнующие встречи.

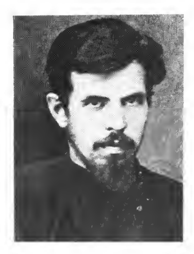
В доме ветеранов на приеме, устроенном в честь приехавшей из СССР делегации Общества советско-венгерской дружбы, ко мне подошел невысокий, коренастый, убеленный сединой человек. Он по-отечески улыбнулся и сказал:

— Конечно, не узнаешь меня, Артур? А я взглянул на тебя — и сразу вспомнил бойкого мальчишку

Вид с горы Геллерт. Слева на горе монумент, воздвигнутый в честь героев-освободителей — воинов Советской Армии.

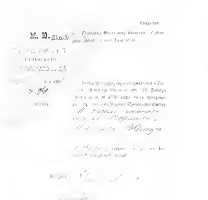
Артур Юстус на улице Гизелла, дом 19, где жила семья В. Б. Юстуса с 1912 по 1919 г. Будапешт.

В. Б. Юстус. Казань, 1901 г.

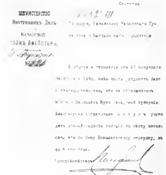

Антал Йожев с женой. Будапешт, 1960 г.

Секретно

[illegible]

Секретно

МИНИСТЕРСТВО
Внутреннихъ Дѣлъ

[illegible]

Полицейские документы о В. Б. Юстусе. Казань, 1901 г.

В ссылке. Сидит первый слева В. Б. Юстус. Пинега, Архангельская губ., 1902 г.

В. Б. Юстус. Петербург, 1909 г.

В. Б. Юстус и А. Г. Юстус с сыном Лео. Вена, 1912 г.

Йожеф Келен. 1917 г.

Йолан Келен. 1917 г.

Отто Корвин. 1917 г.

Имре Шаллаи. 1917 г.

Русские военнопленные на демонстрации. Будапешт, 1918 г.

Дежё Бокани выступает на митинге трудящихся. Будапешт, 25 ноября 1917 г.

Слева направо: Владимир Юстус, Павел Карелин, Владимир Родионов. Будапешт, ноябрь 1918 г.

Бела Кун. Будапешт, 1918—1919 гг.

Munkások! Katonák!
Polgárok! Elvtársak!

1918. november 10 én az oroszországi munkás, katona és paraszttanácsok központi végrehajtóbizottsága megbízásából Swerdloff elvtárs népbiztos Moszkvából a magyar forradalmi kormányhoz 1031/3/11/10. szám alatt egy [illegible] szavas szikratáviratot küldött a felszabadult népek részére. A táviratban üdvözli a magyar forradalmi kormányt és

világköztársaság

megalakítására szólítja fel. Figyelmezteti egyúttal a felszabadult népeket, hogy a forradalomnak csatlakozó burzsoázia által ne engedjék magukat félrevezetni, mert a forradalom csak akkor mondható eredményesnek, ha dolgozó nép uralmával végződik. Ezt a népnek küldött üzenetet a titkos diplomáciát eltörlő „népkormány" előttünk mindmáig elhallgatta. Követeljük, hogy hozzák azt azonnal, szószerinti szövegében nyilvánosságra!

Legyen vége a titkos mesterkedésnek. Sorsunkat magunk akarjuk intézni!

Szocialista köztársaságot akarunk!

Листовка, распространенная в Будапеште революционными социалистами 16 ноября 1918 г.

РАБОЧИЕ! СОЛДАТЫ!
ГРАЖДАНЕ! ТОВАРИЩИ!

10 ноября 1918 года по поручению Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов народный комиссар товарищ Свердлов прислал из Москвы в адрес венгерского революционного правительства телеграмму освободившимся народам. В телеграмме он приветствует венгерское революционное правительство и призывает к созданию мировой республики.

Вместе с тем он предостерегает освободившиеся народы от опасности попасться на удочку буржуазии, рядящейся в тогу революционеров, поскольку революция только тогда может быть названа успешной, если она завершается установлением господства трудового народа. Это посланное народу приветствие «народное правительство», отказавшееся на словах от тайной дипломатии, до сих пор замалчивает от нас. Мы требуем немедленно предать гласности дословный текст послания!

Пора положить конец тайным манипуляциям! Мы хотим сами решать свою судьбу! Мы за социалистическую республику!

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ

Курьеры Венгерской коммунистической партии Владимир Урасов и Немети Лайош, ездившие к В. И. Ленину (1918 г.)

Венгерские военнопленные в Петрограде, выступившие в поддержку призыва Советского правительства о прекращении войны. 17 декабря 1917 г.

Эмблема Коммунистической партии Венгрии в 1918—1919 гг.

ТОВАРИЩИ!
РУССКІЕ РАБОЧІЕ И КРЕСТЬЯНЕ!

Пролетаріат Красной Венгріи заключил братскій союз с русским пролетаріатом

Наш долг дорогіе Товарищи своими крепкими руками и твердыми сердцами укрепить этот вечный союз угнетенных рабочих и крестьян наших стран!

И точно так как [illegible] на дальных русских землях рука об руку воюют рабочіе и крестьяне из бывших Австро-Венгерских военнопленных с своими русскими братьями, также должны общіе интересы и общіе идеалы пролетаріи [illegible] в [illegible] всех [illegible] революціонном военном лагере [illegible] пролетарской революціи в дне борьбы с общим [illegible] врагом [illegible] буржуазіей!

Товарищи! Всемірная революція зовет Вас в ряды Интернаціональной Красной Арміи!

Все которым дорого дело пролетаріа и революціи запишутся в [illegible] Будапешт [illegible] Интернаціональ[illegible]

Товарищи! Русская и Интернаціональная Красная Армія из [illegible] Австро-Венгріи приближается с каждым днем. Нам надо [illegible] на встречу

Записатся можно ежедневно от 9 до 2 ч.
Адрес I Вар (Крепост) Ловарда улица Но. 1.

Да здраствует Всемірная Революція

Да здраствует братскій Союз [illegible] всех стран!

Да здраствует Интернаціональная Красная Армія

С братским приветом

НАРОДНІЙ КОМИССАРІАТ

Воззвание Народного комиссариата по военным делам Венгерской Советской Республики к русским военнопленным в Венгрии. 1919 г.

Бела Кун выступает на митинге трудящихся Будапешта. 1919 г.

Первый плакат Венгерской Советской Республики. 22 марта 1919 г. На нем написано: «Диктатура пролетариата. Да здравствует Венгерская Советская Республика в союзе с русскими».

«К оружию! К оружию!» Плакат художника Роберта Береня. Венгрия, май 1919 г.

КО ВСЕМ РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В ВЕНГРИИ!

ТОВАРИЩИ!

Народный Комиссар по иностранным делам Российской Советской Республики

ЧИЧЕРИН.

Обращение Г. В. Чичерина к русским военнопленным в Венгрии. Апрель 1919 г.

Обязанность каждого обученного пролетарского солдата записаться в Красную Армию.

Газета «Правда» — орган Будапештской группы РКП(б). Апрель 1919 г.

Демонстрация венгерских военнопленных в Петрограде на Невском проспекте 30 декабря 1917 г.

Русские военнопленные направляются в Келенфельдские казармы, где формировался Русский батальон венгерской Красной Армии. Будапешт, 1919 г.

Агитаторы русской группы большевиков идут с русскими военнопленными на пункт вербовки в ряды венгерской Красной Армии. Справа налево: Лев Табачников, Михаил Швартин. Будапешт, 1919 г.

Россійская Коммунистическая Партія (большевиков).

В старом Политехникуме (Султан Мехмед ул.) состоится в воскресенье 13 апреля в 3 ч. дня

РУССКІЙ

КОНЦЕРТ-МИТИНГ

на тему:

„Что такое Советская Власть?"

Говорить будутъ тов. Юстус, и др

Плакат-объявление «Русский концерт-митинг на тему: «Что такое Советская власть?». Говорить будут тов. Юстус и др.».

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика

Смотри, Товарищ!

ВОТ

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА

Ее носит красно-армеец на фуражке.

Она—отличительный знак красно-армейца.

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА—знак Красной Арміи.

Почему Красная Армія носит КРАСНУЮ ЗВѢЗДУ?

Что же изображает КРАСНАЯ ЗВѢЗДА?

СЛУШАЙ, ТОВАРИЩ!

Слыхал ты эту сказку, товарищ?

Всѣ под КРАСНУЮ ЗВѢЗДУ, товарищи!

Вот, что означает Красная Звѣзда Красной Арміи!

Плакат «Почему красноармейцы носят красную звезду?».

Бывшие русские военнопленные после митинга идут на место сбора, чтобы вступить в ряды венгерской Красной Армии. Апрель 1919 г.

Русский батальон венгерской Красной Армии направляется на фронт. Будапешт, апрель 1919 г.

Тибор Самуэли выступает на митинге трудящихся. Крайний справа — Владимир Юстус. Будапешт, апрель 1919 г.

Русские интернационалисты — участники Венгерской революции 1919 г. и защитники Венгерской Советской Республики (слева направо): В. Юстус, В. Родионов, В. Урасов, Б. Лаптев, К. Каблуков, П. Коблов, В. Тимофеев, Р. Меллер, Л. Табачников, К. Коваленко, С. Куравский, Н. Федколенко.

Русские интернационалисты — участники Венгерской революции 1919 г. и защитники Венгерской Советской Республики (слева направо): С. Яковлев-Рувинский, П. Карелин, И. Крупин, Л. Чертов, И. Макаревич, С. Шнейдер, А. Белоцерковский, А. Горохов, С. Виноградов, Н. Ястребов, М. Швартин, А. Юстус.

Б. Кун, Ш. Гарбаи, Т. Гаубрих, Б. Санто, В. Юстус на демонстрации. Будапешт, 1 мая 1919 г.

Дети на демонстрации 1 мая 1919 г. Будапешт.

с рыжеватыми кудряшками. Я — Санто Реже, хорошо знал твоего отца, часто бывал в вашей квартире на улице Гизелла. И не просто в гостях. Ты в то время был еще мал. А твой старший брат Лео иногда помогал нам. Он, бывало, дежурил на улице, когда мы печатали листовки. Играет с товарищами, а сам смотрит вокруг, чтобы вовремя предупредить нас об опасности. Лео хорошо выполнял свои обязанности, был заправским конспиратором.

Старый венгерский коммунист Санто Реже — один из создателей армии народной Венгрии — положил мне руку на плечо:

— Артур Юстус может гордиться своими родителями. Они были замечательными революционерами.

Санто Реже говорил по-венгерски и сам же переводил свои слова на русский язык, чтобы они были понятны и хозяевам, и гостям из Советского Союза.

Мне было очень приятно встретить в Будапеште людей, хорошо знавших моего отца. Я радовался тому, что в Венгрии спустя столько лет помнят Владимира Юстуса — русского большевика, одного из борцов за Венгерскую Советскую Республику в 1919 году.

Поднимаясь по лестнице здания на берегу Дуная, у моста Эржебет,— в этом здании помещается Центральный Комитет Венгерской социалистической рабочей партии,— я видел на стенах портреты героев Советской Венгрии и среди них портрет Владимира Юстуса — одного из организаторов Будапештской группы РКП(б), состоявшей из русских политэмигрантов и военнопленных солдат.

Я увидел портрет своего отца и в одном из залов дома на улице Вышеграда в будапештском Музее истории партии.

Да, много незабываемых встреч было в ту памятную поездку в Венгрию. Очень дороги мне подарки венгерских друзей. Такие, например, как книга «Бела Кун». Мне вручила ее Ирина Кун — автор книги, жена и друг славного революционера, выдающегося деятеля венгерского и международного коммунистического и рабочего движения Бела Куна. Есть в этой книге строки о моем отце:

«В Венгрию Юстус попал как политэмигрант и с той поры был связан с рабочим движением Венгрии. Он выучил язык и всячески старался передать свой революционный опыт венгерским рабочим. Бела Кун говорил о Юстусе всегда с большим уважением».

«СЫН ПРОЛЕТАРИАТА»

Мой отец Владимир Богданович Юстус, уже в советские годы отвечая в одной анкете на вопрос о социальном происхождении, написал о себе: «Сын пролетариата».

Этот ответ необычен. Но отец имел моральное право так написать.

Он родился в 1879 году в Казани в семье пароходного машиниста. Мой дед Богдан Андреевич Юстус прошел большой путь пролетария-металлиста. Он работал слесарем в Петербурге на заводе «Арсенал», в Астрахани и в Нижнем Новгороде, был машинистом на волжских пароходах. Затем поселился в Казани, где работал машинистом на заводе братьев Крестовниковых (ныне комбинат имени М. Н. Вахитова).

В 1890 году дед за содействие революционерам был выслан с семьей в Тобольскую губернию. Ему, как квалифицированному рабочему, разрешили жить в Тюмени, где он был слесарем-сборщиком на судостроительной верфи. Там ему удалось пристроить и подрастающих сыновей. Учеником слесаря приняли на верфь и тринадцатилетнего подростка Владимира Юстуса.

Так начался трудовой путь «сына пролетариата» — моего отца Владимира Богдансвича Юстуса.

Отец любил труд и гордился своим рабочим мастерством. Он владел специальностями слесаря, токаря, монтера, механика. Где бы он ни жил, у него была домашняя слесарная мастерская с верстаком, зубилом, набором напильников. Дома отец любил слесарить.

Еще мальчиком отец слышал рассказы деда о людях, которые борются за лучшую жизнь для пролетариев, против их эксплуатации и произвола царя, узнал о тяжелой судьбе политических ссыльных.

«В Тюмени,— вспоминал впоследствии отец,— произошло мое знакомство с политическими ссыльными. В первую же зиму я стал рассматривать арестантские баржи, которые видел возле пристани, расспрашивать о людях на этих баржах».

Знакомство с политическими ссыльными стало более близким в 1895 году, когда отец поступил слесарем на пароход, совершавший рейсы от Тюмени до Обдорска. На пути было много мест, где отбывали срок политические ссыльные. Отец часто доставлял им

газеты и журналы. Ссыльные вели беседы с молодым рабочим. И постепенно усиливалась его ненависть к царизму и капиталистам.

В 1896 году дед с семьей возвратился в Казань. Туда же приехал и отец. В Казани Владимир Юстус познакомился с социал-демократами и приобщился к революционному движению, а затем сам прошел большую школу подпольной работы.

В Казани и Риге его знали по кличке Уксус, в Саратове звали Алексеем, под Архангельском и Вологдой он был Гордеев и Старик, в Баку прибыл под фамилией Косяков. Рабочему-механику Владимиру Богдановичу Юстусу, профессиональному революционеру, приходилось нередко менять паспорта и партийные клички. Он был пропагандистом в нелегальных рабочих кружках, участвовал в организации демонстраций и забастовок, подвергался арестам.

В 1904 году Владимир Юстус приехал в Баку, работал на нефтепромыслах, несколько лет был одним из активных участников революционной борьбы бакинских пролетариев. Осенью 1905 года Владимир Юстус выезжал из Баку в Петербург, где впервые встретился с В. И. Лениным. В редакции большевистской газеты «Новая жизнь» он познакомился тогда с сестрой В. И. Ленина Анной Ильиничной Елизаровой. С ее мужем Марком Тимофеевичем был знаком еще раньше, по встречам в Сызрани в 1901 году. Знакомство, а затем и дружба с Анной Ильиничной и Марией Ильиничной, с которой отец впервые встретился в Нижнем Новгороде в 1900 году, сыграли впоследствии большую роль в судьбе всей нашей семьи и моей лично.

В 1907 году Владимир Юстус был избран от Бакинской организации РСДРП делегатом на V, Лондонский съезд партии. Полиции стало известно об участии Юстуса в Лондонском съезде, и на него завели новое дело. Царский суд приговорил его к пяти годам каторжных работ. Приговор вынесли заочно: Владимир Юстус узнал о нем из сообщения бакинских товарищей. В то время, в 1909 году, он находился в Великом Устюге Вологодской губернии, куда был выслан из Баку еще до суда.

В Великом Устюге отбывала ссылку и моя мать Анна Григорьевна, участница революционного движения в России с 1904 года. В ссылке под Вологдой отец и мать поженились.

Отец, получив сообщение о каторжном приговоре, решил бежать за границу. Побег организовали большевики Великого Устюга. Они снабдили его документами, не вызывавшими никакого сомнения, подобрали надежных людей и выбрали маршрут побега, который пролегал через глухие болотистые леса и почти непроезжие дороги.

Отец благополучно добрался до Петербурга, где встретился с товарищами по революционной работе Павлом Гурьяновичем Михайловым и Дмитрием Александровичем Павловым. При их содействии в больнице на Моховой улице отцу была сделана операция, устранено косоглазие. Этим была исключена одна из личных примет Владимира Богдановича Юстуса, зарегистрированная в полицейских документах. Петербургские товарищи помогли также оформить данный ему великоустюгским большевиком паспорт для выезда, и под фамилией Козишникова Юстус отправился за границу.

В эмиграции Юстус продолжал неутомимую борьбу за дело рабочего класса.

Вначале он поехал в Германию, ибо владел немецким языком. Поступил на угольные копи около Тильзита, сразу включился в революционное рабочее движение и за участие в забастовке был вскоре выслан из страны. Из Германии он направился в политколонию Парижа, затем Женевы. Незадолго до первой мировой войны Владимир Богданович по заданию большевистской партии обосновался в Австро-Венгрии, в городе Вене. Там, работая механиком на машиностроительном заводе, включился в деятельность профсоюза металлистов. От венской группы большевиков был на Пражской конференции. В Париже, Женеве и Праге В. Б. Юстус неоднократно встречался с В. И. Лениным.

За участие в забастовках и демонстрациях в Вене и других городах отец был выслан из Австрии.

В Будапеште он поселился в 1912 году. Вскоре к нему приехала из Вены мать с моим старшим братом Лео, которому тогда исполнился год. Отец поступил механиком на гильзовую фабрику. В Будапеште, как и в других городах во время эмиграции, он стал принимать активное участие в деятельности профсоюза металлистов.

В Венгрии жили тогда и другие русские политэмигранты: А. Акимфьев, А. Белоцерковский, Е. Вайсброд, В. Тимофеев, И. Филиппов, Ф. Чертов и другие.

Они часто собирались у моих родителей в квартире на улице Гизелла. Многие политэмигранты и военнопленные скрывались здесь. Вот что пишет активная участница революционного движения венгерка Илона Дучинска:

«Перед войной семья Юстуса поддерживала связи с нелегальным партийным движением своей родины. Их венгерская квартира стала местом для укрытия товарищей, эмигрировавших из царской России... На ночлег семья Юстуса располагалась вдоль одной стены комнаты, вдоль другой стены были постелены соломенные матрацы, на которых находили приют те русские революционеры, которым удалось бежать из многочисленных венгерских лагерей военнопленных и которые при помощи старых связей могли найти Юстуса».

Спустя много лет после смерти моего отца я нашел в нашем семейном архиве его воспоминания об одной из встреч русских политэмигрантов летом 1914 года, в начале первой мировой войны.

Владимир Ильич Ленин жил в то время в местечке Поронино, около Кракова. Эти польские земли, как и вся Галиция, принадлежали тогда Австро-Венгрии. 7 августа 1914 года в квартире В. И. Ленина в Поронине был произведен обыск. Полицейские отобрали у Владимира Ильича рукописи, а на следующий день он был арестован по ложному доносу агента охранки, обвинявшего его в шпионаже.

Сообщение об аресте Владимира Ильича, появившееся в газетах, вызвало тревогу и возмущение революционных деятелей в Европе. Тревога тем более усиливалась. что русские войска находились недалеко от Кракова, и в случае их успешного наступления В. И. Ленин мог оказаться в застенках царской полиции.

Арест В. И. Ленина чрезвычайно возмутил русских большевиков-политэмигрантов, проживавших в Будапеште. Они немедленно собрались, чтобы сообща подумать о том, как освободить Владимира Ильича. Одни предлагали напечатать и распространить воззвание, в котором разоблачить лживое и гнусное обвинение, выдвинутое против Ленина. Другие считали, что нужно приобрести оружие, выехать в Краков и освободить Владимира Ильича вооруженным путем. Такое, весьма рискованное в то время предложение все же было принято. Уже были выделены товарищи, ко-

торые должны были отправиться в Краков и внезапно напасть на тюрьму в Новом Тарге, где находился Владимир Ильич, и вызволить его из лап охранки. Раздобыли деньги для приобретения оружия. Но они не понадобились: пришло сообщение о том, что под давлением передовой общественности власти Австро-Венгрии освободили В. И. Ленина из тюрьмы.

ЗА МИР МЕЖДУ НАРОДАМИ!

...Вскоре после начала первой мировой войны в Австро-Венгрию начали прибывать русские военнопленные. Они содержались в специальных лагерях, изолированных от населения. Но с 1915 года власти стали направлять военнопленных на заводы и фабрики, на сельскохозяйственные работы. Причиной этого была острая нехватка рабочей силы в стране: война отвлекла на фронт самую работоспособную часть населения.

На предприятиях Будапешта и других венгерских городов появились русские солдаты-военнопленные. Жили они очень тяжело, получали за свою работу гроши, хозяева безнаказанно издевались над ними.

Конференция заграничных секций большевиков, которая проходила в Берне в феврале — марте 1915 года, указала, что в условиях разразившейся войны «новой, трудной и ответственной задачей для заграничных организаций является работа среди пленных». Большевики вели широкую агитационно-пропагандистскую деятельность среди русских военнопленных, особенно в Германии и Австро-Венгрии. Избранный на Бернской конференции Комитет заграничной организации РСДРП, в который входили Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, Г. Л. Шкловский, М. К. Каспаров, координировал работу большевистских организаций в разных городах Западной Европы. При Комитете заграничной организации РСДРП в Берне была создана комиссия помощи военнопленным. Деятельное участие в ее работе принимала Н. К. Крупская. Эта комиссия снабжала марксистской литературой заграничные организации РСДРП. Особое значение имело распространение газеты «Социал-демократ», в которой печатались программные документы партии большевиков.

В. Б. Юстус, являясь руководителем русских большевиков в Венгрии, был связан с Комитетом заграничч-

ной организации РСДРП. Через него переправлялась литература для военнопленных.

Отец часто бывал в лагерях военнопленных, заводил там знакомства. Среди русских солдат он искал большевиков, а также людей, которые сочувствовали большевистской партии. Русский военнопленный большевик В. А Урасов об этом писал: «Через тов. Юстуса В. Б. в лагерь военнопленных проникала революционная литература, как например, текст Бернского манифеста ЦК РСДРП». В манифесте и резолюциях Бернской конференции В. И. Ленин развил положения марксизма о пролетарском интернационализме. Последовательное воплощение принципов пролетарского интернационализма в жизнь В. И. Ленин считал одним из важнейших условий победы рабочего класса...

Рабочий с Урала Владимир Урасов стал членом большевистской партии еще в годы первой русской революции. В декабре 1905 года в Мотовилихе, заводском поселке под Пермью, появились баррикады, разгорелись бои восставших рабочих с царскими войсками. Молодой слесарь Владимир Урасов был активным участником революционных событий. В доме, где он жил, рабочие-большевики организовали тайный склад оружия и динамита.

Царские власти жестоко расправились с участниками вооруженного восстания пермских пролетариев. В начале 1910 года Урасова арестовали и сослали в Якутию. Несколько лет провел он в якутской ссылке. Там его и застала первая мировая война. В 1914 году Владимира Урасова мобилизовали в армию и отправили на фронт. Захваченный в плен в одном из боев, он попал в Австро-Венгрию.

Вместе с группой военнопленных Урасов работал на военном заводе под Будапештом. Военнопленные, возмущенные условиями своего труда, объявили забастовку. Урасов, как участник забастовки, был арестован и заключен в тюрьму. Но в связи с кончиной австрийского императора Франца-Иосифа была объявлена амнистия, и Урасова из тюрьмы направили в лагерь для военнопленных, размещенный в окрестностях села Шоморье.

В этом лагере находилось 30 тысяч пленных, были там и большевики. Вокруг них сплачивались революционно настроенные солдаты. В нелегальную большевистскую группу Шоморского лагеря входили Урасов, Шугаев, Беленький, Станкин, Куравский и другие.

Члены большевистской группы стремились установить связи с русскими военнопленными, находившимися в других лагерях, и с будапештскими революционными организациями. Содействие большевикам Шоморского лагеря оказала, сама того не подозревая, дирекция Главного почтамта в Будапеште. Она обратилась к лагерной администрации с просьбой прислать для работы на почтамте группу военнопленных. Большевики Шоморского лагеря неожиданно получили возможность значительно расширить свои связи. Лагерная администрация отобрала для работы на почтамте грамотных военнопленных. Среди них были и некоторые члены большевистской группы. Они получили партийное задание — связаться с русскими политическими эмигрантами, живущими в столице Венгрии. Один из военнопленных, направленных на почтамт, познакомился с Юстусом, сообщил о нем большевистской группе Шоморского лагеря.

Так встретились за рубежом родной страны два русских большевика — Владимир Юстус и Владимир Урасов. Они установили связи с солдатами-большевиками из других лагерей для военнопленных — Николаем Федколенко, Оскаром Норбергом, Василием Тимофеевым, Савелием Яковлевым и другими.

Большевики вели большую пропагандистскую и агитационную работу среди солдат, разъясняли им грабительский характер империалистической войны, знакомили их со статьями В. И. Ленина, призывавшими превратить войну империалистическую в войну гражданскую. В 1916 году только в Шоморском лагере большевистская группа провела около 20 лекций. В лагерях распространялся Циммервальдский манифест. В конце августа 1915 года в швейцарской деревушке Циммервальде состоялась первая международная социалистическая конференция. На ней с докладом о характере войны и о тактике революционных интернационалистов выступил В. И. Ленин. Манифест Циммервальдской конференции призывал к борьбе за прекращение войны, за мир между народами.

Будапештская группа русских большевиков под руководством В. Б. Юстуса решила объединить в одну организацию большевиков и всех революционно настроенных русских солдат, находившихся в различных лагерях и действовавших разрозненно. И эта задача была выполнена.

После Февральской революции объединенная большевистская группа стала выпускать газету «Вперед» на русском и венгерском языках.

Урасов писал: «Благодаря организаторской способности тов. Юстуса и его ближайших соратников наша большевистская группа значительно увеличилась к осени 1917 года». А к концу 1917 года на каждом заводе, где работали русские военнопленные, и в каждом лагере военнопленных существовали нелегальные большевистские ячейки. Руководили революционной деятельностью среди русских военнопленных Юстус, Тимофеев, Урасов, Лондон, Табачников, Куравский, Родионов, Норберг, Федколенко.

Под руководством и при активной поддержке Комитета заграничной организации РСДРП большевики, используя разнообразные формы агитации, распространяя социалистическую литературу, проводили огромную работу по формированию классового сознания у военнопленных. Многое разъяснила им распространенная в лагерях листовка «Товарищам, томящимся в плену», написанная В. И. Лениным в марте 1917 г. Она призывала их широко обсуждать революционные события на родине.

Осенью 1917 года из Вены в Будапешт приехал видный деятель заграничных секций РСДРП (большевиков), участник революции 1905—1907 гг. в Петербурге Филипп Филиппóвич. Встреча с ним проходила в нашей квартире на улице Гизелла, 19. Ф. В. Филиппович от имени ЦК рекомендовал расширить работу среди венгерского пролетариата, среди левых венгерских социалистов.

В то время в Венгрии еще не было боевой революционной партии рабочего класса. Социал-демократы проводили соглашательскую политику. Когда началась первая мировая война, лидеры социал-демократической партии изменили делу пролетариата, развернули шовинистическую пропаганду. Они призывали к войне «до победного конца», к созданию «единого национального фронта» с буржуазией. Призывали рабочих проливать свою кровь за чуждые им интересы.

В обстановке разгула шовинизма, лжепатриотического угара интернационалистскую позицию заняли члены кружка имени Галилея, или, как его еще называли, клуба Галилея.

Кружок имени Галилея был создан в Будапеште в 1908 году и представлял собой группу буржуазно-

радикальной молодежи. Перед войной в этом кружке действовали студенты-социалисты.

В студенческом кружке имени Галилея пропагандировались революционные идеи. В годы первой мировой войны члены кружка вместе с левыми социалистами-рабочими разоблачали империалистический характер войны. В своих нелегальных листовках они призывали угнетенных всего мира к совместной революционной борьбе против империалистической бойни. В листовках выдвигался лозунг «Рабочие, солдаты всех стран, соединяйтесь!».

Осенью 1917 года из членов кружка имени Галилея и левых социалистов рабочих выделялась антимилитаристская группа: Тивадар Шугар, Илона Дучинска, Ласло Чиллаг, Антал Мошойго, Дюла Хевиши, Йожеф Келен, Йолан Келен, Отто Корвин, Имре Шаллаи и другие. Эта нелегальная боевая организация получила наименование — «революционные социалисты».

В ноябре 1917 года Владимир Юстус установил связь с группой революционных социалистов. Об этом Илона Дучинска пишет: «Не мы установили ту очень важную связь, а ее с нами установил выдающийся русский рабочий Владимир Юстус, эмигрант... проживавший в Будапеште под полицейским надзором, но как свободный человек... Юстус был верным человеком большевистской партии... Как очень серьезный и образованный деятель рабочего движения, он знал: невозможно, чтобы здесь, в Будапеште, не было антимилитаристских группировок и направлений. Юстус встретился с Ласло Чиллагом, который сказал, что знает о такой группе». И далее Илона Дучинска вспоминает: «После ноябрьской демонстрации один из членов нашей группы, Ласло Чиллаг, упомянул, что по соседству живет русский рабочий — участник революции 1905—1907 годов, политэмигрант, он ищет с нами встречи. Я вместе с Шугаром отправилась на улицу Гизелла, 19, на квартиру к Владимиру Юстусу. С этого момента для нас началась новая глава тех событий, участниками которых мы стали».

Деятельность этой группы особенно усилилась после того, как мир облетела весть о событиях в России и победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Вот что пишет, вспоминая дни своей юности, одна из старейших участниц рабочего движения в Венгрии

Йолан Келен (она была членом кружка имени Галилея, а потом входила в группу революционных социалистов):

«...Когда нас обдало из России жгучим ветром пролетарской революции, мы сплотили свои ряды, получили цель и направление.

Несколько студентов-галилеевцев, несколько молодых рабочих. Маленький отряд в десяток человек против тяжелой немецко-австрийской военной машины! Несколько тысяч листовок, несколько сот плакатов. Чего же могли мы добиться с помощью этого?

Мы сами больше всех удивлялись, когда эти несколько тысяч листовок, несколько сот плакатов нашли отклик в стране. Ибо наш голос был голосом правды...

...Нашим наставником был один пожилой русский большевик — Владимир Юстус. Он лучше всех знал, что надо делать. Он был простым солдатом революции, солдатом Ленина.

Он нашел нас так же естественно, как магнит находит железо.

Он рассказал нам, как большевики готовят и распространяют листовки, учил быть немногословными, если полицейские задержат нас,— не отрекаться от своих принципов, но ни словом не проговориться о нашей работе.

Юстус дал нам в помощь одного молодого русского рабочего... Он был ловким и юрким, как маленький жонглер, он раздобывал все, что было нужно: гектограф, бумагу, краски, и никто не знал откуда.

По всему Будапешту говорили об антивоенных листовках. Одни видели их, другие слышали о них».

Кто же был этот «ловкий и юркий, как маленький жонглер» молодой рабочий, о котором пишет в своих воспоминаниях Йолан Келен?

Вместе с отцом участвовал в кружке Галилея русский солдат Куравский (в Венгрии он был известен под фамилией Журавский). До войны Куравский работал на одном из предприятий Киева. Из лагеря для военнопленных его направили в Будапешт на станкостроительный завод. Там он познакомился с моим отцом и стал принимать участие в печатании и распространении нелегальной революционной литературы.

Спустя много лет вдова С. З. Куравского передала мне старое, сохранившееся у нее письмо Владимира Юстуса к ее мужу: «Помнишь, дорогой Шура (так

звали товарищи С. З. Куравского. — *Авт.*), тяжелые годы военного угара, когда ты был в плену, а я в политической эмиграции? Нас подвергали постоянным гонениям. Каждую минуту могли мы ожидать тюрьмы, а то и расстрела. Но ничто не пугало нас. Мы сколачивали гроб российскому царскому самодержавию и австро-венгерской реакции».

В своих листовках будапештская группа революционных социалистов призывала решительно бороться против империалистической войны, отказываться от производства оружия и военных материалов.

Эти листовки печатались в квартире, где жили русские политические эмигранты Владимир и Анна Юстус, в доме 19 по улице Гизелла. «Эту квартиру на улице Гизелла нам необходимо было любыми способами защищать от нежелательных глаз»,— писали революционные социалисты. Прокламации размножались с помощью ротатора. Желатин, глицерин и другие материалы, необходимые для печатания листовок, доставляли рабочие завода лекарственных препаратов.

Так была напечатана и листовка «Братья солдаты». Вот что вспоминает Илона Дучинска:

«В конце декабря демонстрации на улицах участились. Против демонстрантов были применены военные действия (кровавые)... Наша группа решила написать обращение к солдатам... чтобы они не стреляли в рабочих, вышедших на демонстрацию. Это была листовка под названием «Братья солдаты», которую... размножили в конце декабря Юстус с женой».

Потом листовки стали печатать типографским способом. Рабочие будапештской типографии «Глобус» — венгры и русские солдаты-военнопленные — доставляли в нелегальную типографию шрифт. Отец сам изготовил такое оборудование, которое отвечало требованиям конспирации.

Когда печатались листовки, набор размещался не на стальной плите, как обычно, а на толстом полированном стекле. Затем набор прятали, а на стеклянную плиту, покрытую скатертью, ставили чашки. Замаскировать стальную плиту, предназначенную для набора, было бы гораздо труднее.

Отец доставлял с гильзовой фабрики, где он работал, папиросную бумагу. Как вспоминает Йолан Келен, «Юстус говорил галилеевцам, что сам бог создал папиросную бумагу для листовок».

Так действовали молодые венгерские революционе-

ры-социалисты и находившиеся в то время в Венгрии русские солдаты-большевики.

Этот период активного сотрудничества русских большевиков с венгерскими революционными социалистами и левыми социал-демократами был ознаменован большим подъемом революционного движения в Венгрии. В конце 1917 и начале 1918 года вспыхнули массовые политические забастовки, демонстрации и митинги, направленные против империалистической войны, за свободу народа, за демократию, за социализм.

Владимир Юстус, являясь руководителем группы русских большевиков, активным участником революционного движения в Венгрии, умело передавал свой богатый опыт нелегальной работы венгерской молодежи, способствуя воспитанию революционных сил Венгрии.

СВЕТ ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Политика и тактика большевистской партии в годы империалистической войны были определены в манифесте ЦК «Война и российская социал-демократия». Этот исторический документ, написанный В. И. Лениным, был опубликован в ноябре 1914 года. Основным лозунгом партии, сформулированным в ленинском манифесте, был лозунг поражения царского правительства в войне, превращения империалистической войны в войну гражданскую, в революцию против господствующих эксплуататорских классов.

В феврале — марте 1915 г. в Берне на конференции заграничных организаций РСДРП была дана оценка основным проблемам войны и мира. Были сформулированы новые задачи, поставленные перед партией, одна из них — работа среди русских военнопленных.

В связи в победой Февральской революции 1917 г. в России В. И. Ленин от имени редакции газеты «Социал-демократ» обратился с призывом к русским товарищам, находившимся в Германии и Австро-Венгрии:

«Вы, томящиеся в плену, не можете остаться безучастны. Вы должны быть готовы к тому, что и на вашу долю, быть может, уже скоро выпадет важная задача».

К тому времени в Австро-Венгрии находилось около миллиона русских военнопленных.

В. И. Ленин внимательно следил за настроениями военнопленных, их отношением к войне, к революционным событиям в России.

О взволнованности людей, встретивших на чужбине, в плену, вести о революционных событиях в России, ярко свидетельствовали их письма, присланные русскими военнопленными и политэмигрантами в Берн.

Вот одно из них:

«Товарищи! Глубоко потрясенные радостными вестями, идущими с Родины, мы жадно ловим все факты и слухи, доходящие до нас, и картина событий получается грандиозной. Жгучая радость и тоска по Родине сливаются в одно охватившее всех нас чувство. Все наши мнения с Родиной, все наши думы с ней. Но бессильно опускаются связанные руки... Шлем вам привет, товарищи! Мы вернемся в свободную уже Россию. И тогда мы с обновленными силами двинемся по пути социализма...»

Русские солдаты, оказавшиеся в плену, тяжело переживали свое положение: они были оторваны от своей страны, но хотели стать активными участниками развернувшихся в России революционных событий.

Вот письмо, присланное в Берн из Венгрии русским солдатом-военнопленным в апреле 1917 года:

«...Только что узнали, что товарищ Ленин и другие через германскую границу проехали в Россию. Очень рады этому, надеемся, что дело освобождения подвинется вперед и ближе к миру станет. Все пленные встретили это известие с огромной радостью».

Другой русский солдат-военнопленный писал в Берн из Венгрии в сентябре 1917 года: «...Настроение находящихся со мною товарищей военнопленных таково: как измученный путник в знойный день в песках пустыни лепечет засохшим языком: „Воды, воды", так и пленные, даже неграмотные, кричат: „Дайте свободного и правдивого слова"».

В листовке «Товарищам, томящимся в плену» В. И. Ленин писал:

«Враги российской свободы иногда рассчитывают на вас. Они говорят: в плену находится около 2 миллионов солдат; если они, вернувшись на родину, перейдут на сторону царя, мы можем еще опять посадить на трон Николая или его «возлюбленного» братца. В истории бывало и так, что вчерашний неприятель, помирившись с низвергнутым царем, отдает ему

его пленных солдат, чтобы они помогли ему бороться против собственного народа...

...Заявите громко, что вы, вместе со всей лучшей частью русских солдат, не хотите царя, что вы требуете свободной республики, безвозмездной передачи помещичьих земель крестьянам, 8-часового рабочего дня, немедленного созыва Учредительного собрания. Заявите, что вы стоите на стороне Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов...

Вернитесь в Россию как армия революции, как армия народа, а не как армия царя».

Можно понять чувства, которые испытывали русские солдаты-военнопленные, когда по венгерским городам и селам, как и по всему миру, разнеслась весть о великой победе рабочего класса и трудового крестьянства России, свергнувших власть помещиков и капиталистов. Началась новая эпоха в истории человечества: родилось первое в мире социалистическое государство.

Советское правительство в первые же дни обратилось к народам и правительствам воюющих держав с призывом прекратить войну:

«Продолжать эту войну... правительство считает величайшим преступлением против человечества»,— говорилось в Декрете о мире.

Весть об Октябрьской революции, призыв к прекращению войны русские солдаты, находившиеся в плену в Австро-Венгрии, встретили с большой радостью и гордостью за свою родину.

Правительственные круги Австро-Венгрии увидели, что решающее большинство русских военнопленных с самого начала поддерживало социалистическую революцию на родине. В докладе австро-венгерского ведомства цензуры от 2 декабря 1917 года так характеризовалась политическая позиция русских военнопленных: «Пленные в общем с большой симпатией встретили весть о том, что правительство Керенского пало и что власть взяли в руки ленинцы».

Великая Октябрьская революция взволновала не только русских военнопленных. Многие товарищи по плену — итальянцы, румыны, сербы — с восхищением смотрели на русских, на родине которых совершилась социалистическая революция. Один военнопленный итальянец, как было отмечено цензурой, писал: «Надеюсь, что русская революция распространится на всю Европу».

Русские солдаты рвались на Родину. Но путь в Россию им пока был закрыт. Страны Антанты намеревались использовать русских военнопленных для пополнения войск белогвардейцев, стремившихся свергнуть Советскую власть в России. Этому помешала прибывшая осенью 1918 года в Вену, а затем в Будапешт комиссия русско-советского Красного Креста. Эта комиссия, несмотря на многочисленные искусственно созданные препятствия, организовала отправку многих русских военнопленных в Советскую Россию, тем самым сократив до минимума возможность использования военнопленных для пополнения офицерского и рядового состава белых войск. В работе комиссии Красного Креста активное участие приняла русская группа большевиков в Будапеште и Вене.

В январе 1919 года прибывший в Будапешт полномочный представитель Антанты дал указание арестовать представителей Красного Креста, организовавших возвращение военнопленных на родину, и установить особый надзор над эшелонами с военнопленными, прибывающими на железнодорожный узел Будапешта из Германии и Австрии. Эти военнопленные предназначались для армии белогвардейского генерала Деникина.

На место арестованных членов комиссии Красного Креста пришли русские большевики и владеющие русским языком венгерские коммунисты. Они встречали эшелоны на разных венгерских станциях и проводили среди военнопленных разъяснительную работу. Агитаторы добивались успеха: многие военнопленные бежали из эшелонов и прятались в Венгрии с помощью русских и венгерских коммунистов. Об этом свидетельствует информация советника Министерства иностранных дел Венгрии Михая Юнгера, в которой он констатирует, что бежало значительное количество пленных из эшелона, что венгерская охрана, в которой определенно могли быть солдаты, связанные с коммунистами, не препятствовала бегству.

Автор документа предлагал, чтобы эшелоны с военнопленными по всей территории страны «сопровождали бы строгими инструкциями французские эскорты, тем более что эти эшелоны следуют для выполнения дальнейших целей Антанты, и не в ее интересах, чтобы бóльшая часть пленных отстала в пути».

Русские большевики и комиссия Красного Креста, кроме гуманных целей, выполнили задачу — реши-

тельно помешать использованию военнопленных для пополнения белогвардейских войск, стремившихся задушить молодую Советскую Республику в России.

Военнопленные видели, с какой радостью встретил весть о победе Великого Октября трудовой народ Венгрии, как горячо выражал он свою братскую солидарность с героическим российским пролетариатом.

Никогда раньше не было в Будапеште таких мощных демонстраций, как та, которая состоялась 25 ноября 1917 года. Многочисленные колонны рабочих двигались по бульварному кольцу Керут, проспекту Андраши, по другим улицам. Все попытки правительства воспрепятствовать демонстрации и митингу провалились. Полицейские и жандармы были бессильны перед этой народной манифестацией.

Демонстранты направились в городской парк. Там, у площади перед павильоном Промышленной выставки, прошел митинг, на котором присутствовало сто тысяч человек. Собравшиеся с огромным воодушевлением приветствовали социалистическую революцию в России и мирное предложение Советского правительства. «Мы протягиваем руку русским, потому что они вернули человечеству веру в социализм, уверенность и надежду»,— сказал, открывая митинг, один из видных деятелей венгерского рабочего движения Дежё Бокани. Ораторы, выступавшие на митинге, говорили о том, что настало время решительных революционных действий, нужно объявить всеобщую забастовку, создать Советы рабочих и солдатских депутатов.

Среди участников демонстрации были и русские военнопленные и политэмигранты, работавшие на заводах и фабриках Будапешта. От их имени произнес речь Владимир Юстус. Он горячо и страстно призывал венгерских рабочих последовать примеру пролетариев России и взять власть в свои руки. В ответ прозвучал боевой клич, подхваченный всеми участниками митинга: «Пусть венгерские рабочие учатся у русских!»

В ПОЛИЦЕЙСКИХ ЗАСТЕНКАХ

Обстановка в стране накалялась изо дня в день. В Будапеште и других городах проходили митинги и демонстрации. Все более грозными становились стачки протеста на заводах и фабриках.

В то время социальная обстановка в Венгрии во многом напоминала положение в России. Феодальные пережитки, помещичий и буржуазный гнет, острые межнациональные противоречия — все это способствовало тому, что идеи Октябрьской революции нашли в Венгрии особенно благодатную почву. Идеи социализма проникли в массы трудящихся, и немалую роль в этом сыграли русские большевики в Венгрии.

Венгрия стояла на пороге свершения буржуазно-демократической революции: ее народ боролся за свержение монархии, экспроприацию поместий, обеспечение права наций на самоопределение. Под влиянием Октябрьской революции борьба против монархии сливалась с борьбой за создание социалистического государства.

В организации забастовочного движения, которому придавался политический характер, большую роль играла группа революционных социалистов, левые социал-демократы и группа русских большевиков.

Самым крупным политическим выступлением венгерского пролетариата была массовая политическая стачка 18 января 1918 года, охватившая столицу, а затем все промышленные центры страны. В ней приняли участие несколько сот тысяч рабочих. Они требовали коренного поворота к демократическому миру и социальной революции. Обстановка так накалилась, что достижение этих целей казалось вполне возможным. Но соглашательская политика правых социал-демократов, которые в то время стояли во главе партии, внесла раскол в ряды забастовщиков и временно спасла монархию Габсбургов. Правительство приказало пустить в ход оружие. Начался полицейский террор. Многие самоотверженные борцы за дело рабочего класса оказались за тюремной решеткой.

В январе 1918 года были арестованы члены группы революционных социалистов Илона Дучинска, Тивадар Шугар, Йожеф Келен. При аресте полицейские отобрали у них чемодан со шрифтом. Товарищи, узнавшие об аресте, сразу же предупредили хозяев нелегальной типографии Владимира и Анну Юстус. Ночью оборудование типографии было перенесено в надежное место. А на рассвете в нашу квартиру нагрянула полиция. И хотя полицейские, учинив обыск, не обнаружили следов нелегальной типографии, отца увели в тюрьму, а мать подвергли домашнему аресту вместе с жившей в нашей семье ее сестрой эмигрант-

кой Розалией Григорьевной Довжик — большевичкой, активной участницей революционного движения в России и Венгрии. Вот что сказано об аресте отца и его товарищей в первом томе «Истории венгерского революционного рабочего движения», изданном в 1969 году в Будапеште, а в 1970 году — на русском языке в Москве:

«В период январских выступлений рабочих полиция начала преследовать группу революционных социалистов. Так, с 14 по 20 января она арестовала многих членов группы, в том числе Тивадара Шугара, Илону Дучинску, Йожефа Келена и Владимира Юстуса. Юстус был эмигрантом-большевиком, он вел революционную работу среди русских военнопленных в Венгрии и помогал революционным социалистам в их нелегальной деятельности».

Когда отец был брошен в тюрьму, полиция устроила в нашей квартире засаду, стремясь схватить всех, кто имел отношение к нелегальной типографии. Не зная о полицейском налете и арестах, пришел на улицу Гизелла военнопленный солдат-большевик Павел Карелин, работавший в нелегальной типографии. Его схватили и отправили в тюрьму. Такая же участь грозила и Владимиру Урасову, но его предупредили об опасности, и он успел скрыться.

В 1966 году в Ленинград приезжал ученый секретарь Института истории партии при ЦК ВСРП Дьёрдь Милеи. Он передал мне копии обнаруженных в одном из архивов Венгерской Народной Республики документов, связанных с арестом моих родителей в 1918 году.

Передо мной донесение «главного коменданта королевской государственной полиции», адресованное «его высокоблагородию господину министру внутренних дел венгерского короля»:

«С глубоким уважением сообщаю, что сегодня прокурор будапештской районной комендатуры препроводил в мое учреждение для принятия соответствующих мер Владимира Юстуса, уроженца г. Казани, 39 лет, женатого, механика, русского подданного, против которого выдвинуто обвинение, вытекающее из обвинения Илоны Дучинской и ее товарищей в распространении антимилитаристских листовок. Это обвинение предъявлено и жене Юстуса Анне, уроженке города Чернигова, 28 лет, домашней хозяйке, русской подданной, проживающей на улице Гизелла, дом 19, третий этаж... Так как вышеупомянутые полностью полити-

чески ненадежны, в соответствии с приложенными соответствующими бумагами с глубоким уважением прошу Ваше благородие, будьте любезны их интернировать. Учитывая то, что с точки зрения государственной они вредны, необходимо выбрать такое место для их интернирования, где они были бы под строгим надзором (арестом).

До высокого решения Вашего благородия Владимира Юстуса я держу под арестом в тюрьме при пересыльном отделе. Учитывая то, что его жена имеет малолетних детей, она находится под арестом на квартире».

Спустя несколько дней министр внутренних дел отдал начальнику столичной королевской государственной полиции распоряжение: «Находящегося в настоящее время под арестом в полицейской тюрьме в пересыльном отделе Владимира Юстуса... жену его вместе с малолетними детьми... будьте любезны направить в тюрьму Цеглед».

Обращает на себя внимание отменная вежливость и даже «галантность», с которой адресовались друг к другу полицейские и жандармские чины. Прочтешь их реляции и подумаешь: какие благовоспитанные господа! Неужели они способны были подвергнуть людей пыткам, издеваться над женщиной, терзать малолетних детей?

Моя мать была в те дни на последнем месяце беременности. Не обращая на это внимания, начальник будапештской полиции Андрейка изо дня в день вызывал ее на допросы в тюрьму. Иногда мать приводили туда вместе со мной и моим старшим братом Лео. Ему было тогда семь лет, а мне пять. Однажды, когда нас вели по тюремному коридору, полицейский открыл дверь камеры, в которой сидел отец. Он рванулся к нам, но его оттолкнули. А я залился горькими слезами. В другой раз мать и нас вели мимо камеры отца ночью. Дверь камеры была открыта, но ее охранял надзиратель. Отец сквозь решетку увидел нас. Я заплакал, стал проситься к отцу, но надзиратель отшвырнул меня.

Жандармы приводили нас в тюрьму для того, чтобы воздействовать на отца, заставить его дать нужные полиции показания. Отец очень страдал за нас. Но ничто не могло сломить его твердой воли. Следователи так и не получили каких-либо сведений от отца, непоколебимого революционера, опытного конспира-

тора, не раз имевшего в прошлом дело с царскими жандармами и тюремщиками.

Много лет спустя отец рассказывал нам о подробностях полицейских допросов и о том, как он вел словесные дуэли со следователем.

— Часто собирались у вас в доме венгерские студенты? — спросил у отца следователь на очередном допросе.

— Бывало, приходили, хотя и не так часто,— ответил отец.

— Зачем же они являлись к вам?

— Посидеть, побеседовать по душам. Я угощал их чаем. А иногда и рюмочкой вина. Толковали о том, о сем.

— Назовите имена и фамилии ваших гостей.

— Вот имен и фамилий не запомнил,— ответил отец, выражая «сожаление» по этому поводу.— Знал бы, что вы будете меня спрашивать, тогда бы, конечно, другое дело. А так зачем же мне было знать их имена и фамилии?

— Притворяетесь дурачком? Или, наверное, меня дурачком считаете? — возмутился ответами отца следователь.

— Что вы? Как можно? — недоумевал отец.— Такую должность, как ваша, может занимать только умный человек.

— А вы бы узнали ваших гостей, если бы сейчас встретились с ними?

— Боже мой! — воскликнул отец, продолжая разыгрывать простачка.— Как я могу их узнать? Будапешт — большой город, вокруг столько народа! А венгерские лица для меня все одинаковы. У меня здесь нет близких знакомых, и я охотно беседую с любым человеком, насколько позволяет мое знание венгерского языка. Когда у меня собирались студенты, мы немного выпивали, потом пели песни.

Следователь спросил у отца, принимал ли он участие в революционном движении в России.

— Нет,— сказал отец.— Знаю только, что революции у нас происходили, потому что народ жил бедно. А больше ничего вспомнить не могу. Я мало разбираюсь в политике.

Отвечая на вопрос, как он относится к войне, отец сказал:

— Кому же не хочется, чтобы война кончилась быстрее? А люди, оказавшиеся в таком положении,

как я, тем более ждут мира. Перестанут воевать — я вернусь со своим семейством домой, на родину.

Йолан Келен о поведении отца на допросах писала:

«О чем бы его ни спрашивали, он весь разговор сводил к рассказу о русской жизни. Ничего другого от него вытянуть не могли. С простой русской непосредственностью он играл роль Ивана-дурачка... А для того, чтобы увидеть в Юстусе большевика с железной волей, со светлой головой, которого мы все уважали и любили, у господ не было ни достаточного воображения, ни достаточного ума».

Вызывали на допросы и мать. От нее также добивались сведений о людях, имевших отношение к нелегальной типографии на улице Гизелла. В раннее февральское утро 1918 года мать вели на очередной допрос. Едва она успела выйти за ворота нашего дома, как у нее начались родовые схватки. Услышав крики матери, сбежались соседи. Женщины оказали ей помощь, принесли ее домой вместе с новорожденной девочкой.

После этого тюремщики на некоторое время оставили мать в покое, не вызывали ее на допросы. Но, стремясь сломить ее волю, они сказали ей, что отцу угрожает смертная казнь. В те дни тяжело заболел мой старший брат Лео. Его отправили в больницу. Мать, находившуюся под домашним арестом, в больницу к сыну не пускали.

Когда мать окрепла, ее вместе со мной, моим старшим братом и новорожденной сестренкой Валентиной господа буржуазные «демократы» поместили в пересыльную тюрьму, где находился отец. В конце марта 1918 года его перевели в тюрьму города Цеглед, расположенного неподалеку от Будапешта. Туда же отправили и мать с нами. Там наша семья подвергалась невероятным издевательствам. Тюремщики часто вели нас с матерью по ночам мимо одиночной камеры отца. Мать толкали в спину, били, а мы громко плакали, и до отца доносились наши рыдания. Все это тюремщики проделывали для того, чтобы отец, стараясь облегчить участь семьи, дал откровенные показания. Но расчеты полицейских потерпели крах. Как ни страдал отец, он держался стойко.

Спустя годы, в статье, посвященной памяти отца и опубликованной в «Правде» 6 марта 1930 года, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова писала об испытаниях, которые пришлось перенести отцу, матери, всей на-

шей семье: «Сколько сил и нервов, сколько нагрузки сердцу стоило все это! Но ему приходилось страдать не только за себя, а за свою семью — за жену, которую не раз избивали, добиваясь от нее признания, где муж; за малолетних детей, на глазах которых били мать».

В цегледской тюрьме мы сидели около шести месяцев, до суда над отцом и матерью. В августе отца, а также мать и нас, детей, привезли в Будапешт и поместили в тюрьму на улице Конты. Суд происходил в здании военного трибунала. Улица, по которой нас вели на заседание трибунала, была заполнена множеством людей. У входа в здание трибунала стояли полицейские с обнаженными шашками. Увидев их, я испугался, поднял крик. Тогда офицер оттолкнул меня и моего старшего брата Лео от матери.

Свидетелями этой сцены были товарищи отца по революционной работе, избежавшие ареста. А в июне 1978 года я встретился в Будапеште с живой свидетельницей моих детских переживаний Рожи Чиллаг — сестрой члена кружка Галилея Ласло Чиллага. В ее воспоминаниях написано: «Дело галилеевцев после более чем 8-месячного предварительного заключения их слушалось в суде. Мы, имеющие к ним отношение, стояли на улице перед зданием военной прокуратуры... Привели жену Юстуса с маленькой девочкой на руках и с двумя мальчиками постарше. Жене Юстуса, как обвиняемой, нужно было присутствовать на суде, но двум мальчикам не разрешили. Дети громко плакали перед воротами, так что останавливались прохожие и говорили о том между собой, что, наверное, казнят... отца этих малышей...»

При встрече Рожи Чиллаг еще раз вспомнила о происходившем в те уже далекие времена и рассказала, что меня с братом от здания суда забрал товарищ моих родителей, член группы революционных социалистов Отто Корвин. Он позаботился о нас. А мать сидела на скамье подсудимых с младенцем на руках.

Венгерские власти всячески старались раздуть дело группы революционных социалистов, по которому было арестовано около сорока человек. «Милостивый государь, я спас родину!» — похвалялся тогда министру внутренних дел начальник полиции Андрейка. Министр юстиции Вилмош Важони сообщил в парламенте: арестованный по этому делу русский политический

эмигрант Владимир Юстус — крупный государственный преступник, под видом скромного механика табачной фабрики скрывается видный русский большевик. Чтобы показать, какая «крупная добыча» попала в руки полиции, министр юстиции сообщил членам парламента, что Юстус является не кем иным, как «уполномоченным Ленина в Будапеште».

Правда, генеральный военный прокурор подверг сомнению утверждение министра юстиции. Наблюдая за поведением отца на суде, прокурор пришел к выводу, что, хотя Юстус и принимал участие в деятельности кружка имени Галилея, было бы неразумно принимать этого «необразованного, глуповатого мужика за уполномоченного большевиков». Таким образом, прокурор принял за чистую монету «простецкие» ответы отца на вопросы следователей и судей.

Конечно, никто не назначал Владимира Юстуса «уполномоченным Ленина в Будапеште». Но, по существу, он был в Будапеште представителем большевистской партии, старался передать венгерским товарищам свой опыт революционера, прошедшего ленинскую школу революционной борьбы. Он действовал в контакте с Комитетом заграничной организации РСДРП, созданным В. И. Лениным.

Вот что сказано в книге венгерского историка Хетеша Тибора: «Владимира Богдановича Юстуса хорошо знали в Будапеште. В рабочих районах Будапешта — Цинкота, Ракошсентимихай, Ракошпалота — он вместе со своими товарищами устраивал под видом народных гуляний массовки (собрания). Его революционный опыт и коммунистические идеи передавались венгерским рабочим на этих массовках. Ему было что передать рабочим. Он прошел все «классы» революционной школы...»

Военный суд определил членам группы революционных социалистов тюремное заключение на длительные сроки. Илона Дучинска, в частности, была приговорена к пятнадцати годам тюрьмы, Тивадар Шугар — к десяти. Что же касается моих родителей Владимира Юстуса и Анны Юстус, то их отправили обратно в тюрьму в город Цеглед «для продолжения следствия». Туда же поместили и моего старшего брата Лео, меня и нашу маленькую сестричку Валентину, которой не исполнилось еще и года.

Но вскоре произошли события, распахнувшие перед нами тюремные ворота.

«БУДЕМ ЗНАКОМЫ: БЕЛА КУН»

В октябре 1918 года под натиском народных масс рухнула и развалилась лоскутная австро-венгерская империя Габсбургов. В Венгрии, ставшей самостоятельным государством, победила буржуазно-демократическая революция.

Но и новое венгерское правительство не торопилось выпускать Владимира Юстуса из тюрьмы, хотя многие политические заключенные уже были освобождены.

Рабочие заводов и фабрик Будапешта на митингах требовали освобождения всех политических заключенных, в том числе и русского большевика Владимира Юстуса и его семьи.

За нашу семью вступились и соотечественники отца. Собравшись в типографии «Глобус», русские солдаты-военнопленные, работавшие на предприятиях Будапешта, избрали Совет русских солдатских депутатов. В Совет вошли Виноградов, Скоморовский, Баев, Станкин, Урасов. На первом же своем заседании Совет принял решение добиться встречи с членами венгерского правительства и потребовать немедленного освобождения Юстуса с семьей, солдата-большевика Павла Карелина и других политических заключенных.

Делегацию Совета русских солдатских депутатов приняли министры нового правительства. Они заверили, что Юстус и его семья, как и другие русские политические заключенные, будут освобождены.

Голос рабочего класса, требовавшего освободить политических заключенных, звучал все громче, с ним новая власть не могла не считаться.

И вот в начале ноября 1918 года наша семья вернулась в Будапешт. Отец сразу же восстановил связи со своими товарищами из группы революционных социалистов.

Месяцы, проведенные в тюрьме, не могли пройти бесследно. Мать заболела,— ее отвезли в больницу. Были тяжело больны и все дети. И снова пришли на помощь русские и венгерские товарищи. Женщины, жившие в нашем доме, организовали у нас постоянное дежурство. Когда мать вернулась из больницы, она застала нас, детей, уже выздоровевшими, а отца — вновь с головой окунувшимся в революционную работу.

10 ноября было передано по телеграфу обращение ЦИК РСФСР к трудящемуся народу австро-венгерского государства. Обращение, приветствуя освобожденные народы, призывало не обманываться показной революционностью буржуазии, называющей буржуазную республику «народной республикой», призывало к борьбе за социалистическую революцию, за власть Советов, за заключение союза между народами, установившими Советскую власть. Но венгерское правительство скрыло от народа телеграмму из Москвы.

Группа революционных социалистов, узнав об этом, написала листовку, обращенную к народу, и напечатала ее большим тиражом. 16 ноября 1918 года листовки были сброшены с самолета во время митинга перед зданием парламента по случаю провозглашения в Венгрии республики. В листовке сообщалось о полученном из Москвы воззвании к трудящемуся народу, которое скрывает от народа буржуазное правительство, о содержавшемся в нем предостережении «об опасности попасться на удочку буржуазии, рядящейся в тогу революционеров. Поскольку революция только тогда может быть названа успешной, если она завершается установлением господства трудового народа». Листовка требовала немедленного и дословного обнародования этого воззвания и призывала к социалистической республике в Венгрии.

20 ноября газета «Непсава» опубликовала текст воззвания из Москвы, но в то же время выступила против провозглашения в Венгрии социалистической республики и настаивала на укреплении буржуазной «народной республики».

В один из ноябрьских дней 1918 года член группы революционных социалистов Тивадар Шугар сообщил Владимиру Юстусу о том, что его приглашает к себе в отель «Савой» некий доктор Эмиль Шебештьен, недавно приехавший в Будапешт из Советской России.

— Кто он, этот доктор Шебештьен? — спросил Юстус Шугара.

Шугар улыбнулся и ответил коротко:

— Придете — познакомитесь.

Юстус взял с собой Урасова, и в назначенное время они пришли в отель «Савой». Их удивило то, что доктор Шебештьен, хотя он по национальности венгр, хорошо говорит по-русски.

— Вы не на Урале родились? — спросил у Ше-

бештьена уроженец Перми Урасов.— Слушая вас, я подумал, не земляка ли встретил. У вас уральский выговор.

— Родился я не на Урале, а в Трансильвании,— ответил доктор Шебештьен.— Но уральские места видел, когда нас, военнопленных, везли из района фронта в Сибирь. А русский язык старался узнать как можно лучше. С этой целью прочел много книг Тургенева и других русских писателей.

Не только по книгам изучал русский язык доктор Эмиль Шебештьен. Юстус и Урасов услышали от своего нового знакомого, что в 1914 году он был мобилизован в австро-венгерскую армию, а через два года в России попал в плен. Его отправили в Томск, в лагерь военнопленных. Там он установил связь с местной организацией РСДРП(б) и вступил в большевистскую партию. Эмиль Шебештьен работал в 1917 году в Томском большевистском губкоме, в редакции журнала «Сибирский рабочий», вел пропагандистскую деятельность среди военнопленных.

Юстус и Урасов узнали от Эмиля Шебештьена, что он встречался с В. И. Лениным, беседовал с ним. Это было вскоре после победы Великого Октября. Шебештьен приехал тогда из Сибири в Петроград. А в феврале 1918 года он в одном из интернациональных отрядов сражался с кайзеровскими войсками под Нарвой, участвовал в защите революционного Петрограда.

Юстус и Урасов, затаив дыхание, слушали своего нового знакомого.

— Мы очень завидуем вам, доктор Шебештьен,— сказал Юстус.— Вы сами понимаете, как тяжело нам, русским большевикам, жить вдали от Родины, где теперь происходят такие события. Мы лишены возможности защищать Советскую власть.

Доктор Шебештьен внимательно, с какой-то особой теплотой взглянул на своих собеседников.

— Я понимаю ваши настроения,— сказал он.— Но думаю, что вас и здесь ждут большие дела. Вам предстоит биться за Советскую власть в Венгрии, как мы, венгерские интернационалисты, помогали защищать Советскую власть рабочему классу России. Это и есть на деле интернациональное пролетарское братство. Оно — дороже всего!

Из беседы далее выяснилось, что доктор Шебештьен знает об активном участии Владимира Юстуса в деятельности будапештского кружка имени Гали-

лея, о работе Юстуса и Урасова среди русских военнопленных в Венгрии. Ему известны многие товарищи-большевики, с которыми Юстус и Урасов встречались в России еще в годы первой русской революции, а потом в архангельской, вологодской, якутской ссылках.

Кем же был этот человек, вернувшийся из России и встречавшийся с Лениным?

Словно уловив безмолвный вопрос своих собеседников, он сказал:

— Никакой я не доктор Эмиль Шебештьен. Но поскольку будапештская полиция оказывает мне так много внимания, я вынужден пока жить на нелегальном положении, под чужим именем.

И добавил, крепко пожимая руки своих гостей:

— Будем знакомы: Бела Кун.

Бела Кун! Юстус и Урасов много слышали об этом человеке. С восхищением говорили о нем их молодые друзья из группы революционных социалистов. С любовью и глубоким уважением произносили это имя рабочие. А буржуазные газеты клеветали на Бела Куна, писали о том, что, встав на позиции большевиков, на сторону русских Советов, он якобы изменил родине и заслуживает сурового наказания. Бесновались и злобствовали буржуазные писаки, но популярность Бела Куна среди рабочих росла.

На всю жизнь сохранил отец память о ноябрьском дне восемнадцатого года, когда он в Будапеште в отеле «Савой» познакомился с Бела Куном. Вот что рассказывает об этой встрече в книге воспоминаний Ирина Кун:

«С Юстусом и Урасовым Бела Кун встретился почти сразу после возвращения на родину. Рассказал им о своих планах создания новой партии и выпуска коммунистической газеты. Русские товарищи немедленно предложили свои услуги и активно включились в коммунистическое движение Венгрии».

24 ноября 1918 года Бела Кун и его соратники нелегально провели учредительное собрание, на котором было решено создать Коммунистическую партию Венгрии. Докладчиком выступал Бела Кун. Он охарактеризовал главную задачу партии — подготовить венгерский пролетариат к социалистической революции, к завоеванию политической власти. На этом собрании избрали Центральный Комитет партии во главе с Бела Куном. В тот ноябрьский вечер 1918 года в работе собрания, положившего начало Коммунисти-

ческой партии Венгрии, участвовали Владимир Юстус и Владимир Родионов, представлявшие русских большевиков.

Венгерская партия коммунистов, основываясь на принципах пролетарского интернационализма, объединила группы иностранных интернационалистов, находившихся в Венгрии, подобно Центральной федерации иностранных групп РКП(б), созданной большевиками в Советской России. Активное участие в деятельности Коммунистической партии Венгрии приняла Русская коммунистическая группа большевиков.

В середине декабря 1918 года Бела Кун послал курьера в Москву к В. И. Ленину. Им был член Будапештской группы РКП(б) В. А. Урасов. Бела Кун поручил Урасову передать Владимиру Ильичу сообщение Центрального Комитета Коммунистической партии Венгрии, проинформировать Ленина о положении в Венгрии. Его сопровождал венгерский коммунист Немети Лайош, недавно вернувшийся в Венгрию из России. Он знал кратчайший путь в Москву.

29 декабря 1918 года Владимир Урасов и Немети Лайош прибыли в Москву, а на следующий день Урасова принял В. И. Ленин.

В. А. Урасов выполнил поручение и вернулся в Будапешт, но лишь через три месяца — 21 марта 1919 года.

ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ

Влияние Коммунистической партии Венгрии на массы быстро росло. На ее стороне было большинство рабочего класса и беднейшего крестьянства, а также значительная часть вооруженных сил страны.

На многих демонстрациях и митингах звучали призывы: «Да здравствует диктатура пролетариата!», «Да здравствует Советская власть!»

Коммунистическая партия держала курс на вооруженное восстание, но оно не потребовалось. Венгерское буржуазное правительство было бессильно перед надвигавшейся пролетарской революцией.

Тревожились империалисты стран Антанты. Они решили принять крайние меры и 20 марта 1919 года предложили грабительский мир, требуя согласия венгерского правительства на оккупацию значительной территории Венгрии войсками Антанты. Буржуазное

правительство Карольи неспособно было защищать национальную независимость Венгрии и подало в отставку, передав власть, как заявил сам Карольи, «организованному пролетариату».

Капитулировали и социал-демократы. 21 марта уполномоченные социал-демократической партии после короткого разговора с коммунистами подписали соглашение об объединении социал-демократической и коммунистической партий в единую социалистическую партию Венгрии. Платформа объединения, сформулированная коммунистами, предусматривала установление диктатуры пролетариата и союз с Советской Россией — первым в истории человечества рабоче-крестьянским государством.

В тот же день вооруженные отряды рабочих и солдат, почти не встречая сопротивления, захватили главные стратегические пункты Будапешта. 21 марта 1919 года в Венгрии бескровным, мирным путем совершилась социалистическая революция.

Народным правительством Венгрии были приняты законы о национализации заводов, банков, транспорта, части земли. Был осуществлен ряд социальных мероприятий: на 20—40 процентов повышена заработная плата рабочих и служащих, снижена стоимость жилья, сделано бесплатным обучение в школе, а также предприняты другие шаги к осуществлению целей, за которые трудящиеся боролись на протяжении десятилетий.

Оценивая своеобразие завоевания власти венгерским пролетариатом, В. И. Ленин говорил: «Буржуазия сама сдала власть коммунистам Венгрии. Буржуазия показала всему миру, что когда наступает тяжелый кризис, когда нация в опасности, буржуазия управлять не может. И есть лишь только одна, действительно народная, действительно любимая народом власть — власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Победа социалистической революции вызвала среди трудящихся исключительный энтузиазм. На улицах и площадях Будапешта не смолкали возгласы: «Да здравствует диктатура пролетариата!», «Да здравствуют Советская Россия и мировая пролетарская революция!»

Спустя несколько дней после провозглашения в Венгрии Советской власти в здании парламента собрались русские военнопленные, работавшие на заво-

дах и фабриках Будапешта. При буржуазной власти они были лишены гражданских и человеческих прав, беззащитны перед хозяевами-эксплуататорами, перед полицейскими и жандармами. Победивший рабочий класс Венгрии вернул им свободу.

В одном из залов венгерского парламента звучала в тот день русская, украинская, белорусская речь. Собрание открыл Владимир Юстус. Он и другие ораторы призывали своих соотечественников всеми силами поддержать Советскую власть в Венгрии.

Потом вышел на трибуну Тибор Самуэли. Горячо встретили собравшиеся одного из руководителей Венгерской коммунистической партии. Тибор Самуэли сердечно приветствовал русских рабочих Будапешта, сынов великого народа, который первым в истории человечества водрузил над своей страной победоносное знамя пролетарской революции. Слова Тибора Самуэли об интернациональном братстве, о классовой солидарности пролетариев всех стран вызвали воодушевление участников собрания. Русские рабочие Будапешта знали, что Тибор Самуэли всего несколько месяцев назад вернулся из Советской России, где почти с самого начала войны был в плену. В России он стал коммунистом, встречался с В. И. Лениным, создавал там интернациональные части из бывших венгерских военнопленных, сам доблестно сражался против интервентов и белогвардейцев. На родину Самуэли вернулся в самый разгар подготовки к пролетарской революции, стал там ближайшим соратником Бела Куна. После выступления Тибора Самуэли присутствовавшие в зале пели «Марсельезу» на русском и венгерском языках.

Это собрание русских рабочих Будапешта было проведено Будапештской группой Российской коммунистической партии (большевиков), одним из организаторов которой был В. Б. Юстус. Официально созданная в 1918 году Будапештская группа РКП(б) развернула большую организационную и агитационно-пропагандистскую работу среди русских солдат-военнопленных. Эта группа освещала в прессе события в Советской России, сообщала в Россию сведения о развитии революционного движения в Венгрии, активно участвовала в деятельности Венгерской коммунистической партии. Конечно, русские солдаты, заброшенные войной в чужие края, с нетерпением ждали возвращения на Родину. Они мечтали о встрече с жена-

ми и детьми. Многие из них хотели вступить в Красную Армию, принять участие в защите Советской России от интервентов и белогвардейцев. Победа рабочего класса в Венгрии вызвала у военнопленных надежду на скорое возвращение домой. Восточный вокзал в Будапеште, откуда до войны уходили поезда в Россию, заполнили военнопленные, приехавшие из разных городов Венгрии. Но их ждало разочарование: путь из Венгрии в Россию был по-прежнему закрыт.

Венгерское Советское правительство готово было всемерно помочь русским солдатам в осуществлении их мечты. Но и Советскую Россию и Советскую Венгрию окружали войска Антанты, интервенты и белогвардейцы. Было ясно, что враг не пропустит солдат-военнопленных в Советскую Россию.

Как же должен поступить в этих условиях тот, кто верен идеям интернационального пролетарского братства? В то время Советское правительство России передало радиограмму, обращенную к русским военнопленным в Венгрии:

«Вы, военнопленные, пережившие все ужасы империалистической войны, на себе испытавшие эксплуатацию русской и венгерской буржуазии, всеми силами поддерживайте молодую Венгерскую Советскую Республику. Враги уже сплотились для подавления венгерского и русского пролетариата. Место всех русских и венгерских пролетариев и крестьян — в Красной Армии, точно так же, как находящиеся в России венгерские пролетарии непоколебимо борются за здешние интересы. Защищайте венгерский пролетариат! Венгерские и русские пролетарии вместе борются за общие интересы всех пролетариев».

В те дни, весной 1919 года, в столице Венгрии стала выходить русская газета «Правда» — орган Будапештской группы РКП(б). Днем и ночью трудились, готовя очередной номер «Правды», Владимир Юстус, Яков Берман, Владимир Родионов, Лев Табачников и другие члены Будапештской группы РКП(б). Редактором будапештской «Правды» был военнопленный солдат-большевик Василий Тимофеев.

В Институте истории партии в Будапеште как драгоценная историческая реликвия хранится комплект газеты «Правда» за 1919 год — тридцать семь номеров русской большевистской газеты, издававшейся в столице Венгрии. В первом ее номере от 6 апреля 1919 года редакция обращалась к читателям:

Гипсовый памятник Карлу Марксу, поставленный 1 мая 1919 г. Будапешт.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова в день парада частей Всевобуча на Красной площади. Слева Тибор Самуэли — один из руководителей Наркомата по военным делам Венгерской Советской Республики. Москва. 25 мая 1919 г.

В. И. Ленин и комиссар по военным делам Венгерской Советской Республики Тибор Самуэли во время выступления на Красной площади в день парада частей Всевобуча. Держится рукой за борт автомашины — Н. Эрош. Москва. 25 мая 1919 г.

Красногвардейцы с берега Дуная стреляют по мониторам мятежников. Будапешт. 24 июня 1919 г.

Владимир Богданович Юстус выступает иа междуиародном интернациональном митинге перед зданием парламента 20 июля 1919 г.

A szocialista-kommunista munkasok magyar országi partja nemzetközi csoportjai július hó 20-án délután 3 órakor az Országház-téren

nagy nemzetközi tüntető gyűlést

rendeznek.

una grande adunanga dinostrativa internazionale

internationale Demonstrationsversammlung

DEMOSTRATIVA

Wielki miedzynarodowy Wiec demonstracyjny.

Grande Reunion Demonstrative

Veliki Medjunarodni demonstrativni Zbor

Medzinarodne sekcie uhorsko-krajinskej socialistickej komunistickej strany vydržavaju 20 julu popoludne o 3 hodine pred parlamentom

velkô medzinarodnô demonstrantnô shromaždenia

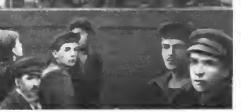
A Szocialista-Kommunista Munkások Magyarországi Pártja nemzetközi csoportjainak felhívása

Анна Юстус с адвокатом Армином Ладани. Будапешт, 1965 г.

Плакат Венгерской коммунистической партии, призывавший прийти на международный иитериациоиальный митинг 20 июля 1919 г.

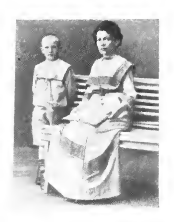
К. Е. Ворошилов
и Бела Кун.
Москва, 1921.

Встреча
Бела Куна
в Петрограде.
1920 г.

В. Б. Юстус с семьей. Стоят: А. Г. Юстус, Лео. Сидят: Валентина, В. Б. Юстус, Артур. Москва, 1920 г.

А. И. Ульянова-Елизарова с приемным сыном Горой Лозгачевым. Вологда. 1913 г.

НКРКИ СССР и НКРКИ РСФСР
ОБ'ЕДИНЕННОЕ БЮРО ЖАЛОБ
(ОТВЕТСТВ. ИСПОЛНИТЕЛЬ)

Москва, Ильинка, 21
Телефон —

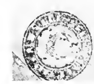
12 февраля 1933 г. №

СПРАВКА

Подтверждаю, что Лео Владимирович ЮСТУС, рожд. 1911 г., гор. Вена, Артур Владимирович ЮСТУС, рожд. 1913 г. гор. Будапешт, действительно являются детьми рабочего революционера, члена партии с 1897 г. Владимира Богдановича ЮСТУС /умершего в 1930 г. в Москве/ и с 1920 г. проживают в Советском Союзе.

После смерти В. Б. ЮСТУС, Лео и Артур находятся под товарищеским опекунством моим и моей сестры Анны Ильиничны.

ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ЦКК ВКП /б/

/М. УЛЬЯНОВА/

Адрес: Кремль, квартира Крупской телефон Кремль, 431

Справка о товарищеском опекунстве над Лео и Артуром Юстус.

Сережа (слева), Катя и Костя Елизаровы с матерью Е. Елизаровой. Сызрань, 1913 г.

Дом № 9 на Манежной улице, в котором жила А. И. Ульянова-Елизарова и часто бывал В. И. Ленин. С 1981 г. в ее квартире открыт музей.

Столовая в квартире А. И. Ульяновой-Елизаровой на Манежной ул., д. 9.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов и Г. Лозгачев-Елизаров в кремлевской квартире. 1920 г.

А. И. Ульянова-Елизарова среди представителей I Всероссийского съезда по борьбе с детской дефективностью, преступностью и беспризорностью. Москва, июнь 1920 г.

Группа старых большевиков на отдыхе. В центре А. И. Ульянова-Елизарова, в верхнем ряду второй слева — В. Б. Юстус. 1921 г.

А. И. Ульянова-Елизарова. Москва, 1921 г.

М. И. Ульянова. Горки, 1923 г.

М. И. Ульянова в редакции газеты «Правда». Москва, 1929 г.

А. И. Ульянова-Елизарова в семье рабочего во время летнего отдыха. Евпатория, 1923 г.

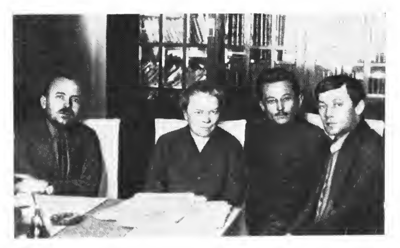
В. И. Ленин в Горках. Лето 1923 г.

А. И. Ульянова-Елизарова с племянницей Ольгой. Горки. 1926 г.

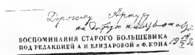
А. И. Ульянова-Елизарова среди детей в школе. Москва, 1923 г.

М. И. Ульянова и медицинские работники, ухаживавшие за В. И. Лениным во время его болезни с 1922 по 1924 г.

А. И. Ульянова-Елизарова. Москва, 1924 г.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А И ЕЛИЗАРОВОЙ и Ф. КОНА

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

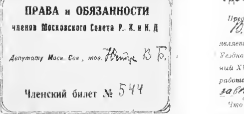
ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ИЛЬИЧЕ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

Книга А. И. Ульяновой-Елизаровой, подаренная ею Артуру Юстусу с автографом: «Дорогому Артуру на добрую память от автора». 19 января 1930 г.

В. Б. Юстус в группе работников механического завода, где он был директором. Москва, 1922—1923 гг.

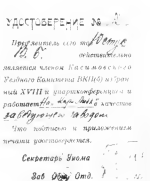
ПРАВА и ОБЯЗАННОСТИ

членов Московского Совета Р., К. и К. Д

Депутату Моск. Сов., тов. Юстус В. Б.

Членский билет № 544

Билет депутата Московского Совета В. Б. Юстуса. 1922 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ №

Предъявитель сего тов. Юстус В. Б. действительно является членом Касимовского Уездного Комитета ВКП(б) избранный XVIII и упартконференции и работает На „Кар. Мех." в качестве заведующего заводом

Что подписью и приложением печати удостоверяется.

Секретарь Укома

Зав. Орг. Отд.

Удостоверение члена Касимовского уездного комитета ВКП(б) В. Б. Юстуса. 1926 г.

А. И. Ульянова-Елизарова в группе пионеров. Москва, 1926 г.

ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ.

А. ЕЛИЗАРОВА-УЛЬЯНОВА

Статья А. И. Ульяновой-Елизаровой в газете «Правда» от 6 марта 1930 г.

А. И. Ульянова-Елизарова. Москва, 1926 г.

Д. И. Ульянов с сыном Виктором. 1921 г.

Дети Д. И. Ульянова Виктор и Ольга. Москва, 1928 г.

На ступеньках дома в Горках: слева Д. И. Ульянов, в центре Н. К. Крупская и М. И. Ульянова. 1927 г.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Ульянова-Елизарова с племянником Виктором Ульяновым и дочерью рабочего Верой Брусовой. Горки. Август 1922 г.

Виктор Дмитриевич Ульянов и Вера Ивановна Брусова-Страунинг. 1956 г.

М. И. Ульянова и Д. В. Веретенников в парке. Горки, 1936 г.

М. И. Ульянова выступает на фабрике «Красная роза». Москва, 1928 г. (Публикуется впервые).

А. И. Ульянова-Елизарова и В. Б. Кашкадамова. Ульяновск, 1929 г.

«Очень многие из вас, оторванные от родины, в чужой стране, не зная чужого языка, только мельком, понаслышке знают о том, что в эти четыре года произошло в России и что теперь происходит во всем мире.

Но венгерский рабочий народ, завоевав себе свободу, дал и нам, русским рабочим и крестьянам, возможность собираться, обсуждать наши дела и издавать собственную газету.

Эту газету мы назвали «Правда». Ее задача поэтому будет состоять в том, чтобы говорить читателям, русским рабочим и крестьянам, всю правду о том, что делается на всем белом свете, как наши братья, крестьяне и рабочие, устраивают и укрепляют свою власть в России, как они работают, о чем думают и на что надеются, как в других странах трудящийся люд старается сбросить вековые цепи. Обо всем этом мы попытаемся толково, просто и правдиво пересказать вам, а также разъяснить глубокий смысл того великого времени, которое мы теперь переживаем.

Надеемся, что наши читатели поддержат нас в нашей работе.

В добрый час, начнем!»

В первом номере будапештской «Правды» было опубликовано переданное по радио обращение народного комиссара по иностранным делам Советской России Г. В. Чичерина ко всем русским военнопленным в Венгрии:

«...В той отчаянной борьбе, которую рабочим и крестьянам России пришлось вести против бесчисленных врагов, старавшихся задушить их, на стороне русских трудящихся и эксплуатируемых масс и вышедших из их рядов русских красноармейцев сражались и многие венгерские пленные, ясно осознавшие общность интересов трудящихся и эксплуатируемых масс всех стран и доблестно бившихся за рабоче-крестьянское дело в России. Как члены той же трудовой семьи, пролили они вместе с нами свою кровь для защиты народной революции.

Теперь же революционные рабочие Венгрии в своей собственной стране также сбросили власть помещиков и капиталистов и поставили на их место народную рабоче-крестьянскую Советскую власть, как в России.

И Советскую Венгрию, как и Советскую Россию, окружают злые враги, чтобы погубить юную свободу

ее трудящихся масс. И, как наши братья, рабочие и крестьяне Венгрии, находящиеся в России, себя не щадили ради общего революционного дела, сражаясь в наших рядах, точно так же и ваш долг вступать в ряды борющихся за спасение своей революции и всемирно-народного дела красных войск Венгрии. Революционная Советская Венгрия и революционная Советская Россия спаяны воедино общностью борьбы за власть трудящихся и эксплуатируемых масс, против наступающего на них мирового капитализма. Удар, нанесенный Советской Венгрии, есть удар, нанесенный Советской России. Ваш долг как сынов народа, вышедших из пролетариата и крестьянства, не оставаться безучастными в этой борьбе. Знайте, ваше место в рядах защищающих народную революцию венгерских рабочих и крестьян!

Товарищи военнопленные в Венгрии! Рабоче-крестьянское Советское правительство призывает вас вступить в армию красной революционной Венгрии. Защищайте вместе с венгерскими братьями общее дело революционных масс всех стран!»

Корни братской дружбы, ныне прочно связывающей Советский Союз и Венгерскую Народную Республику, уходят в годы героической борьбы трудящихся Советской России против интервентов и белогвардейцев. В рядах русской Красной Армии сражалось более 100 тысяч венгров. Они оказались в России в годы мировой войны как военнопленные. Советская власть признала их свободными, полноправными гражданами государства рабочих и крестьян. Венгерские солдаты-интернационалисты вместе со своими русскими, украинскими, белорусскими братьями, рядом с сынами других народов Страны Советов мужественно защищали дело Великого Октября.

Ленинградцам хорошо знакомо одно из зданий на набережной Лейтенанта Шмидта. Здесь, в большом зале бывшего Морского кадетского корпуса, выступал В. И. Ленин. 8 мая 1917 года участники собрания петроградских большевиков слушали здесь доклад Владимира Ильича об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). А спустя шесть дней, 14 мая, две тысячи петроградских рабочих, солдат, интеллигентов присутствовали в этом зале на лекции Владимира Ильича «Война и революция».

«Когда власть перейдет в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, капиталисты

выскажутся против нас: Япония — против, Франция — против, Англия — против; против выскажутся правительства всех стран. Против нас будут капиталисты, за нас будут рабочие».

За нас будут рабочие! Так сказал В. И. Ленин. Он говорил о великой силе интернациональной пролетарской солидарности, о том, что пролетарии всех стран поддержат власть Советов в России.

...То же здание на берегу Невы в февральские дни 1918 года. На его стенах — плакат с объявлением на нескольких языках: русском, немецком, венгерском, сербском: «Военнопленные! В воскресенье, 24 февраля, в 1 час дня, в столовой Морского корпуса, по Васильевскому острову, 12-линия, первые ворота от набережной, устраивается митинг для военнопленных немцев, венгров и славян чрезвычайно важного для вас значения. Долг каждого военнопленного — быть».

С какой же целью собрались в здании на берегу Невы бывшие военнопленные — немецкие, венгерские, сербские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели? В те дни Советскую Россию облетели тревожные слова воззвания Совета Народных Комиссаров, написанного В. И. Лениным: «Социалистическое отечество в опасности!» Войска кайзеровской Германии угрожали революционному Петрограду. Солдаты-военнопленные, находившиеся в городе на Неве, объединились в особый интернациональный отряд и отправились на фронт. С этим отрядом ушел под Нарву и Бела Кун.

«Пусть знают господа германские империалисты и их русские коллеги — буржуа, что пролетариат России не останется одиноким. Только через трупы пролетариев буржуазные банды смогут взять красные форты русской революции»,— заявили, отправляясь из Петрограда на фронт, солдаты-интернационалисты.

Так было в Петрограде. Несколько интернациональных отрядов, в ряды которых вступили сотни венгров, ушли на фронт из Москвы.

Отряды интернационалистов создавались военнопленными в Пензе и Оренбурге, Омске и Красноярске, Симбирске и Уфе, Иркутске и Забайкалье, во многих других городах и краях Советской страны.

Не раз довелось мне бывать в Казани, на родине моего отца. В столице Советской Татарии помнят о Казанском интернациональном батальоне имени Карла Маркса, защищавшем в 1918 году этот волжский

город от белогвардейских полчищ. Рядом с русскими, татарами, мордвинами, чувашами сражались в рядах этого батальона и бывшие венгерские солдаты-военнопленные. О подвигах бойцов-интернационалистов напоминает мемориальная доска, прикрепленная к фасаду здания на улице Волкова (раньше она называлась Второй горой), где помещался штаб интернационального батальона. Жителям Казани известны имена будапештских рабочих Шандора Апати, Ференца Дынды, Арнольда Гофмана и других бывших военнопленных — венгерских солдат, ставших воинами Красной Армии, героями гражданской войны в России. Их имена вписаны в ее летопись.

Подобно тому как венгры помогали своим братьям — русским и татарам — защищать Казань, уроженец этого города большевик Владимир Юстус вместе со своими товарищами, членами Будапештской группы Российской коммунистической партии (большевиков), создавал Русский батальон венгерской Красной Армии.

РУССКИЙ БАТАЛЬОН

...Это было в марте 1919 года. На южную окраину Будапешта в Келенфельдские казармы шли русские солдаты-военнопленные, готовые встать на защиту Венгерской Советской Республики. Они вступали в знаменитый Русский батальон.

Прошло только два-три дня с тех пор, как была объявлена запись в этот батальон, а в нем уже были сотни добровольцев. Организованно, строем явилась в Келенфельдские казармы большая группа русских солдат-военнопленных, прибывших из Вены. Они направлялись из Австрии через Будапешт в Россию. Но путь на Родину был для них закрыт.

На Восточный вокзал Будапешта, где стоял прибывший из Вены эшелон с военнопленными, пришли представители комитета по вербовке добровольцев, организованного Будапештской группой РКП(б). Эшелоны с военнопленными контролировались деникинскими офицерами. Л. М. Табачников — член комитета по вербовке добровольцев — позднее рассказывал, что работа по вербовке производилась так: восемь вооруженных интернационалистов окружали вагон с военнопленными и под угрозой оружия предлагали

офицерам сдаться, а затем приступали к агитации среди военнопленных. Агитаторы Швартин, Табачников, Лаптев, Луценко и другие организовывали митинги, рассказывали своим соотечественникам о событиях в России и Венгрии, призывали их вступать в ряды венгерской Красной Армии.

— Товарищи! — говорил один из ораторов с красной нарукавной повязкой.— Я и сам из военнопленных. Сам не был три года дома и хочу поскорее попасть на Родину. Но кто нас туда пустит? Против России сейчас действует капиталистическая Антанта. Только действовать она старается с помощью слуг, которых подыскала себе. Со стороны Сибири на красные войска напирает контрреволюционный адмирал Колчак. С юга от Кубани ведет наступление другой холуй Антанты — генерал Деникин. На Украине против Красной Армии идут бандитские войска Петлюры. А кое-где Антанта воюет против Советской России совершенно открыто. Французы захватили Одессу. Войска боярской Румынии вступили в Бессарабию. Венгрию тоже со всех сторон окружила Антанта. Разве они пропустят нас на Родину?! Они постараются использовать нас как пушечное мясо в своих войсках, направленных против Советской России и Венгрии.

Пробиться в Россию можно только с оружием в руках! И мы это сделаем, вступив в ряды Венгерской Красной Армии. Такую армию сейчас формируют. Придет время — и она двинется на север для соединения с советскими войсками.

Вы знаете, что и у нас в России есть много пленных, захваченных во время войны. Среди них немало венгров. И вот большинство этих венгров вступило в российскую Красную Армию, чтобы вместе с нашими отцами и братьями оборонять Советскую власть. Последуем их примеру! Вступим в Красную Армию Венгерской республики! Будем в ее рядах защищать власть народа, бороться за мировую революцию, за разгром нашего общего врага!..

Многие русские воины, недавно принимавшие участие в демонстрациях и забастовках рабочих, там же, на привокзальном вербовочном пункте, записывались в Русский батальон армии победившего венгерского пролетариата, чтобы служить делу революции.

30 марта 1919 года в здании университета «Гоявар» был проведен митинг, посвященный созданию батальона русских интернационалистов. С речью к

участникам митинга обратился Тибор Самуэли — заместитель народного комиссара Венгерской Советской Республики по военным делам.

Тибор Самуэли произнес речь на русском языке:

«От имени международного пролетариата приветствую авангард мирового пролетариата, который продолжает борьбу за уничтожение капитализма и освобождение угнетенных во всем мире, борьбу, которая распространяется с Востока на Запад.

Так же, как на земле революционной России, где русский рабочий сражался вместе с венгерским, сербским, румынским, словацким пролетарием, с тем же революционным пролетарским сознанием идете и вы в бой, который ведется не в интересах отдельных личностей или отдельных наций, а за дело освобождения пролетариев всего мира».

В ответ на эти горячие слова Тибора Самуэли в зале прогремело могучее русское «ура». На этом митинге председатель миссии Российского общества Красного Креста Яков Александрович Берман зачитал обращение правительства РСФСР «Ко всем русским военнопленным в Венгрии», которое затем было опубликовано в первом номере газеты «Правда». Обращение призывало вступать в Красную Армию и защищать Венгерскую Советскую Республику.

На митинге выступил также Мозеш Габор — уполномоченный по формированию интернациональных частей. Габор — участник гражданской войны в России, в недавнем прошлом комиссар Саратовского полка венгерских интернационалистов. Он призывал русских воинов оказать Советской Венгрии братскую помощь, вместе с ее трудовым народом твердо стоять на страже завоеваний социалистической революции. Мозеш Габор и вслед за ним другие венгерские ораторы выразили уверенность в том, что Русский батальон будет стойко бороться за интересы трудящихся всего мира.

Затем выступили русские, бывшие военнопленные. Все они говорили о готовности русских воинов выполнить долг и проявить пролетарскую солидарность.

За несколько дней батальон был укомплектован, оснащен винтовками и пулеметами. Бойцы получили обмундирование — зеленовато-серые кители и брюки, башмаки и обмотки. К головным уборам они прикрепляли кусочки красной материи.

Владимир Юстус и другие члены Будапештской

группы РКП(б) беседовали с каждым, кто хотел вступить в Русский батальон, интересовались, откуда он родом, на каком фронте воевал, грамотен ли, какой партии сочувствует. Военнопленные, среди которых находились и совсем неграмотные люди, не разбирались во всех тонкостях политики, но были убеждены в том, что интересы рабочих и крестьян защищает только партия большевиков, партия Ленина.

В те дни в старинной Будайской крепости собрались русские, украинцы, белорусы, уроженцы разных городов и краев России. Там можно было встретить московского и петроградского рабочего, сельского жителя с Украины, тамбовского хлебороба, одесского ремесленника, крестьянина из карпатской деревни. Вместе с бывшими военнопленными вступили в батальон русских интернационалистов и так называемые гражданские пленные.

Молодой рабочий-медник Иосиф Крупин жил в маленьком польском городке, недалеко от границы. Городок этот захватили австрийские войска. Оккупанты насильно привезли оттуда в Будапешт Крупина и заставили его работать на Чепельском машиностроительном заводе. Как «гражданский пленный» оказался в Венгрии и Сигизмунд Шнейдер. В начале войны его, тогда молодого человека, привезли из польского города Островец в Австро-Венгрию. Он работал на заводах Вены и Будапешта, а в 1919 году вступил в Русский батальон.

6 апреля 1919 года в Будапеште на площади Свободы проходил первый парад войск Венгерской Советской Республики. В этом смотре вооруженных сил новой Венгрии участвовал и батальон русских интернационалистов.

«...Особенное внимание многочисленных масс публики привлекли наши русские товарищи, уже вступившие в Красную Армию и в новом обмундировании, с ружьями «на ремень» и примкнутыми штыками шедшие в ногу со своим отрядом»,— рассказывала о параде русская большевистская газета «Правда», издававшаяся в столице Венгрии.

Парад принимали Бела Кун, народные комиссары Советской Венгрии Бела Ваго, Тибор Самуэли и другие. Они обходили строй, здоровались с бойцами.

В тот день, как сообщила будапештская «Правда», одна из речей, обращенных к участникам парада, прозвучала на русском языке:

«Говорил наш товарищ — коммунист Владимир Юстус.

Передав венгерскому пролетариату от русских интернационалистов привет, товарищ Юстус сказал, что русские первые начали борьбу за освобождение мирового пролетариата. Русский пролетариат с истинной братской любовью шлет свой привет освобожденному венгерскому пролетариату, с которым совместно он готов, если нужно, с оружием в руках выступить за дело освобождения мирового пролетариата».

Прошло несколько дней, и русские интернационалисты отправились на фронт.

Русский батальон входил в состав 1-го интернационального полка венгерской Красной Армии. Командовал этим полком Дюла Фридрих, вернувшийся из Советской России. Он был командиром 1-го Саратовского интернационального полка, сражавшегося в России на одном участке фронта вместе с дивизией Чапаева.

Боевое крещение батальон русских интернационалистов получил в районе Тиссы, на участке фронта у села Чуча, куда в середине апреля 1919 года по приказу правительств стран Антанты двинулись на венгерские земли войска королевской Румынии. Наступлением румынских войск началась вооруженная интервенция против Советской Венгрии. Над молодой Венгерской Советской Республикой нависла опасность.

Бойцы венгерской Красной Армии мужественно отражали натиск врага, рвавшегося к Тиссе, но у интервентов было большое численное превосходство. Положение осложнилось и по вине предателей — бывших офицеров, занимавших командные посты в одной из дивизий. Эта дивизия держала оборону на важнейшем участке. Изменники открыли фронт врагу. Части Красной Армии оказались в ловушке и под угрозой окружения вынуждены были отойти за Тиссу. Враг стремился к тому, чтобы отход венгерских войск превратился в их беспорядочное паническое бегство. Русский батальон вместе с другими частями венгерской Красной Армии под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем сдерживал натиск противника, чтобы дать возможность венгерским войскам отойти и занять оборону на новых рубежах.

Русские интернационалисты заслужили благодарность и любовь трудящихся Советской Венгрии.

Первого мая 1919 года в Будапеште состоялась

многолюдная демонстрация. В ней участвовала большая группа русских. Рассказывая о первомайском празднике, будапештская газета «Правда» сообщала о том, как горячо приветствовали русских тысячи жителей венгерской столицы, выстроившиеся по обе стороны проспекта Андраши. Участники демонстрации пели «Интернационал», «Варшавянку». Потом, как писала будапештская «Правда», «грянули лихие, разудалые русские песни. И тогда люди, стоявшие на тротуарах, двинулись вперед, как бы сопровождая русскую группу. С лицами, озаренными улыбками, слушали они русские песни, а многие подпевали, подхватывали веселый мотив. Русским аплодировали, бросали цветы».

Со многими бойцами и командирами Русского батальона я впоследствии был хорошо знаком. Они бывали в нашей семье в Будапеште. В двадцатые годы, когда семья наша, вернувшись на Родину, жила в Москве, к нам часто приходили товарищи отца по революционной работе в Венгрии, бойцы и командиры Русского батальона. Отец и мать встречали их как самых близких, родных людей. Я был свидетелем бесед людей, спаянных нерушимым революционным братством. Эти беседы оживали в моей памяти спустя много лет, когда я знакомился в Москве и Будапеште с архивными материалами, документами и мемуарами, запечатлевшими историю Русского батальона.

Я знал командира Русского батальона — Кирилла Васильевича Каблукова, человека необычной биографии. Подпоручик царской армии в годы первой мировой войны, он был начальником полковой команды связи, полковым адъютантом, неоднократно награждался орденами. Казалось бы, это был верный слуга царя. Но такие люди, как Каблуков, не были характерны для царского офицерства. Кирилл Каблуков родился и вырос в семье крестьянина-бедняка в Уфимской губернии. Его дядя, чиновник военного ведомства, устроил племянника в петербургское Владимирское пехотное училище. После его окончания Кирилл Каблуков стал офицером. Тяжело раненный в бою на австрийском фронте, он попал в плен.

Годы войны и плена заставили подпоручика Каблукова на многое взглянуть по-иному. Он с радостью встретил весть о свержении самодержавия в России. А когда грянула Октябрьская революция, решил отдать свои знания, военный опыт делу защиты Совет-

ской власти от полчищ интервентов и белогвардейцев. Вместе с группой военнопленных Кирилл Каблуков пытался пробраться в Россию, но неподалеку от Львова его схватили петлюровцы. С трудом вырвался Каблуков из района, занятого петлюровскими головорезами. Однако путь на север, к Москве, был закрыт, и ему пришлось направиться на юг, к Будапешту. Приехал Каблуков в столицу Венгрии спустя несколько дней после провозглашения в этой стране Советской власти. Будапештская группа РКП(б) предложила ему пост командира батальона русских интернационалистов. Каблуков воспринял это как знак большого доверия к себе. В боях он проявил себя опытным, инициативным и храбрым командиром.

Комиссаром Русского батальона был большевик Ефим Вайсброд. Еще в начале века он вступил в революционное движение. В дни первой русской революции этот студент Московского университета был одним из активных членов Московской большевистской организации. Вел партийную работу в Бутырском районе Москвы, его знали среди московских большевиков под конспиративной кличкой «Андрей Бутырский». Арестованный за революционную деятельность, он полтора с лишним года находился в заключении. Освобожденный из тюрьмы, эмигрировал за границу, в Вену, участвовал в австрийском пролетарском движении. Из Вены уехал в Будапешт, где также вел революционную работу, был арестован и заключен в тюрьму. На свободу вышел только после провозглашения в Венгрии Советской власти.

Ефим Вайсброд недолго был комиссаром Русского батальона. В начале мая 1919 года он стал комиссаром русско-словацкого полка, а вскоре пришла весть о его гибели. Он был убит предателем Унгаром.

Комиссаром батальона русских интернационалистов стал член Будапештской группы РКП(б) Рафаил Меллер, в прошлом ростовский рабочий-печатник, активный участник революционного движения в России и Австрии.

Бывший кишиневский рабочий военнопленный солдат Лев Табачников был в Русском батальоне командиром взвода. Уже в первых боях за Советскую Венгрию он проявил беззаветную отвагу.

В середине апреля 1919 года Русский батальон направлялся к железнодорожной станции Деречке в районе реки Тиссы, где ему было приказано занять

оборону. Разведчики, высланные вперед, установили, что на станции уже находятся связные и квартирьеры противника. Значит, с минуты на минуту подойдет вражеский эшелон. Медлить нельзя. Десять разведчиков во главе с командиром взвода Львом Табачниковым вступили в схватку с отрядом противника. Многие вражеские солдаты были захвачены в плен, остальные скрылись. Разведчики залегли у вокзала. Вскоре к перрону станции подошел вражеский эшелон. Когда солдаты противника стали соскакивать из вагонов на перрон, со стороны вокзала ударил пулемет, загремели винтовочные выстрелы, засвистели пули. Противник, захваченный врасплох, решил, что станция уже занята частями венгерской Красной Армии, и поспешил убраться. Тем временем к станции подошли основные силы Русского батальона. Находчивость и отвага разведчиков взвода Льва Табачникова дали возможность батальону занять эту станцию.

Батальон русских интернационалистов участвовал во всех главных сражениях, которые вела Красная Армия Советской Венгрии. В конце мая, после переформирования и короткого отдыха, Русский батальон был направлен на Северный фронт, вошел в один из полков 80-й интернациональной бригады.

Вот что писал в донесении штабу армии командир дивизии, включавшей в себя интернациональную бригаду: «1-й интернациональный Русский батальон, ведя непрерывные бои, 29 мая сломил упорное сопротивление противника на участке Сакал и Алшострегова. Несмотря на тяжелые потери и превосходящие силы противника, он неизменно продвигался вперед в указанном ему направлении. Командир батальона тов. Каблуков вместе с преданными политработниками постоянно находился во главе подразделения».

Организатором и политическим уполномоченным интернациональных частей венгерской Красной Армии был Владимир Юстус.

В апреле, когда началось наступление румынских интервентов против Венгерской Советской Республики, Центральный Комитет РКП(б) и лично В. И. Ленин стремились оказать всемерную поддержку находившейся в опасности венгерской революции. Они поставили перед ЦК Украинской коммунистической партии две задачи — занять Донецкий бассейн и установить непосредственную связь с Венгрией.

21 апреля 1919 года В. И. Ленин дает директиву главкому Вацетису и члену Реввоенсовета Аралову: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией... Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией».

В то время предусматривались не только освобождение территории, граничащей с Венгерской Советской Республикой, не только объединение двух Красных Армий, но и концентрация в городах Казани и Киеве венгерских интернационалистов, находившихся в Советской России, и отправка их с оружием в руках на родину.

Нарком по военным делам Украины Н. И. Подвойский 2 мая 1919 года сообщал В. И. Ленину: «В настоящее время на Украине происходит формирование Красной Армии... из интернационалистов для похода в Венгрию...»

А главком Вацетис 4 мая писал: «Для осуществления задач по связи Российской Республики с Венгрией желательно при предстоящем наступлении в Венгрию использовать интернациональные части из венгров и румын. Предлагаю вам полк, формирующийся в Нижнем Новгороде... К этому полку могут быть присоединены и тыловые интернациональные части...»

7 мая 1919 года был издан приказ Реввоенсовета Российской Республики, в котором говорилось, что «все интернационалисты, находящиеся на территории Советской России, по ближайшему пути должны быть отправлены в Нижний Новгород... сформированная единица получает название: отдельная интернациональная бригада (дивизия) с особым назначением».

Велико было стремление Советской России помочь Советской Венгрии, но положение в стране было очень тяжелым, и осуществить все намеченные планы не удалось.

В мае 1919 года Тибор Самуэли направился в Москву к В. И. Ленину. Поездка Самуэли из Будапешта в Москву была сложной проблемой. Решили отправить его до Киева воздушным путем в двухместном открытом самолете. У этого неплохого по тем временам биплана с мотором в 230 лошадиных сил и скоростью 130 километров в час дальность полета была не более 500 километров, а до Киева — 900 по прямой. Самолет пришлось переоборудовать и установить

дополнительный бак для бензина. Рабочие авиасборочного завода в будапештском пригороде Альбертфалва заботливо готовили самолет в дальний и опасный путь через линию фронта, Карпаты и снова через фронты.

20 мая самолет с Тибором Самуэли поднял в воздух заводской летчик-испытатель Иштван Добош — один из самых опытных венгерских пилотов. Уже позади Советская Венгрия. Над территорией, захваченной белорумынами, для обеспечения безопасности пилот увеличил высоту до двух тысяч метров. Вскоре показались громоздящиеся в туманной дымке Карпаты. Биплан пришлось поднять на три тысячи метров, а потом — на три с половиной. Здесь были густая облачность и сильный лобовой ветер. Добош беспокоился за Тибора. Ему сейчас холоднее, чем пилоту. Для того чтобы поставить запасной бак в самолете, пришлось приподнять заднее кресло. Поэтому голова пассажира находилась выше, чем у сидящего впереди пилота, не была защищена, как у того, козырьком фюзеляжа. Вся сила холодного и влажного встречного ветра обрушивалась на лицо Самуэли, укрытое лишь надвинутым на лоб меховым шлемом, очками, а снизу шарфом. А тут еще биплан вошел в полосу дождя.

Только на четвертом часу пути погода стала постепенно улучшаться, и вскоре засверкало солнце, а внизу показалась зеленеющая равнина. Самолет отклонился от курса, но было ясно, что они находятся над Украиной. Дома в селах невысокие, белые, под соломенными, а не под черепичными крышами, как в Галиции, в Прикарпатье. Церкви не с остроглавыми башенками, не католические, а с округлыми куполами.

Однако далеко не всюду можно было на Украине приземлиться. На ее просторах бушевала гражданская война. Но и дальше нельзя долго лететь: скоро кончится бензин. Добош направил самолет к видневшемуся лугу в районе Жмеринки и мягко коснулся колесами травы. К самолету подбежали работавшие крестьяне. Оказалось, что все в порядке: приземлились на территории, занятой красными войсками.

В Киев Тибор Самуэли выехал на машине. Там его тепло встретил Н. И. Подвойский. Они долго беседовали. Гость рассказал о военной обстановке в Венгрии, но из первых же слов Подвойского понял,

что на Украине обстановка еще тяжелее. Хорошо вооруженная и экипированная Антантой деникинская армия продолжала наступать. Этому во многом способствовали и Петлюра, войска которого действовали в тылу Красной Армии, и банды Махно. Положение на Юго-Западном фронте сильно осложнилось изменой эсера Григорьева. На ликвидацию григорьевского мятежа, как уже знал Самуэли, пришлось бросить большую часть войск, предназначенных для отпора румынским боярам и соединения с частями венгерской Красной Армии.

После подавления григорьевщины нажим на обнаглевших бояр возобновился, но направить туда достаточное количество войск не удалось: обстановка требовала перебросить войска для борьбы с Деникиным, чтобы вырвать у него Донбасс. Продолжала Россия борьбу и на других фронтах. На Урале Красная Армия добивала войска Колчака, под Петроградом отражала атаки генерала Юденича. Силы контрреволюции угрожали Стране Советов со всех сторон.

23 мая Самуэли из Киева направился в Москву в небольшом поезде из трех вагонов. Для охраны Подвойский дал ему двадцать матросов, перепоясанных пулеметными лентами и с гранатами на поясе. В охране были также венгерские интернационалисты Хорват, Секеш и Берта. Начальником поезда был назначенный В. И. Лениным Николай Эрош — венгерский интернационалист-коммунист, работавший в то время в ВЧК.

Тибор Самуэли был у В. И. Ленина девять месяцев назад, в августе 1918 года. Пришел он вместе с Бела Куном. Самуэли доложил тогда Ильичу о боях венгерских интернационалистов против белочехов в районе Казани. Потом Ленин долго расспрашивал их обоих о Венгрии, о венгерских социал-демократах и особенно интересовался перспективами создания Венгерской коммунистической партии. Как много событий произошло с тех пор!

...Утром 25 мая Самуэли направился в Кремль, к Ленину.

Владимир Ильич сердечно встретил посланца Советской Венгрии. Беседа Ленина с Самуэли завязалась сразу же. В тот день 25 мая они вместе отправились на Красную площадь на парад, посвященный всеобщему военному обучению трудящихся. Парад принимал В. И. Ленин вместе со штабом Всевобуча.

После этой торжественной церемонии был митинг, на котором выступали В. И. Ленин и Тибор Самуэли. Трибуной для ораторов служил грузовик. Собравшиеся на Красной площади приветствовали ораторов.

Тибор Самуэли не раз встречался и беседовал с Лениным. У русских и венгров была одна цель — защитить завоевания социалистической революции от натиска Антанты и белогвардейцев. Одной из главных задач поездки Самуэли в Москву был обмен военной информацией, но в беседах было затронуто и много других вопросов. Написанная В. И. Лениным 27 мая статья «Привет венгерским рабочим» как бы подвела итог беседам Ильича с Тибором. Статья была передана посланцу Советской Венгрии перед отъездом в Будапешт.

В статье были четко сформулированы задачи диктатуры пролетариата, ясно определены ее сущность и цели. В ней также говорилось о том, что устоять в тяжелой войне против Антанты — благодарнейшая и труднейшая задача венгерских рабочих. Самуэли вез на родину послание В. И. Ленина венгерскому рабочему классу.

Возвратившись в Будапешт, Тибор Самуэли выступил на заседании Будапештского Совета рабочих и солдатских депутатов в здании парламента. Он сказал, что русский пролетариат, вот уже полгода сражающийся за свою свободу, все еще ведет битву на фронте протяжением в десять тысяч километров. В связи с этим положение Венгерской Советской Республики также не особенно благоприятно. Затем Самуэли сообщил депутатам, что на Украине Красная Армия, перейдя Днестр, заняла город Будешти и находится примерно в тридцати километрах от Кишинева. Одновременно начались военные операции в Галиции. В борьбу готовы вступить и вновь сформированные из венгерских интернационалистов боеспособные части Красной Армии, а некоторые уже успешно сражаются на фронте. Эти сообщения были встречены громом аплодисментов, что свидетельствовало о солидарности с российскими пролетариями.

В конце выступления Самуэли сообщил, что привез венгерским рабочим привет от товарища Ленина, и коротко передал главное: товарищ Ленин желает венгерским рабочим, чтобы они все, как один, не щадя своей жизни, защищали интересы революции и освобожденного пролетариата. Кто стал солдатом рево-

люции — тот должен неустанно и самоотверженно вести революционную борьбу.

30 мая 1919 года началось генеральное наступление венгерской Красной Армии по всему Северному фронту. В победоносной северной кампании революционных венгерских войск участвовал и Русский батальон. Воинов его, как и всех бойцов венгерской Красной Армии, воодушевляли на подвиги слова В. И. Ленина, обращенные к рабочим Советской Венгрии. В окопах на переднем крае читали напечатанную в будапештской «Правде» ленинскую статью «Привет венгерским рабочим».

«Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что́ есть честного в рабочем классе, на вашей стороне»,— писал Владимир Ильич. Олицетворением интернациональной пролетарской солидарности рабочего класса были воины Русского батальона, защищавшие молодую Венгерскую Советскую Республику.

Напуганные успехами венгерской Красной Армии, державы Антанты начали в июне 1919 года мощное наступление против Венгрии. Врагу помогали контрреволюционные элементы внутри страны. Пособниками интервентов были правые социал-демократы, стремившиеся изнутри подорвать диктатуру пролетариата.

В конце июня контрреволюционеры подняли мятеж в Будапеште.

В дни Советской власти наша семья поселилась в Доме Советов (гостиница «Хунгари») на третьем этаже. В этом же доме жили Бела Кун, Тибор Самуэли, Тивадар Шугар, Владимир Урасов и другие. В цокольном этаже здания размещался отряд особого назначения, находившийся в непосредственном распоряжении Тибора Самуэли. В отряде было 30 солдат разных национальностей — венгры, русские, австрийцы и поляки. Это были люди храбрые, закаленные, беззаветно преданные революции, почти все коммунисты. Будапештские рабочие называли бойцов этого отряда ленинской гвардией. Из русских в этом отряде были Михаил Швартин, Иосиф Крупин, Лев Табачников и еще четыре человека. Командовал отрядом Йожеф Ман, богатырски сложенный шахтер из Шальготорьяна.

Отряд охранял Дом Советов. Некоторые бойцы находились в разъездах, выполняли специальные зада-

ния. Для оперативных выездов имелись бронеавтомобили и специально оборудованный вагон.

Этот отряд сыграл значительную роль в подавлении контрреволюционного мятежа в Будапеште 24—25 июня 1919 года.

Утром 24 июня моя мать, как всегда, ушла в революционный клуб имени Маркса — Ленина. На этот раз сестру Валю она взяла с собой. Брата Лео в то утро забрал на автомашине Тибор Самуэли, а меня мать оставила дома и попросила присмотреть за мной жену Владимира Александровича Урасова Терезу Петровну (ее все звали Тэруш).

— Хорошо, присмотрю,— согласилась Тэруш.

Жили Урасовы тоже на третьем этаже, окна их комнаты выходили на Дунай. Владимир Александрович в этот день утром уехал с товарищем Эрне Пором.

Тереза Петровна рассказывает:

«Вскоре после ухода Анны Григорьевны я посмотрела на Дунай и увидела, что на мониторах — бронированных судах — красные флаги заменяют трехцветными, на наш Дом Советов нацеливаются пушки мониторов. Набережная была совершенно пуста. Вдруг раздался пушечный выстрел. Снаряд попал во второй этаж (рядом с номером, где жил Бела Кун). В комнату вбежала женщина — администратор гостиницы.

— Почему вы не уходите? — крикнула она.— Посмотрите на Дунай, гостиница оцеплена!

Это было восстание контрреволюционеров.

Я поторопилась в квартиру Юстусов, схватила шестилетнего Артура и выбежала из дома. У подъезда были Швартин, Ковач, Шугар, Крупин, Табачников и другие бойцы отряда, одетые в черные кожанки, вооруженные винтовками для защиты Дома Советов. Кругом шла стрельба. Я с Артуром прижалась к стене дома и увидела, что к Дому Советов направилась вооруженная группа контрреволюционеров, человек 30 — 40. Впереди, размахивая пистолетом, шел мужчина средних лет в круглой соломенной шляпе. Когда эта группа поравнялась с фонарем на углу гостиницы, Табачников открыл огонь по впереди идущему вожаку. Тот, выронив оружие, уцепился за фонарный столб и медленно опустился на землю. Бойцы отряда сделали по мятежникам еще несколько выстрелов, и те, повернув обратно, разбежались.

Прижимаясь к стене, мы с Артуром уходили от места перестрелки, перебежали на другую сторону ули-

цы, затем по дворам добежали до метро. На метро проехали одну остановку, и поезд остановился: выключили ток. Дальше мы пешком добрались к дому моих родителей на улице Андраши».

События развивались быстро.

В убитом у фонарного столба человеке с трехцветным бантом на чесучовом пиджаке был опознан социал-демократический деятель крайне правого толка. Такого рода «социалисты» подготовили в Будапеште контрреволюционный мятеж. Мятежники склонили на свою сторону кроме команды двух мониторов еще юнкеров военного училища, а также одну из частей гарнизона.

Широкие слои населения столицы не оказали поддержки мятежникам.

После неудачной попытки ворваться в Дом Советов контрреволюционеры отправились к заводам на Вацском шоссе. Там они получили отпор. Утром 24 июня юнкерам удалось захватить телефонную станцию, но уже к вечеру их оттуда выбили. Во время обстрела мониторами Дома Советов жертв не было, снаряды повредили лишь три номера гостиницы. Однако на другой день, 25 июня, мониторы вернулись к Дому Советов и снова начали обстреливать его. Бойцы особого отряда с набережной открыли по врагам пулеметный и винтовочный огонь. Подоспевшая на помощь часть Красной Армии выкатила на берег Дуная пушки. В этой операции участвовали Борис Акинфьев, Владимир Урасов, Тимофей Боженко, Александр Белоцерковский и другие. Оба вражеских монитора вынуждены были уйти вниз по реке.

Контрреволюционное выступление в столице длилось немногим больше суток. В городе быстро восстановили порядок. Однако события 24—25 июня показали, что реакция наглеет. Контрреволюционеры имели свою шпионскую сеть. Этой сетью опутали и начальника будапештского гарнизона Гаубриха.

Только после подавления мятежа мы с Тэруш покинули дом на улице Андраши: за нами пришли моя мать и Владимир Александрович Урасов.

В середине июля 1919 года Русский батальон вместе со всей Красной Армией Советской Венгрии вел трудные бои против интервентов, захвативших венгерские земли в районе Тиссы. Вначале наступление частей Красной Армии развивалось успешно. Они форсировали в ряде мест Тиссу, освободили много населен-

ных пунктов. Но изменники,— а их было немало среди офицеров,— передали врагу план наступления венгерских войск. Заодно с контрреволюционным офицерством действовали и многие социал-демократические лидеры.

По вине предателей войскам Венгерской Советской Республики, наступавшим в районе Тиссы, угрожало окружение. В разгар боев части Красной Армии, и среди них Русский батальон, оказались по существу безоружными. Нельзя было вести артиллерийский огонь: изменники прислали на фронт снаряды, которые не соответствовали калибрам орудий. Бойцов снабжали холостыми патронами. Гранаты не разрывались: они были начинены опилками.

Предатели сделали свое черное, гнусное дело. Красная Армия Советской Венгрии была разгромлена. Враги расстреливали из орудий и пулеметов ее бойцов, стремившихся на лодках, паромах или вплавь перебраться на другой берег Тиссы. Сотни защитников Венгерской Советской Республики погибли тогда. Погибли в бою и две трети солдат Русского батальона.

Оставшиеся в живых бойцы направились в Будапешт, чтобы принять участие в защите столицы Советской Венгрии. Но еще в дороге русские интернационалисты узнали, что венгерское Советское правительство вынуждено было уйти в отставку. Новое, временное правительство образовали социал-демократы, предавшие дело пролетарской революции.

Бойцы Русского батальона добрались до окраин Будапешта. Что делать дальше? Нужно было связаться с Будапештской группой РКП(б), найти политкомиссара интернациональных частей Владимира Богдановича Юстуса, получить от него указания о том, как действовать дальше. На розыски Юстуса направился боец-коммунист Савелий Яковлев. На развилке Келенфельдского шоссе бойцы батальона ждали его возвращения. Они видели перед собой знакомые Келенфельдские казармы. Здесь четыре месяца назад, в конце марта, вместе с другими интернациональными частями Венгерской Советской Республики формировался Русский батальон. Отсюда интернационалисты уходили на фронт. Тогда над Келенфельдскими казармами развевался алый флаг революции. А теперь над ними был водружен флаг буржуазной Венгрии.

Неутешительные вести принес с собой Савелий Яковлев. Он рассказал товарищам о своей встрече с

Юстусом, передал его указание. К Будапешту приближаются белорумынские войска. Коммунистическая партия ушла в подполье. Батальону, передавал Юстус, нужно не теряя времени идти на остров Чепель, в пролетарский район Будапешта.

На острове Чепель Юстус встретил бойцов Русского батальона. Чепельские рабочие разводили их по домам, помогали им прятать винтовки, гранаты, револьверы, тесаки. Оружие не досталось врагу. От венгерского пролетариата получили оружие русские интернационалисты. Венгерскому пролетариату они его и сдали.

ЧЕРНЫЕ ДНИ РЕАКЦИИ

3 августа 1919 года в Будапешт вступили войска стран Антанты. А вслед за ними прибыли в город банды венгерского адмирала Хорти. Началась кровавая расправа с коммунистами, со всеми, кто защищал власть Советов. На них обрушилась волна жестоких репрессий.

Палачи бросили в тюрьмы и концентрационные лагеря более семидесяти тысяч человек, пять тысяч борцов за Советскую Венгрию были расстреляны и замучены.

Не избежал тогда ареста и мой отец. Его задержали вместе с группой бойцов венгерской Красной Армии, вернувшихся в Будапешт с фронта. Арестованных прогнали сквозь строй. Хортистские молодчики избивали людей резиновыми дубинками с металлическими наконечниками. Многие арестованные под пытками теряли сознание.

Моего отца тоже избили этими дубинками и, решив, что он умер, сбросили в глубокую яму вместе с другими упавшими. Ночью он очнулся и ранним утром, собрав последние силы, выбрался из ямы и скрылся.

Его приютил в своем домике на далекой окраине Будапешта рабочий-кузнец, венгр. Отдохнув, отец стал пробираться к австрийской границе. С помощью друзей-венгров ему удалось перейти ее. Нашлись у отца верные друзья и в Австрии: два года до своего переезда в Венгрию Юстус жил и работал в Вене.

В Будапештских буржуазных газетах публиковались списки людей, заочно приговоренных военным

судом к смертной казни. Хортистские власти угрожали: лица, виновные в укрытии этих людей, будут подвергнуты суровым наказаниям. И, наоборот, власти сулили щедрое вознаграждение тому, кто выдаст коммунистов, борцов за Советскую Венгрию. Среди заочно приговоренных к смерти был и В. Б. Юстус. До матери дошли слухи, будто бы отец казнен. Она не надеялась увидеть его живым.

О том, что происходило в те дни в Венгрии, можно судить по обращению Исполкома Коминтерна к рабочим всех стран, опубликованному в ноябре 1919 года:

«Вот уже более трех месяцев, как в Венгрии беспрестанно льется кровь лучших венгерских пролетариев. Тысячи и тысячи венгерских рабочих расстреляны и повешены без всякого суда восторжествовавшей буржуазной контрреволюцией...

Дикий белый террор практикуется во всех уголках Венгрии. Разнузданная помещичье-буржуазная контрреволюция неистовствует с неслыханной кровожадностью. Каждый венгерский рабочий в любой момент может быть расстрелян первым попавшимся представителем золотой буржуазной молодежи...»

В то страшное время о нашей семье позаботились люди, которым самим угрожали арест и расстрел.

В начале августа 1919 года ночью к нам пришли товарищи отца по Будапештской группе РКП(б) Михаил Швартин и Калиник Пугачев. Они помогли нашей семье перебраться из Дома Советов в дом на улице Гизелла, где в то время жила сестра матери Розалия Григорьевна. Калиник Пугачев пробыл у нас до утра, а на рассвете за нами пришли венгерские товарищи (мать, к сожалению, так и не смогла вспомнить их фамилии). Три недели скрывали они нас в своих квартирах.

Хортистские власти объявили, что лица, укрывающие людей без прописки, будут подвергнуты самым суровым наказаниям вплоть до расстрела.

Мать не хотела причинять неприятности венгерским товарищам и решила вернуться с семьей в дом на улице Гизелла, где мы были прописаны.

Не успели мы переступить порог нашей квартиры на улице Гизелла, как мать арестовали и вместе с нами, детьми, отправили в пересыльную тюрьму. На глазах детей следователи допрашивали мать, кричали на нее, угрожали, требовали, чтобы она рассказала, где скрывается Владимир Юстус.

Месяц томилась наша семья в тюрьме. Потом нас освободили, и мы снова вернулись в дом на улице Гизелла.

Но полиция ни на один день не оставляла мать в покое. Ее часто вызывали на допросы. В нашей квартире устраивали обыски. Полиция надеялась задержать и арестовать отца. Но мать к тому времени уже знала (ей сообщили об этом товарищи), что отец благополучно перебрался через австрийскую границу и живет в Вене. Эта радостная весть помогла матери выдержать тяжелые испытания.

Полицейские продолжали терзать нашу семью. Во время очередного налета они вывели всех на кухню, в комнате оставили только моего старшего брата Лео, которому учинили строгий допрос:

— Где отец? Часто ли он приходил к вам? Кто у вас бывает из его знакомых?

На все вопросы Лео отвечал коротко:

— Нем тудом (не знаю).

— Смотри, щенок, хуже будет. Я тебя заставлю говорить,— закричал жандарм, схватил Лео за горло и ударил его.

Но Лео твердил свое:

— Шемит нем тудом (ничего не знаю).

Брат знал, что отец находится в Вене, но об этом, конечно, ничего не сказал полицейским.

Лео очень любил отца и тосковал без него. Он видел, как над матерью издеваются жандармы. Ночами не спал, а если и засыпал, то метался во сне, его мучили страшные сновидения. То, что в те дни пришлось пережить нашей семье, тяжело отразилось на здоровье Лео.

Рассказывая о тех днях, не могу не вспомнить человека, с которым мать встретилась спустя десятки лет, в 1965 году, когда наша семья была приглашена в столицу народной Венгрии. У матери было очень слабое зрение, и она не могла узнать пожилого человека, подошедшего к ней во время одной из встреч.

— Я доктор Ладани, адвокат,— сказал он.

Мать вздрогнула, услышав эту фамилию, стала горячо пожимать руку доктору Ладани. Он защищал отца и мать в августе 1918 года на суде по делу кружка имени Галилея. К нему обратилась мать за помощью в августе 1919 года, когда отец вынужден был под угрозой смерти бежать из Будапешта, а ее с детьми преследовала полиция. Ладани познакомил мать

со своим коллегой адвокатом Леви. В свое время Леви работал юристом в полиции, был знаком с полицейскими чиновниками. Конечно, этот факт настораживал мать, но Ладани уверял, что Леви — человек прогрессивных взглядов и свои связи с полицией не раз использовал для того, чтобы помогать революционерам. Вскоре мать убедилась, что Ладани говорил правду.

Получив повестку с требованием явиться к начальнику одного из отделений будапештской полиции Визе, мать обратилась за помощью к адвокату Леви. Тот обещал помочь.

Когда мать пришла в полицию, ее провели в помещение, где шли допросы. Мать посадили в угол огромной полутемной комнаты и заставили смотреть, как жандармы издеваются над людьми, истязают их. Она видела, как избивали и пытали рабочих, студентов. Их били железными прутьями, выкручивали им руки, выбивали металлическими перчатками зубы. На допрос люди приходили сами, а обратно их уносили. Громко, чтобы слышала мать, один жандарм спросил у другого: «А не знаешь, когда начнут допрашивать русскую коммунистку Анну Юстус?» На это последовал ответ: «Анна Юстус — важная птица. Ее будет допрашивать сам Визе».

Часов в шесть-семь вечера мать вывели в коридор, где ее ждал адвокат Леви.

— Мне,— сказал он матери,— не удалось, к великому сожалению, пока добиться вашего освобождения. Что передать вашим детям, сестре? Чем я могу помочь им?

Мать долго не могла прийти в себя после того, что видела недавно в комнате пыток. Немного успокоившись, она сказала адвокату Леви:

— Прошу вас только об одном. Сохраните жизнь моим детям, сестре. Помогите ей перебраться с ними к моему мужу. Сестре известно, где он.

— Я тоже знаю,— ответил адвокат Леви.— И не теряю надежды вырвать вас отсюда, помочь вам встретиться с мужем. Может быть, мы еще сегодня увидимся.

Разговор прервался. Жандармы снова увели мать в помещение, где допрашивали арестованных. До позднего вечера ее не выпускали оттуда. Часов в десять-одиннадцать мать вывели в коридор, где она опять встретила адвоката Леви.

— Скорее уйдем отсюда,— сказал он,— разрешение получено.

Вместе они вышли на улицу. Леви сообщил матери, что завтра в десять утра она получит документы, предоставляющие ей, сестре и детям возможность выезда в Австрию. На следующее утро мать явилась в полицию. Адвокат Леви уже ждал ее. Вместе они вошли в один из кабинетов, где мать получила заграничные паспорта на себя, детей и на свою сестру.

Как же адвокату Леви удалось вырвать мать из полицейских застенков?

Мать должен был допрашивать начальник одного из отделений будапештской полиции Визе, известный своей невероятной жестокостью и изуверством. Но в это время он заболел. Адвокат Леви учел это, использовал свои связи с некоторыми полицейскими чиновниками, добился освобождения матери при условии, что она с семьей за два дня покинет Венгрию. Мы получили возможность уехать в Вену.

ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА!

После свержения Советской власти в Венгрии Бела Кун и некоторые другие руководители Венгерской Советской Республики, как и мой отец, уехали в Австрию. Буржуазное австрийское правительство заявило о своей готовности предоставить политическое убежище венгерским революционерам. Но когда Бела Кун и его товарищи вступили на австрийскую землю, они были немедленно интернированы и заключены в крепость Карлштейн. Австрийские власти интернировали и семьи венгерских коммунистов — поместили женщин и детей в концентрационный лагерь.

Советское правительство, верное принципам пролетарского интернационализма, принимало все меры для того, чтобы освободить Бела Куна и других венгерских товарищей, дать им возможность выехать в Советскую Россию.

29 апреля 1920 года Владимир Ильич Ленин выступил с речью на Всероссийском съезде рабочих стеклофарфорового производства. Рассказывая делегатам съезда о международных событиях, В. И. Ленин сообщил, в частности, и о мерах, принятых Советским правительством для освобождения венгерских коммунистов.

Владимир Ильич сказал, что Советское правительство готово «даровать жизнь крымским белогвардейцам, если с своей стороны Антанта проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию».

Переговоры по вине представителей стран Антанты затянулись. Много месяцев Бела Кун и его товарищи томились в австрийских тюрьмах и концлагерях. Наконец, было достигнуто соглашение с правительством Германии, разрешившим пропустить через свою территорию в Россию Бела Куна вместе с русскими военнопленными, возвращавшимися на родину.

По решению Венгерской коммунистической партии В. Б. Юстус должен был обеспечить безопасность переезда Бела Куна. Для этого он подобрал группу русских интернационалистов, среди которых были Табачников, Сауэр и другие.

...В июльский день 1920 года из Вены вышел поезд с русскими военнопленными. В одном из вагонов ехал Бела Кун. Вместе с ним в купе находилась группа товарищей, охранявших жизнь вождя венгерской революции, среди них — члены Будапештской группы РКП(б). В другом вагоне направлялась на родину мать с нами, детьми.

Поезд шел в Штеттин, где его пассажирам предстояло пересесть на пароход, который должен был доставить их в Россию.

Эшелон с русскими военнопленными направился в Штеттин через Чехословакию. Можно представить, как учащенно бились сердца людей: они ехали на родину, от которой были оторваны долгое время. В пути на эшелон неоднократно нападали банды Антанты, искавшие руководителей революционного движения. Но товарищи надежно охраняли Бела Куна. Во время одного из нападений бандитов Юстус, Табачников и латыш Сауэр спрятали Бела Куна в мешке и положили его под нижнюю полку. А когда бандиты обыскивали вагоны, товарищи вынесли этот мешок и спрятали его в кустах.

В Штеттине поезд несколько дней стоял на запасных путях. Русские коммунисты несли дежурство в вагоне, где находился Бела Кун, охраняли его жизнь.

Но вот, наконец, все погрузились на пароход, идущий к берегам Советской России. В открытом море он неожиданно остановился. Его задержал полицейский катер. Офицеры, поднявшиеся с катера на

борт парохода, пытались арестовать Бела Куна и товарищей, с которыми он ехал в одной каюте, среди них Владимира Юстуса и Льва Табачникова. Их закрыли в каюте. Русские военнопленные, сменяя друг друга, стали нести охрану у этой каюты, чтобы предотвратить нападение на Бела Куна.

На следующий день к пароходу приблизились три немецких миноносца. С одного из них объявили порусски, что пассажиры, приехавшие из Вены вместе с Бела Куном, должны покинуть судно и перейти на один из миноносцев. Если это указание не будет выполнено, по судну откроют огонь. Бела Кун сказал, что он с друзьями, сопровождающими его, согласен покинуть пароход и не подвергать опасности других товарищей, находящихся с ним на судне. Он просил их не возражать и подчиниться требованиям офицеров миноносцев.

Бела Куна с охранявшими его друзьями пересадили на миноносец, а остальных товарищей — на другой пароход и отправили обратно в Штеттин.

Советское правительство, заботясь о безопасности Бела Куна, приняло меры для отправки его вместе с охранявшими его товарищами из Штеттина поездом в Берлин. Там Бела Кун и его спутники жили около двух недель. В то время венгерское буржуазное правительство потребовало у Германии выдать Бела Куна и сопровождавших его лиц под предлогом того, что в Венгрии они якобы совершили уголовное преступление. Так как в установленные восемь дней венгерское правительство не представило доказательств, подтверждавших обвинение, правительство Германии не имело права задерживать Бела Куна и его спутников. Советское посольство в Берлине обеспечило их отправку в Россию.

Тернистым был путь в Страну Советов. Но 11 августа 1920 года Бела Куна и его товарищей исключительно тепло, радушно и взволнованно встречали жители героического Петрограда. На следующий день, 12 августа, в газете «Известия» было опубликовано следующее приветствие рабочих Петрограда Бела Куну в связи с его приездом в Советскую Россию:

«Привет вождю венгерских коммунистов!

Вчера представители петроградского пролетариата встретили тов. Бела Куна.

Это один из тех вождей коммунизма, которые наиболее дороги международному пролетариату и наибо-

лее ненавистны мировой буржуазии, ибо тов. Бела Кун стоял во главе венгерской рабочей революции, возжегшей пламя коммунистического пожара в самом сердце Европы. Тов. Бела Кун стоял во главе первого народа, последовавшего примеру русских рабочих и крестьян.

133 дня боролся тов. Бела Кун во главе венгерского пролетариата против сил международного империализма...

Вместо умершей Советской Венгрии грядет новая рабоче-крестьянская Венгрия, которая раз и навсегда освободит венгерский народ от ига помещиков и капиталистов!»

В связи с приездом Бела Куна состоялось заседание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Бела Кун выступил с пламенной речью на митинге бывших венгерских военнопленных, находившихся в Петрограде.

14 августа 1920 года Бела Куна торжественно встречали трудящиеся Москвы. На привокзальной площади собрались тысячи людей. Дорогого товарища пришли встретить представители Московского комитета партии, члены Исполкома Московского Совета, представители профсоюзов, делегации районов и красноармейцев. Они горячо приветствовали выдающегося деятеля венгерского рабочего движения и в его лице героический венгерский пролетариат.

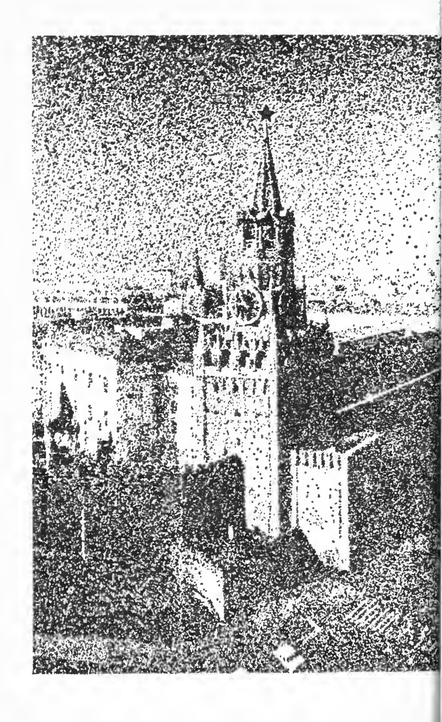
Вместе с советскими людьми Бела Куна тепло приветствовали представители интернационалистов, сражавшихся в России на фронтах гражданской войны против войск белогвардейцев и иностранных интервентов.

Приезд Бела Куна и его боевых товарищей был торжественно отмечен во всей Советской России. В Баку, Екатеринбурге и других городах были проведены сборы средств для помощи семьям рабочих, пострадавших в Венгрии от белого террора.

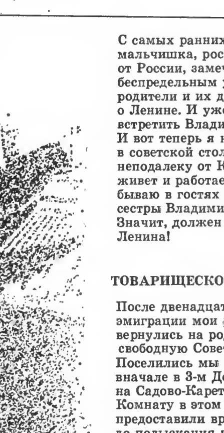
...Эшелон русских военнопленных, в котором мы, дети, находились с матерью, был отправлен из Штеттина в Россию.

До приезда в Москву мы не знали, где находятся Бела Кун и наш отец. Удалось ли им приехать в Россию?

Когда мы прибыли в Москву, на вокзале нас встречали многие русские и венгерские товарищи. Среди них, к нашей великой радости, был и отец.

НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

С самых ранних лет я, мальчишка, росший вдали от России, замечал, с каким беспредельным уважением мои родители и их друзья говорили о Ленине. И уже тогда мечтал встретить Владимира Ильича. И вот теперь я нахожусь в советской столице, неподалеку от Кремля, где живет и работает Ленин, бываю в гостях у тети Ани — сестры Владимира Ильича. Значит, должен же я увидеть Ленина!

ТОВАРИЩЕСКОЕ ОПЕКУНСТВО

После двенадцати лет эмиграции мои родители вернулись на родину, в теперь свободную Советскую страну. Поселились мы в Москве вначале в 3-м Доме Советов на Садово-Каретной улице. Комнату в этом доме нам предоставили временно, до подыскания квартиры. Отец, вернувшийся в Москву несколько раньше нас, уже успел повидать многих своих старых знакомых и друзей по революционной борьбе

в годы подполья в царской России. Очень радушно встретили его сестры В. И. Ленина Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы.

Бесконечно добрая и отзывчивая, Анна Ильинична приняла горячее участие в судьбе нашей семьи и в ее устройстве. Не прошло и нескольких дней после нашего приезда в Москву, как Анна Ильинична настояла на том, чтобы мать с детьми переехала к ней в квартиру на Манежной улице. Мать отказывалась, не хотела стеснять Анну Ильиничну. Но та не признавала никаких возражений.

— Нет, семье здесь тесно,— сказала она, осматривая нашу комнату.— Да и удобств никаких. И вы болеете.

Мать действительно чувствовала себя плохо. Ее терзали жестокие головные боли, изо дня в день слабело зрение. Пережитое в Венгрии — допросы в полиции, тюрьма, суд, снова тюрьма, постоянная тревога за мужа, трудности при переезде — все это подорвало здоровье матери.

Анна Ильинична, требуя, чтобы мы поселились у нее, выдвигала и такой довод:

— На днях Лео и Артур пойдут в школу. От Манежной улицы ближе до их школы, чем от Садово-Каретной. А это очень важно, потому что ваши мальчики и с городом совершенно не знакомы и русским языком плохо владеют. Вот и поживете у нас с детьми, пока не получите квартиру. А Владимир Богданович останется в Доме Советов. Пусть поскучает без семьи...

Около месяца мы прожили у Анны Ильиничны на Манежной улице и уехали от нее, когда наша семья получила квартиру.

Мне шел тогда восьмой год. Доброту, отзывчивость дети чувствуют, пожалуй, лучше, чем взрослые. За дни, которые мы провели у Анны Ильиничны, я очень привязался к ней.

Анна Ильинична и Мария Ильинична тогда говорили, что они взяли товарищеское опекунство над нами. А позднее мне и моему брату Лео была дана такая справка:

«Подтверждаю, что Лео Владимирович Юстус, рожд. 1911 г., гор. Вена, Артур Владимирович Юстус, рожд. 1913 г., гор. Будапешт, действительно являются детьми рабочего-революционера, члена партии с 1897 г. Владимира Богдановича Юстуса (умершего в

1930 г. в Москве) и с 1920 г. проживают в Советском Союзе.

После смерти В. Б. Юстуса Лео и Артур находятся под товарищеским опекунством моим и моей сестры Анны Ильиничны.

Член Президиума ЦКК ВКП(б)
М. Ульянова».

Годы этого опекунства были самыми памятными в моей жизни. Сколько ребят собиралось в квартире на Манежной улице! С большой теплотой относилась Анна Ильинична к своему приемному сыну Горе Лозгачеву, много внимания уделяла племяннику Виктору и племяннице Ольге, заменяла мать осиротевшим дочерям известной революционерки Инессы Арманд, заботилась о детях, потерявших родителей,— Мите Веретенникове, Сереже, Кате и Косте Елизаровых, Диме и Нине Барамзиных, Лене Образцовой, Шуре Калининой.

Для каждого из нас у тети Ани находилось ласковое слово, все мы ощущали ее теплоту и заботу. И, естественно, очень любили ее. Она обладала каким-то особым даром завоевывать детские сердца.

У нас в семье нередко удивлялись, как удается Анне Ильиничне и Марии Ильиничне отдавать так много времени детям, несмотря на большую политическую и общественную работу. С юных лет они участвовали в революционном движении, были незаменимыми помощницами Ленина, подвергались преследованиям царского правительства.

После победы Октябрьской революции дел тоже было очень много. Мария Ильинична Ульянова сперва вела организационную работу среди женщин, затем стала ответственным секретарем редакции «Правды», а впоследствии возглавляла бюро жалоб Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова избрала своим поприщем работу по охране детей: она заведовала отделом охраны детства Народного комиссариата социального обеспечения, а затем Народного комиссариата просвещения. Обе много и плодотворно занимались литературным трудом.

2—8 февраля 1919 года в Москве проходил I Всероссийский съезд деятелей по охране детства, созванный отделом детских домов Народного комиссариата

социального обеспечения. Председателем президиума съезда была избрана А. И. Ульянова-Елизарова.

Съезд выразил «благодарность тов. Елизаровой и ее сотрудникам за тяжелую работу по организации и созыву съезда».

На съезде в своем докладе «Задачи комиссариата социального обеспечения по охране детства» Анна Ильинична сказала:

«Идея милости, жалости, подачки, идея, унизительная для получающих ее, лежит в основе всякой помощи в буржуазном строе. Лишь в государстве, вступившем на путь социализма, могут быть проведены два великих социалистических принципа: с одной стороны — обязанности труда для всех членов общества, с другой — право каждого нетрудоспособного на обеспечение со стороны государства. Эти два принципа лежат в основе деятельности нашего комиссариата... Работа в нем показывает на практике, к чему стремится наше Советское правительство...

Советскому правительству приходится бороться со всем наследием капиталистического строя, со всеми порожденными им бедствиями...» Детям, продолжала Анна Ильинична, «в наше трудное, переходное от капитализма к социализму время приходится всего труднее. Обеспечение и охрана их должны быть главной заботой коммунистического государства.

В нем не должно быть обездоленных, «ничьих» детей. Все дети — дети всего государства. В них наше будущее, они должны осуществить те идеалы, во имя которых мы сломали старый строй...»

У Анны Ильиничны было большое, доброе сердце, и она успевала и дома заботиться о своих подопечных, интересоваться их школьными успехами, следить за их здоровьем, думать об их будущем, учить их тому, что прежде всего надо быть человеком трудолюбивым, честным, скромным.

Поселилась наша семья неподалеку от Манежной, в Златоустинском переулке (ныне Комсомольский переулок). И часто я, не дожидаясь особых приглашений, приходил к Анне Ильиничне. Если не заставал ее дома, меня радушно встречала и угощала тетя Варя, которая вела домашнее хозяйство.

Угощение было скромным: в то суровое время мы, дети, как и взрослые, не были избалованы лакомствами.

Отведав как-то вкусного пирога, предложенного

А. И. Ульянова-Елизарова в доме-музее В. И. Ленина. Ульяновск, 1929 г.

М. И. Ульянова во время отдыха в Горках. 1929 г.

М. И. Ульянова читает корреспонденцию в редакции газеты «Правда». 1927 г.

Антонина Ивановна Ульянова и Дмитрий Ильич Ульянов. Киев, 1904 г.

Н. Н. Штремер, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент «Искры». Петербург, 1900 г.

М. И. Ульянова. Горки, 1930 г.

А. И. Ульянова-Елизарова. Ульяновск, 1930 г.

А. И. Ульянова-Елизарова. Горки, 1931 г. (публикуется впервые).

М. И. Ульянова и Р. С. Образцова в Ленинграде. 1931 г.

М. И. Ульянова и Н. К. Крупская в Горках. 1931 г.

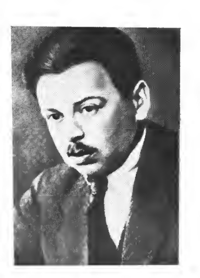
Справа налево: А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов. Москва, 1931 г.

М. И. Ульянова среди детей. Крайняя справа — племянница Ольга. Горки, 1932 г.

Г. Я. Лозгачев-Елизаров и А. В. Юстус. Москва, 1932 г.

Бела Кун. Москва, 1928 г.

Бела Кун (справа) и помощник директора Кировского завода И. М. Тычинский в тракторном цехе. Ленинград, 1929 г.

Н. К. Крупская в своем кабинете принимает сельского библиотекаря. Москва, 1935 г.

М. И. Ульянова в своей комнате. Горки, 1932 г.

М. И. Ульянова в парке. Горки, 1935 г. (Публнкуется впервые.)

М. И. Ульянова за пишущей машинкой. Горки, 1932 г.

М. И. Ульянова Москва, 1934 г.

Д. И. Ульянов. 1942 г. (Публикуется впервые.)

Справа налево: Н. К. Крупская, В. Д. Ульянов, В. А. Арманд, М. И. Ульянова. Горки, 1932 г.

В кремлевской квартире Д. И. Ульянова. Стоят (справа налево): Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, А. Ф. Ульянова. Сидят: Виктор Ульянов, Д. И. Ульянов, Ольга Ульянова. Москва, 1936 г.

Н. К. Крупская и Д. Е. Барамзин. 1935 г. (Публикуется впервые.)

М. И. Ульянова в своем рабочем кабинете. 1935 г.

М. И. Ульянова. Ульяновск, 936 г.

М. И. Ульянова с ребенком. Горки, 1936 г.

М. И. Ульянова на открытии пионерского лагеря. Горки, 1936 г.

Н. К. Крупская, 1936 г.

Справа налево: И. А. Арманд, Н. К. Крупская, Н. С. Попов, В. А. Арманд. Москва, Архангельское, 1936 г.

М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов, Виктор Ульянов (сидит справа) с сотрудниками Центрального музея В. И. Ленина. Горки Ленинские, 1936 г.

Мария Ильинична и Анна Ильинична с Артемом Барамзиным. Горки, 1933 г.

А. И. Ульянова-Елизарова с Артемом Барамзиным. Горки, 1933 г. (Публикуется впервые.)

Д. Е. Барамзин с сыном Артемом и племянником Андреем. Горки, 1934 г.

Н. Е. Барамзина (слева), М. И. Ульянова и К. П. Анохина-Барамзина. Горки, 1934 г.

М. И. Ульянова, Н. Е. Барамзина и ее сын Андрей. Горки, 1935 г.

М. И. Ульянова среди детей и преподавателей школы «Памяти В. И. Ленина». Слева от Марии Ильиничны К. П. Анохина-Барамзина. Горки, 1935 г.

А. И. Ульянова с детьми. Горки, 1935 г.

Н. К. Крупская. Москва, 1937 г.

А. И. Ульянова-Елизарова. Читает газету К. П. Анохина-Барамзина. В группе — племянница Ольга. Горки, 1934 г. (Публикуется впервые.)

мне тетей Варей, я отломил от него половинку и сунул в карман.

— Никак решил запасы делать?— спросила меня тетя Варя, увидев, что я прячу в карман кусок пирога.

— Это для Валентинки,— ответил я.

Тетя Варя улыбнулась:

— Молодец, что думаешь о сестренке. Вот тебе кусочек пирога для нее. А свой съешь.

Что и говорить, такой исход дела меня вполне удовлетворил, и я быстро съел свой кусок пирога.

Очевидно, тетя Варя рассказала Анне Ильиничне об этом эпизоде. После, угощая меня, Анна Ильинична давала мне сверток с собой:

— Передай Валентине. И Лео не забудь.

Отец знал о моих визитах к Анне Ильиничне. Однажды, увидев меня со свертком и спросив, откуда я несу его, он сказал:

— Эх ты. Сам угощаешься, да еще с собой прихватываешь.

Обиженный до глубины души, я сказал:

— Тетя Аня сама велела передать Валентине и Лео, я не просил.

— Ну ладно, ладно,— сказал отец.— Прости уж, если я не прав. Но тете Ане ты особенно не досаждай.

В общем, я прослыл добрым, заботливым братом. Но однажды моя репутация добряка поколебалась. Случилось это в день моего рождения. Мать болела, отец был в отъезде, и Анна Ильинична сказала мне:

— Приходи завтра к нам. Отпразднуем твой юбилей.

Я, конечно, примчался задолго до назначенного срока. Анны Ильиничны еще не было. Вскоре она пришла, поздравила меня и вручила подарок — набор цветных картинок, изображавших дуб зеленый у лукоморья, ученого кота, бабу-ягу, царя Кащея, храброго Руслана и красавицу Людмилу.

— Будешь приходить ко мне — приноси с собой эти картинки.

Так я впоследствии и поступал. Анна Ильинична, едва сдерживая улыбку, слушала, как я произносил вслух отрывки из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила», безбожно перевирая текст, который долго не мог заучить, выговаривая русские слова на венгерский лад. Картинки Анна Ильинична подарила мне как пособие для изучения русского языка.

Но вернусь к тому, что произошло в день моего рождения. В квартире Анны Ильиничны на Манежной улице жили тогда ее родственники и воспитанники. Пришли и мои школьные друзья. Словом, общество собралось многолюдное и шумное.

Поставили на стол кипящий самовар. Принесли пирог, испеченный тетей Варей по случаю знаменательного события. Когда все уселись, Анна Ильинична обратилась ко мне:

— Ты — виновник торжества. Вот и раздели пирог между всеми товарищами. Только знаешь, как делит угощение добрый, гостеприимный хозяин?

— Не знаю,— ответил я.

— Дели вот так: всем поровну, а себе — меньше.

Посмотрев на румяный, аппетитный пирог, красовавшийся на столе, я быстро уразумел, что роль гостеприимного хозяина мне ничего приятного не сулит. Но как снять с себя хозяйскую обязанность?

И вот выход найден. Я взял в руки нож, деловито осмотрел пирог со всех сторон, словно соображая, как к нему подступиться, а потом вздохнул, отложил нож в сторону и сказал:

— Тетя Аня! Я не могу разделить пирог. Сделайте это, пожалуйста, сами. Или пусть тетя Варя разделит.

В комнате раздался дружный смех. Смеялась от души и Анна Ильинична.

— Хитёр! Хитёр! Ну и дипломат! — сказала она, погрозив мне пальцем.

А я смеялся вместе со всеми, довольный тем, что благополучно вышел из весьма щекотливого положения и получил солидный кусок пирога, отрезанный мне тетей Аней.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В Москве я поступил в так называемую «нулевую» школу. Называлась она «нулевой» потому, что в ней обучались ребята, которые совсем не знали русского языка или владели им очень плохо. Это были дети политических эмигрантов-революционеров, приехавших в Советскую Россию из Австрии, Германии, Венгрии и других стран. В «нулевой» школе я себя чувствовал среди других как равный, а когда на следующий год перешел в первый класс обычной школы,

оказался в трудном положении. Правда, отец и мать учили меня с самых ранних детских лет русскому языку. Товарищи отца, русские военнопленные, бывавшие у нас, тоже разговаривали со мной по-русски. И все-таки родился и вырос я в Будапеште, слышал там венгерскую речь, учиться начал в первом классе венгерской школы. Запас известных мне русских слов был ограничен. Я неверно произносил слова, не там, где нужно, ставил ударения. Ребята подтрунивали надо мной, копировали мое неправильное произношение. И хотя они делали это не со зла, а шалости ради,— я обижался. Однажды пожаловался отцу на то, что мальчики меня дразнят. Но жалобы мои не вызвали у него сочувствия:

— Мне досадно, что мой сын ябедничает. Старайся правильно говорить по-русски. Тогда и дразнить тебя не будут.

И добавил, усмехнувшись:

— Умей сам улаживать свои дела и не бегай жаловаться на товарищей. Ты же мужчина!

Прошло время, и мои отношения с одноклассниками улучшились. То ли ребята привыкли к моему произношению, то ли я научился лучше говорить по-русски,— во всяком случае, я стал полноправным участником игр и забав, которые затевали мои товарищи по классу.

Частенько после занятий в школе или утром в воскресенье я по-прежнему приходил на Манежную к Анне Ильиничне, где меня всегда ждала шумная компания. Это были жившие у тети Ани ее многочисленные воспитанники.

Меня влекла в квартиру на Манежной мечта увидеть Владимира Ильича. С самых ранних лет я, мальчишка, росший вдали от России, замечал, с каким беспредельным уважением мои родители и их друзья говорили о Ленине. И уже тогда мечтал встретить Владимира Ильича. И вот теперь я нахожусь в советской столице, неподалеку от Кремля, где живет и работает Ленин, бываю в гостях у тети Ани — сестры Владимира Ильича. Значит, должен же я увидеть Ленина! Но мне не везло. Прихожу, бывало, на Манежную и слышу: «Вчера у нас был Владимир Ильич». Я был готов зарыдать от огорчения.

— Не горюй, Артур,— утешала меня Анна Ильинична.— Приходи к нам почаще, и ты познакомишься с дядей Володей.

И вот однажды, в зимний день 1921 года, когда я играл дома у тети Ани в шумной ребячьей компании, раздался звонок.

Вслед за Анной Ильиничной я выбежал в переднюю и увидел Ленина. Я сразу узнал его. Владимир Ильич снимал пальто, на котором блестели снежинки.

— А вот это кто? — спросил Владимир Ильич у сестры, указывая на меня.— Мы, кажется, с этим товарищем еще не встречались.

— Это маленький Юстусёнок! — представила меня Анна Ильинична.

— Ну здравствуй, здравствуй! — сказал Владимир Ильич, пожимая мне руку. Он вошел в комнату, сел на диван, усадил меня рядом с собой и стал расспрашивать, да так серьезно, будто взрослого. Отвечал я на вопросы Ильича вполголоса, смущаясь, не решаясь поднять глаза.

— О, да ты иностранец! — воскликнул Владимир Ильич, прислушиваясь к моему произношению.

Ленин погладил меня по голове, похлопал по плечу и на прощанье сказал:

— Нельзя быть таким стеснительным.

На всю жизнь запомнил я эту непродолжительную встречу с Владимиром Ильичем, его добрую улыбку, ласковый прищур глаз.

На следующее утро прибежал в школу задолго до начала занятий. Мне не терпелось поделиться с одноклассниками потрясающей новостью, рассказать им о том, что я разговаривал с Лениным.

Но товарищи не сразу поверили мне.

— Выдумываешь! Где ты разговаривал с Лениным? Скажи!

— У тети Ани.

Особенно меня огорчило то, что мне не поверил Володя Орлов, с которым я успел подружиться.

— Хочешь, пойдем со мной к тете Ане,— предложил я ему,— может быть, и сегодня к ней придет Ленин.

В тот день я пошел на Манежную вместе с Володей Орловым. Володя познакомился с Горой Лозгачевым и с другими воспитанниками сестер Ульяновых. Но Ленин, к великому огорчению моему и Володи Орлова, не пришел в тот день на Манежную.

Зато мой друг убедился в том, что я вчера действительно разговаривал с Лениным, о чем он на следующий день сообщил всему классу.

Вспоминается один из осенних дней 1922 года. Тогда после занятий ребята из старших классов Кремлевской школы играли в футбол, превратив площадку между Успенским и Архангельским соборами в футбольное поле. Играли они очень азартно, высоко подкидывая мяч. Ну, а мы, младшие школьники, довольствовались ролью болельщиков. Я в то время учился во втором классе Кремлевской школы, которая помещалась на третьем этаже здания «судебных установлений». Директором школы была Клавдия Тимофеевна Свердлова.

Не помню уж, по какому признаку комплектовались команды, но каждый из нас «болел», конечно, за свою.

Мои горячие симпатии были на стороне той команды, в которой играл мой старший брат Лео. «Болели» мы очень активно, каждый гол, забитый в ворота «противника», вызывал громкие возгласы восторга и ликования. В это время по Кремлевскому двору шел Владимир Ильич. Он внимательно посмотрел, как играют ребята, а потом расхохотался, стал кого-то искать глазами. Увидел стоявшего неподалеку коменданта Кремля Р. А. Петерсона и что-то сказал ему, указывая рукой на мяч. Мяч-то был сшит из тряпок.

Через несколько дней «футболисты» получили настоящий кожаный мяч, который по поручению Владимира Ильича купил им комендант Кремля.

На всю жизнь запомнились и другие счастливейшие дни моего детства, когда мне довелось видеть Владимира Ильича.

Однажды (это было в один из декабрьских дней 1922 года) отец сказал мне, что Анна Ильинична пригласила его приехать со мной в Горки. И добавил:

— Завтра утром поедем. Только смотри не проспи. А то уеду один, дожидаться тебя не буду.

Я, конечно, понял, что отец шутит. Но все-таки испытывал беспокойство: а вдруг и в самом деле просплю?

Лег я с твердым намерением вообще не засыпать в ту ночь. Но долго бороться со сном не мог. И когда проснулся, прежде всего бросился узнать, дома ли отец. Оказалось, отец спит, и вообще еще очень рано, только рассветает. Но я быстро оделся и сел у окна. На свой наблюдательный пункт вернулся я после завтрака, чтобы не прозевать момента, когда к нашему дому подойдет автомобиль.

Наконец показалась машина, за рулем я увидел шофера Космачева. Мы, ребята, бывшие во дворе Кремля, хорошо знали всех шоферов — Гиля, Космачева, Горохова, Рябова, Федько. Машины, которые они водили, были очень невзрачными по сравнению с современными автомобилями, но нам они казались тогда чудом техники.

Все кремлевские шоферы были люди добрые, хотя и строгие, но мы их различали по тем признакам, которые имели наибольшее значение для нас. Шофер Степан Казимирович Гиль охотно ответит на все твои вопросы, пошутит с тобой. Но чтобы открыть капот машины, чтобы ты заглянул туда, позволить тебе покрутить баранку — этого от него не жди. А Петр Сидорович Космачев выполнял наши желания и поэтому пользовался у нас особой популярностью.

Я обрадовался, когда увидел за рулем автомашины, остановившейся у нашего дома, Петра Сидоровича. Выбежав на улицу, поздоровался с ним, быстро вскочил в машину, взобрался на заднее сиденье и сидел не шелохнувшись. Все опасался, что, если выйду, автомобиль отправится без меня. Отец вскоре подошел к машине, но мне, охваченному нетерпением, каждая минута казалась вечностью, я досадовал на отца — как можно так медленно собираться! Наконец автомашина тронулась.

В тот день я впервые увидел в Горках двухэтажный дом с белыми колоннами, где жил Владимир Ильич, заснеженные деревья старинного парка. Отец вошел в дом, а я заметил своих сверстников, бегавших по зимним дорожкам, игравших в снежки, и присоединился к ним. Неожиданно в парке появился Владимир Ильич. Он стал бросать в нас снежки и при этом заразительно смеялся. Мы тоже хохотали без умолку.

Но вышедшие на крыльцо Надежда Константиновна и Мария Ильинична просили Владимира Ильича прекратить игру и вернуться в дом. Они были встревожены тем, что Владимир Ильич вышел без пальто, а в то время он был уже серьезно болен.

Уступая настойчивым требованиям Надежды Константиновны и Марии Ильиничны, Владимир Ильич вернулся в дом. Вслед за ним вбежали в дом и мы. Нас усадили за стол пить чай. Но, разгоряченные игрой, мы не сразу успокоились, продолжали шуметь. Анна Ильинична потребовала, чтобы мы вели себя ти-

ше. Но Владимир Ильич сказал сестре, глядя на нас с одобряющей улыбкой:

— Дай им, Анюта, повеселиться, у них такое хорошее настроение.

Мне не довелось побывать на детском празднике, который был устроен в Горках в конце декабря 1923 года. Анна Ильинична увезла с собой в тот день в Горки моего старшего брата Лео. Вернулся он из Горок невероятно возбужденный, полный ярких впечатлений. Рассказывал, что много детей собралось вокруг пушистой елки, украшенной гирляндами электрических лампочек, различными игрушками. Многие игрушки были сделаны Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Надеждой Константиновной. На елку были приглашены дети рабочих и служащих совхоза, санатория, местной больницы. Лео рассказывал, что на празднике елки было очень весело: Мария Ильинична играла на рояле, дети под ее аккомпанемент танцевали вокруг елки, потом играли в кошки-мышки и другие игры. Анна Ильинична водила с детьми веселые хороводы, Надежда Константиновна рассказывала самым маленьким увлекательные сказки.

В разгар праздника в зале, где собрались гости, появился Владимир Ильич. Он въехал в зал на передвижном кресле. Владимир Ильич присутствовал при раздаче детям подарков.

Затаив дыхание, слушал я рассказ Лео о елке в Горках и очень огорчался, что не был там в тот день. Отец обещал мне, что, когда в следующий раз поедет в Горки, возьмет меня с собой. Я часто напоминал отцу о его обещании.

— Нельзя. Владимир Ильич серьезно болен,— отвечал отец.

А вскоре пришла самая страшная весть: умер Ленин...

Никогда не забыть мне морозного январского утра 1924 года на Павелецком вокзале, где тысячи москвичей встречали траурный поезд из Горок. Пришла в то утро на вокзал и наша семья — отец, мать, Лео и я. Не только помещение вокзала, но и прилегающая к нему площадь были заполнены до отказа. Люди держали в руках венки, знамена, траурные плакаты. Мы вышли на платформу, всматривались в подернутую синеватой туманной дымкой даль... Показался медленно приближающийся поезд. Первый от

паровоза вагон был задрапирован красными полотнищами, обрамленными черной каймой.

Под звуки траурного марша гроб, покрытый цветами, вынесли на площадь, откуда процессия двинулась к Дому союзов. На улицах стояли тысячи людей. В тот день в Москве был очень сильный мороз, но люди словно не замечали его. Многие плакали, не скрывая слез. Отец с матерью пошли с траурной процессией к Дому союзов, а мне и брату Лео они предложили свернуть в один из переулков и направиться домой. Нам очень не хотелось идти домой, но отец сказал, что возьмет нас с собой прощаться с Владимиром Ильичем. На следующий день мы всей семьей пошли в Дом союзов. Стояли у гроба, смотрели на лицо Ильича. А мимо гроба шли и шли люди, слышались плач, рыдания...

Всю жизнь храню я дорогую реликвию — старую красную ленточку с черной каймой, подаренную мне отцом. Эту ленту он прикрепил к рукаву своего пиджака, когда стоял в почетном карауле у гроба В. И. Ленина.

УРОКИ АННЫ ИЛЬИНИЧНЫ

...Когда я стал старше, Анна Ильинична руководила моим чтением, постоянно снабжала книгами из домашней библиотеки. У меня и поныне хранится ее книга с дарственной надписью: «Дорогому Артуру на добрую память от автора».

Анна Ильинична предложила мне пользоваться ее библиотекой, брать книги домой для чтения. Библиотека была большая, но я не находил там книг, которые больше всего интересовали меня.

В те годы я начал увлекаться авиацией, готов был без конца читать о летчиках, о дальних перелетах, о дирижаблях. Что же касается другой литературы, то, откровенно говоря, руководствовался одним «принципом»: брать ту книгу, которая потоньше.

Анна Ильинична давала мне произведения русских и иностранных классиков. Но, случалось, я возвращал книгу, так и не открыв ее или наскоро перелистав. Конечно, Анне Ильиничне не стоило большого труда раскрыть мой метод «чтения»:

— А ты прочел эту книгу? — бывало, спросит она.

— Прочел, тетя Аня.

— Ну и как, понравилась она тебе?
— Очень интересная! — восклицал я, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности.

Однако, когда разговор принимал более конкретный характер и Анна Ильинична задавала один-два вопроса о героях произведения, я попадал впросак и имел, конечно, весьма жалкий вид.

— Почему ты хитришь, обманываешь? — строго спрашивала Анна Ильинична.— Нехорошо!

Уличив меня несколько раз в обмане, Анна Ильинична повела со мной серьезный разговор о честности и справедливости.

— Ты говорил мне, что собираешься, когда подрастешь, стать комсомольцем. Но обманщиков в комсомол не принимают. Перелистал книгу, а говоришь, что прочел ее и что она тебе понравилась. Может ли так поступать честный человек?

Потом она говорила о значении книг для меня.

— Каждый, кто не хочет остаться невеждой, должен много читать. Тебе же это особенно необходимо.

Анна Ильинична стремилась приохотить меня к чтению еще и потому, что русский язык я знал все еще неважно. Конечно, за годы жизни в Москве я научился сравнительно свободно говорить по-русски, но писал с ошибками.

Это очень беспокоило и моего отца. Находясь в длительной командировке в Донбассе, он писал матери: «Турику (так обычно называл меня отец) нужно больше читать вслух, больше писать, а то ему трудно будет учиться и работать».

Однажды Анна Ильинична сказала мне:

— Есть у меня к тебе, Артур, такое предложение. Я помогу тебе лучше изучить русский язык, а ты научи меня венгерскому.

— Вы и так знаете столько языков,— ответил я.— Английский, французский, немецкий, итальянский...

— Знание еще одного языка не помешает. Да и тебе будут полезны наши с тобой занятия по венгерскому. Ты смотри, не забывай венгерский язык. Придет время — и в Венгрии тоже будет власть рабочих и крестьян, наши страны станут друзьями, тогда государству потребуется много людей, понимающих по-венгерски.

Уходя, я попрощался с Анной Ильиничной:

— До свидания, тетя Аня!

— А я тебе хочу ответить по-венгерски. Как будет по-венгерски «до свидания»? — спросила она.

— Висонтлаташра.

— Висонтлаташра,— повторила Анна Ильинична, пожимая мне руку.— А как будет по-венгерски «здравствуйте»?

— Сервус.

— Сервус — приветствовала меня Анна Ильинична, когда я пришел к ней в следующий раз.— А как будет по-венгерски «спасибо»?

— Кёсёнём сепен.

— Кёсёнём сепен! — поблагодарила меня Анна Ильинична, когда я поднял листочек бумаги, упавший с ее письменного стола.

Так проходили у нас уроки венгерского языка. Анна Ильинична учила меня избавляться от ошибок в русском языке и советовала не забывать венгерский. Не раз вспоминал я советы Анны Ильиничны спустя десятки лет, когда, будучи директором международных выставок электронной промышленности СССР, приезжал со своими товарищами в народную Венгрию пропагандировать достижения советской науки и техники.

...Анна Ильинична очень любила играть в шахматы и старалась пристрастить к этой игре и нас, своих воспитанников. С ее помощью я освоил правила этой игры.

— Артур, садись, поиграем в шахматы,— предлагала иногда Анна Ильинична, когда я приходил, а она была в эти часы свободна.

И спрашивала:

— Какими фигурами ты будешь играть? Белыми или черными?

Я требовал, чтобы, как полагается по правилам, мы тянули жребий. Если я вытягивал белую фигуру, мы сразу начинали играть. Если же мне выпадали по жребию черные, возникала заминка.

— Знаешь, Артур,— говорила Анна Ильинична,— играй-ка лучше белыми. Мне почему-то черные фигуры больше нравятся.

Некоторое время я для приличия настаивал на соблюдении общепринятых правил, но надолго моей настойчивости не хватало, я уступал, надеясь на то, что, играя белыми, выиграю партию или добьюсь ничьей. Однако партия очень быстро заканчивалась моим очередным поражением.

Я утешал себя тем, что Анна Ильинична во много раз старше меня, мальчишки, и поэтому в моем проигрыше нет ничего зазорного.

Однажды я спросил у Анны Ильиничны, где и как научилась она играть в шахматы. Анна Ильинична ответила, что шахматы полюбила с детства. Ее отец, Илья Николаевич, был страстным шахматистом. От отца любовь к шахматам передалась сыновьям Саше и Володе. Сыновья очень радовались, когда отец звал их в кабинет и расставлял шахматные фигуры. Они были особенные. Илья Николаевич сам выточил их на токарном станке в Нижнем Новгороде, где жил до переезда в Симбирск. Часто отец играл в шахматы с Володей.

Любовь к шахматам Владимир Ильич сохранил на всю жизнь. В семье Ульяновых все хорошо играли в шахматы. Узнав об этом, я понял, почему не могу выиграть у Анны Ильиничны ни одной партии.

В то время, о котором я вспоминаю, у Анны Ильиничны был уже другой комплект шахмат. Хранились они в выдвижных ящиках шахматного столика, который стоял в столовой. На крышке столика было не шестьдесят четыре квадрата, как обычно, а целых сто — для одновременной игры вчетвером. Мне не пришлось видеть такой игры, и я не мог понять, как это можно играть в шахматы сразу вчетвером на одной доске.

А столик этот Анна Ильинична называла историческим, секретным. Он был изготовлен в 1900 году в Москве по специальному заказу Марка Тимофеевича — мужа Анны Ильиничны — и сослужил большую службу в семье революционеров. Крышка столика в случае необходимости отодвигалась в сторону, как крышка школьного пенала, открывая при этом выдолбленное в дереве углубление. Туда надежно прятались номера ленинской газеты «Искра», запретная литература, рукописи и партийная переписка.

Анна Ильинична писала: «Он (столик. — *Авт.*) исколесил вместе с нами всю Россию, передвигаясь в Самару, в Киев, в Петербург, в Саратов, в Вологду, опять в Петербург и снова в Москву».

И не было случая, чтобы хоть раз во время многочисленных обысков полиция или жандармы царской охранки раскрыли этот тайник.

Теперь этот исторический шахматный столик находится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

Так я жил, окруженный заботой Анны Ильиничны. В 1928 году окончил школу-семилетку. Было мне тогда пятнадцать лет. Возник вопрос: где же учиться дальше?

Отец — в то время он был заместителем председателя треста «Энергострой» — длительное время жил под Ташкентом, где руководил подготовкой строительства электростанции. Он писал оттуда, чтобы я поступал в фабзавуч, рекомендовал матери и мне посоветоваться с Анной Ильиничной.

Помню, как мы с матерью пришли на Манежную.

— Решающее слово, конечно, за Артуром,— сказала Анна Ильинична.— Он уже человек взрослый и должен сам определить свой путь. Итак, какая профессия, Артур, привлекает тебя больше всего?

Я повторил то же, что твердил раньше:

— Хочу стать летчиком.

— Ждала такой ответ,— улыбнулась Анна Ильинична.— Артур у нас отличается постоянством привязанностей, не меняет своих увлечений. И все-таки тебе придется, мне кажется, подождать. В авиационное училище тебя пока не примут по возрасту. Значит, ты должен готовиться к поступлению в училище, когда придет время. А как готовиться? Ты, насколько я знаю, интересуешься техникой. Вот и прекрасно. Летчик должен хорошо разбираться в технике — это каждому ясно. В школе ФЗУ ты получишь технические знания, хорошую рабочую специальность. А она тебе пригодится, какую бы ты профессию в будущем ни избрал. Полезна она будет и в том случае, если станешь летчиком.

Я ответил, что готов поступить в фабзавуч, но только вместе с Володей Орловым. Я с ним очень подружился в школе и ни за что не хотел расставаться с другом.

— Странный ультиматум,— сказала Анна Ильинична,— а что если у Володи Орлова совсем другие планы?

— Нет, он тоже хочет учиться на токаря.

— Вот и прекрасно. У вас, оказывается, общие интересы, одна цель — значит, и дружба будет крепче.

Спустя десятки лет, встречаясь в Москве с Владимиром Михайловичем Орловым, бывшим токарем, начальником цеха, затем заместителем директора одного из московских заводов, мы вспоминали, как вместе, окончив семилетку, решили идти в фабзавуч. Посту-

пить в школу ФЗУ было не так-то просто. Еще не была полностью ликвидирована безработица. Мы пошли на биржу труда, там нас поставили на учет и через некоторое время направили в школу фабрично-заводского ученичества при заводе «Мосэлектрик».

Вспоминая о нашей рабочей юности, к которой Анна Ильинична имела прямое отношение, я думаю о том, что всех своих воспитанников она учила главному: человек должен входить в самостоятельную жизнь тружеником. Это и определило судьбу ее воспитанников.

ИЗ МАЛОГО СКЛАДЫВАЕТСЯ ВЕЛИКОЕ

Когда мы возвратились из Венгрии в Москву, партия направила отца на хозяйственную работу: он руководил московским меднолитейным заводом, выпускавшим мелкую арматуру для промышленности, потом заводом дорожного машиностроения в Люберцах, московским заводом точного машиностроения, липецким чугунолитейным заводом «Свободный сокол».

В 1926 году отца назначили директором чугунолитейного завода имени Карла Либкнехта в поселке Лашма Касимовского уезда Рязанской губернии. Это было тогда глухое место, удаленное от железной дороги на полсотни километров.

В нашей семье сохранились письма отца из Лашмы, полученные матерью в Москве. Отец сообщал, что завод там напомнил ему тюменский завод, на котором он работал учеником слесаря в конце прошлого века: «Такие же допотопные станки и машины. Надо, как завещал Владимир Ильич, развивать технику. Вот за что мы должны сейчас взяться».

С интересом читаю я воспоминания о моем отце, написанные его товарищами, архивные материалы, рассказывающие о революционной деятельности отца в царской России, в Венгрии. Но не менее дорога мне и скромная заметка, опубликованная в декабре 1926 года в касимовской уездной газете: «Мало мы про хорошее пишем. А есть о чем. Так, на заводе им. Карла Либкнехта до сих пор руду с берега возили на лошадях. Грязь у нас в Лашме порядочная, лошади изнурялись, таща в гору тяжелую телегу, застревали в дороге. Управляющий заводом тов. Юстус решил провести рельсовый путь перевозки руды. Густое болото волокиты едва не засосало его инициа-

тиву, но Юстус добился того, что наметил, и теперь железная дорожка уже уперлась в заводские ворота... Руда будет быстрее и проще перемещаться с берега в доменную печь. На этом сбережем не один рубль».

Может быть, читателю этот факт покажется не особенно значительным. Подумаешь, проложили рельсовый путь от берега Оки к заводу для доставки руды. Но разве не в таких фактах проявлялся «самый упорный, самый трудный героизм массовой и *будничной* работы», о котором писал Владимир Ильич Ленин в «Великом почине»? Разве не из тысяч таких фактов складывались успехи, достигнутые нашей Советской страной в борьбе против отсталости, косности, за восстановление народного хозяйства, за индустриализацию страны?

В то время отец говорил:

— Иногда у меня спрашивают: когда мне было труднее? Тогда, когда я работал в подполье, воевал на фронте, или теперь, когда руковожу предприятием? На этот вопрос сразу не ответишь. Быть директором завода трудно, особенно если у тебя еще мало опыта. Но мы же боролись в подполье, воевали на фронтах гражданской войны, чтобы получить возможность строить, творить, превратить страну из отсталой в передовую. Ради этой цели коммунист готов преодолеть все трудности. А опыт — дело наживное, мы, большевики, приобретем его.

Знакомясь в архивах с материалами о деятельности отца, я читал анкеты, заполненные им в дни, когда он был директором завода. На вопрос об образовании отец отвечал: «Домашнее и тюремное». До революции перед ним, сыном рабочего, с детских лет поступившим учеником слесаря на завод, были закрыты двери гимназий и других учебных заведений. Зато когда он стал участвовать в революционном движении, перед ним «гостеприимно» раскрывались двери царских тюрем. Одиннадцать лет провел он в тюрьмах и в ссылке.

В связи с пребыванием отца в ссылке, а затем его побегом за границу не могу не вспомнить еще об одном эпизоде. Решение бежать за границу было принято в связи с тем, что в 1909 году отец заочно был приговорен к пяти годам каторги в то время, когда находился в ссылке в Великом Устюге. Сообщение о каторжном приговоре он получил от бакинских товарищей.

Для побега надо было раздобыть другой паспорт. И ему отдал свой паспорт великоустюгский житель Алексей Симонович Козишников, один из организаторов местной социал-демократической группы, член большевистской партии с 1905 года. Под именем Козишникова отцу и удалось уехать за границу, под этим именем он несколько лет жил в Вене, а потом в Будапеште.

Вернувшись из Венгрии в Москву, отец вскоре встретился с Алексеем Симоновичем Козишниковым и с благодарностью вернул ему его паспорт, сослуживший Владимиру Юстусу хорошую службу в трудные годы подполья.

...В марте 1929 года отмечалось 50-летие отца. В тот день поздравить его пришли к нам многие друзья — С. М. Киров, А. С. Енукидзе, Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы, И. С. Ружейников, Феликс Кон, венгры Бела Кун, Санто Реже, Матэ Залка, Ференц Мюнних и многие другие товарищи. Бела Иллеш подарил отцу свою новую книгу «Тисса горит». Отец ликовал: это первая книга о боях, в которых он участвовал.

Много было поздравительных писем и телеграмм, и среди них телеграммы от Эрнста Тельмана и Фрица Платтена.

А в феврале 1930 года нашу семью постигло тяжелое горе. На работе отец почувствовал себя плохо. Домой едва добрался. Когда пришел врач, его уже не было в живых. Врач констатировал смерть от сердечного приступа.

...В траурной процессии шли за гробом отца товарищи по революционной работе в подполье, бывшие бойцы и командиры Русского батальона, участвовавшие в защите Советской власти в Венгрии, сослуживцы отца по тресту «Энергострой».

В «Правде» 6 марта была помещена статья А. И. Ульяновой-Елизаровой, посвященная памяти отца:

«Владимир Богданович Юстус... был убежденным, искренним и стойким коммунистом, вся жизнь, весь быт которого были глубоко проникнуты идеями коммунизма.

Сын рабочего, сам рабочий с детских и революционер с юношеских лет, он... был избран делегатом на Лондонский партсъезд. Последующие затем годы работы привели его к тюрьме и к странствованиям по

этапу в Сибирь. Затем бегство, годы эмиграции, подпольная работа среди солдат во время империалистической войны и ответственная работа на фронте в начале революции в Венгрии...

Вернувшись из-за границы, В. Б. возглавил производственную работу. Огромны заслуги его и в этой области работы: стойко, заботливо, неустанно поднимал он на высшую ступень производство тех заводов, на которые назначался красным директором. Он был выдающимся организатором: с его распоряжениями считались, и в то же время его любили и уважали... Принимая совсем маленькие, захудалые заводики, он оставлял их уже выросшими в 2,5—3 раза,— так было с заводом по сооружению текстильных машин на Покровке или с чугунолитейным в глухом углу Рязанской губ. Когда В. Б. дело налаживал, Металлургический трест, в котором он работал, переводил его на другой завод, который предстояло еще организовать... Последнее время т. Юстус работал в тресте «Энергострой». И тут на него опять была возложена работа по организации нового дела... Он смело брал на себя всякие трудности, он полагался на свое здоровье, на свои силы. И смерть выхватила из наших рядов этого преданного коммуниста, этого настойчивого и скромного работника».

Венгерские коммунисты посвятили памяти отца статью в журнале «Шарло эш калапач» — «Серп и молот»:

«Умер наш товарищ Владимир Юстус,— писали венгерские коммунисты,— активный борец российского и венгерского пролетариата, настоящий революционер, революционер-интернационалист, старый большевик... Он был одним из основателей и активным борцом венгерского коммунистического движения, а во время пролетарской диктатуры являлся главным организатором и политическим уполномоченным русских частей... Память о нем будет нам дорога рядом с именами Тибора Самуэли, Отто Корвина, Евгения Ласло и других героев».

«ТВОЯ ДОЛЯ В ОБЩЕМ ТРУДЕ»

Вернусь на несколько лет назад, ибо в этой книге мне хочется рассказать и о близких мне товарищах и друзьях, в воспитании которых принимали непосредственное участие сестры В. И. Ленина.

Когда в 1926 году отца назначили директором чугунолитейного завода имени Карла Либкнехта в поселке Лашма Рязанской губернии, вместе с ним туда уехал приемный сын Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича Елизарова двадцатилетний Георгий Лозгачев-Елизаров. Он окончил специальные курсы и полтора года работал на чугунолитейном заводе в Лашме техником-нормировщиком.

Известна книга Георгия Лозгачева-Елизарова «Незабываемое», в которой он рассказывает о годах жизни в семье Ульяновых. Вспоминая свою юность, автор писал: «Все годы моего «становления» я чувствовал материнскую заботу о себе Анны Ильиничны». Заботы Анны Ильиничны о Горе были неотделимы от высокой требовательности к нему.

Георгий Лозгачев-Елизаров приводил в своей книге строки из писем, присланных ему в Лашму Анной Ильиничной в 1926 году: «Да, Горушка, надо тебе становиться человеком! А я этим знаешь что называю? Что у тебя будет чувство своего достоинства, что на твое слово можно будет положиться, что ты никогда, ни для какой выгоды не покривишь душой»; «Мне верится, что ты сбросишь все не по годам мальчишеское, что еще есть в тебе, укрепишь свою волю... научишься трудиться, станешь сознательным и взрослым».

С этими строками перекликаются и письма Анны Ильиничны к моему отцу в Лашму, в которых шла речь о Георгии Лозгачеве.

Вот письмо Анны Ильиничны от 10 сентября 1926 года: «Боюсь, что Гора не удовлетворяет Вас... Из полученных доселе писем его не видно, чтобы он входил в работу, чтобы заинтересовался ею... В письмах ко мне и другим он все кряхтит, что соскучился,— и по дому, и по друзьям, и по Москве. С этой мягкотелостью надо, конечно, бороться, что я и стараюсь делать в своих письмах. Надо, чтобы он осознал, что, приняв Ваше предложение, он взял на себя известные обязательства, которые и должен выполнять...»

В другом письме, от 5 ноября 1926 года, Анна Ильинична спрашивала:

«Как работает Гора и насколько Вы работой и вообще им довольны? Я очень бы хотела получить Ваш вполне откровенный, конечно, отзыв о нем... Из первых его писем не видно еще было, чтобы он вошел

в работу... Он высказывает хорошие намерения читать и заниматься и по заводской специальности и по политическим наукам.

Насколько лишь намерения эти претворятся в действия?

Послала ему часть книг, которые он просил; пошлю с охотой какие еще нужны, лишь был бы от них толк».

Семья наша переехала из Москвы к отцу в Лашму, а мой старший брат Лео остался в столице, он должен был продолжить лечение. 8 декабря 1926 года Анна Ильинична писала моему отцу: «У Лео болит глаз, но теперь, говорит он, меньше... На вид он... свеж и весел... Завтра, впрочем, после приема он напишет вам, конечно, сам».

Месяц спустя, 8 января 1927 года, Анна Ильинична извещала отца: «Левушка бывает у меня. Он очень соскучился о вас, бедный мальчик, и я очень желаю для него, чтобы вы скорее приехали... Говорит, что глазам лучше, но что еще не может заниматься. Да, надо ему вылечить сначала глаза!»

В том же письме Анна Ильинична сообщала отцу: «Гора просился уже давно приехать в Москву к ленинским дням... Я до сих пор не отвечала ему ничего, потому что хотела переговорить сначала с Вами... Гора говорит, что не просит командировки, а может приехать на свои деньги по моему вызову. Но я предпочла бы не посылать вызова, не вмешиваться... Так что если Вы не против, скажите ему лучше сами».

В письме от 4 марта того же года Анна Ильинична спрашивает отца:

«Вносит ли Вам Гора ежемесячно на расходы, как мы условились с ним? Настойте на этом, пожалуйста,— это для его ведь пользы. Ведет ли подсчет расходов на хозяйство?

Как Вы чувствуете себя и Ваши семейные? Привет всем,— особый Лео. Надеюсь, он поправляется там?»

И еще одно письмо — от 7 июня 1927 года:

«Дорогой Владимир Богданович!.. Буду благодарна, если напишете о себе, о Ваших планах, о том, как живете, о Горке,— насколько довольны им. Очень благодарна Вам за заботы о нем!

Шлю привет Вашей семье, а Вам особенный! Куда и когда едете Вы в отпуск?.. С искренним приветом.

А. Е.».

В своем отношении к Горе Лозгачеву-Елизарову, к другим своим воспитанникам Анна Ильинична руководствовалась теми принципами, которые она пропагандировала и отстаивала в своих работах, посвященных проблемам педагогики. Анна Ильинична подчеркивала, что молодой человек должен входить в жизнь через труд, что ему нужно с детских лет прививать трудолюбие, умение жить и творить в коллективе.

«...Основой социального воспитания является труд и трудовые навыки,— писала Анна Ильинична в своей работе «Основы социального воспитания с точки зрения коммунизма».— Каждый должен вносить свою посильную долю труда в общую жизнь... К этому надо привыкать также с детства, с раннего детства, ибо только то внедряется прочно и естественно, что внедряется с самого детства...»

Я счастлив, что и мне довелось пройти замечательную школу умелого педагога Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой и дружить с ее воспитанниками, прошедшими эту школу.

Были у Анны Ильиничны, кроме Горы, и другие воспитанники, которым она дарила материнскую заботу и ласку и которым давала мудрые советы.

Многие знают снимок: на садовой скамейке в Горках сидят Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Анна Ильинична и двое детей — мальчик и девочка. Этот снимок был сделан в августе 1922 года. Мальчик между Анной Ильиничной и Надеждой Константиновной — Витя Ульянов, сын Дмитрия Ильича — младшего брата В. И. Ленина. Зимой 1921 года, когда Вите не исполнилось еще четырех лет, его мать скоропостижно умерла. Витю взяла к себе Анна Ильинична. С большой любовью и трогательным вниманием относился к своему племяннику Владимир Ильич.

На снимке мы видим слева от Анны Ильиничны весело улыбающуюся девочку. Это Вера Брусова. Ее отец работал дворником в доме на Манежной улице, где жила Анна Ильинична. Сверстница Виктора, она часто бывала у Анны Ильиничны, играла с ее племянником.

Летом Анна Ильинична брала ее в Горки, там Вера отдыхала вместе с Виктором.

Когда Владимир Ильич уходил в лес собирать грибы и ягоды, он брал с собой племянника Витю и Веру. (Теперь пенсионерка Вера Ивановна Брусова-

Страунинг живет в Обнинске, где до ухода на пенсию работала на атомной электростанции.)

Летом 1921 года в квартире Анны Ильиничны на Манежной улице я познакомился с восемнадцатилетним Сергеем Елизаровым, приехавшим в Москву из Сызрани. Дед Сергея был родным братом Марка Тимофеевича Елизарова, покойного мужа Анны Ильиничны. В раннем детстве Сергей потерял родителей. Рос он в семье своего деда Павла Тимофеевича.

В 1919 году Сергей, участвуя в субботнике, вырубал бревна из плотов, вмерзших в Волгу. Поскользнувшись на льду, Сергей упал в воду. Простуда вызвала тяжелое заболевание. Сергей продолжал учиться, окончил среднюю школу, но чувствовал себя все хуже. Ему стало трудно передвигаться. Меры, принятые врачами в Сызрани, не давали результатов.

Анна Ильинична потребовала, чтобы Сергей немедленно приехал в Москву. Диагноз, установленный московскими врачами, внушал серьезную тревогу: у юноши развивалась очень тяжелая болезнь — окостенение суставов.

Анна Ильинична делала все возможное для того, чтобы помочь Сергею, отвести нависшую над ним страшную угрозу. Его лечили в Москве, на Кавказе.

Сергей очень привязался к Анне Ильиничне, горячо благодарил ее, но не хотел быть для нее обузой. Потеряв надежду на выздоровление, он с юга, минуя Москву, уехал домой в Сызрань. Анне Ильиничне написал, что ему стало легче. На самом же деле болезнь прогрессировала, и Сергей опять попал в больницу. Узнав об этом, Анна Ильинична вновь вызвала его в Москву. Его лечили в московских клиниках, на курортах Крыма и Кавказа, но здоровье Сергея продолжало ухудшаться. В то время медики еще не располагали действенными средствами против таких заболеваний. Сергей оказался прикованным к постели.

Как бы ни была занята Анна Ильинична, она находила время навестить Сергея в больнице, этого же она требовала и от нас. Бывало, придешь на Манежную и прежде всего слышишь от тети Ани: «А у Сережи был? Когда собираешься навестить его?» Часто мой старший брат Лео и я по поручению Анны Ильиничны передавали Сергею книги, свертки с угощениями.

Нельзя без волнения читать воспоминания Сергея

Елизарова о том, как поддерживала его Анна Ильинична в самые тяжелые минуты.

После очередной, далеко не первой по счету операции Сергей наконец поднялся с постели, начал, хотя и с большим трудом, передвигаться, опираясь на костыли.

Вот что он писал тогда в своем дневнике: «Я поднялся не только с помощью врачей, которым очень благодарен. Не меньше, чем медицинские средства, помогают больному человеческое участие, доброжелательность, сердечность. И тут-то сказались доброта, такт, ум Анны Ильиничны и Марии Ильиничны. Они вселили в меня бодрость духа, волю к борьбе с тяжелой болезнью, поддерживали меня, когда я уже терял всякую надежду».

В квартире Анны Ильиничны я встречал брата и сестру Сергея Елизарова — Костю и Катю. Эти ребята жили у Анны Ильиничны. У нее воспитывался также сын ее двоюродного брата, круглый сирота Митя Веретенников. Вот документ, написанный Анной Ильиничной: «Сим подтверждаю, что Дмитрий Владимирович Веретенников, сын моего двоюродного брата,— круглый сирота, лишившийся 7-ми лет отца, а 10-ти лет матери, не имеет никаких средств к существованию и последние $1^1/_2$ года, по приезде его в Москву, жил в моей квартире и на моем иждивении. Оба родителя его были учителями».

Митя Веретенников изучил самостоятельно более пятнадцати языков, в том числе и венгерский. Переводил стихи Антала Гидаша, и автор остался доволен его переводами. Закончил рабфак, а затем архитектурный институт и работал референтом на постоянной строительной выставке в Москве.

Бывала в квартире Анны Ильиничны и Лена Кадобноза, воспитанница Антонины Ивановны Ульяновой (Нещеретовой) — первой жены Д. И. Ульянова. Дмитрий Ильич привлек Антонину Ивановну к революционной деятельности в самом начале века. За революционную пропаганду Антонина Ивановна вместе с Дмитрием Ильичем была дважды арестована: в 1902 году в Одессе и в 1904 году — в Киеве по делу ЦК и Киевского комитета РСДРП. В конце 1902 года Антонина Ивановна познакомилась с матерью и сестрами Дмитрия Ильича. В своих воспоминаниях она пишет: «Семья Ульяновых была исключительно дружная, любящая, спаянная одной общей революционной

работой, и эта семья была для меня первым революционным университетом». А вспоминая об Анне Ильиничне, о ее семейной жизни с М. Т. Елизаровым, Антонина Ивановна писала: «...Спокойный, уравновешенный, умудренный большим жизненным опытом, Марк Тимофеевич дополнял в жизни порывистую, быстро загоравшуюся энтузиастку Анну Ильиничну. Это было счастливое супружество, но счастливое не в буржуазном смысле — уютом, материальным достатком, чистыми занавесками и геранью на окнах, а счастливое сознанием исполненного революционного долга, выполнением партийных директив, успешного налаживания марксистских кружков среди рабочих и интеллигенции в поволжских городах, где сосредоточивалась главным образом деятельность Анны Ильиничны и ее мужа».

В 1917 году Антонина Ивановна с Дмитрием Ильичем взяли на воспитание девочку Лену Кадобнову из приюта «Общества защиты женщин», который возглавляла в то время Ольга Андреевна Вяткина (Залежская) — двоюродная сестра Владимира Ильича и Дмитрия Ильича. Несмотря на то что Антонина Ивановна и Дмитрий Ильич в 1919 году разошлись, Антонина Ивановна Ульянова оставалась большим другом сестер Дмитрия Ильича, а также Надежды Константиновны Крупской. Елена Алексеевна Кадобнова сейчас пенсионерка, живет в Москве.

На квартире Анны Ильиничны в 1921 году я познакомился с Андреем и Наташей Штремер, когда они с матерью приезжали из Петрограда в Москву. Их родители — Николай Николаевич Штремер и Елизавета Николаевна Штремер-Федорова — были членами петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и участвовали в распространении искровской литературы. Позднее семью Штремер я встречал в Горках.

Часто я видел в квартире Анны Ильиничны Лену, Юру и Шуру Образцовых. Их родители были знакомы с В. И. Лениным, Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Надеждой Константиновной по революционной работе. Продолжалась их дружба и после революции. В 1934 году их дочь Лена после окончания школы ФЗУ в Ленинграде поступила в Московский химико-технологический институт. Ее взяла к себе Анна Ильинична.

Вспоминаю и свои встречи с детьми работников

Коминтерна, живших и работавших в те годы в Москве,— с Георгием Платтеном, Вилли Фишером, Игнатием Синявским, Отто Келеном, Володей Мюллером и другими. Надежда Константиновна Крупская и сестры В. И. Ленина с малых лет воспитывали у нас чувство пролетарского интернационализма, учили с особым уважением относиться к коммунистам других стран и их детям. В беседах с нами они не раз подчеркивали, что пролетарии всех стран заинтересованы в переустройстве мира на коммунистических началах. Мы знали, что В. И. Ленин является основателем новых отношений между нациями, последовательным поборником мира, равенства и дружбы народов, и понимали слова В. И. Ленина: чтобы победить буржуазию всего мира, нужен международный союз рабочих, нужно международное братство их.

ИДУ В АВИАЦИЮ!

Мне очень хотелось учиться, а затем работать, чтобы по мере своих сил принести больше пользы любимой Советской Родине. Окончив школу ФЗУ, я поступил токарем на завод «Мосэлектрик». Полюбил свой завод, нравилась мне и замечательная профессия токаря, но с мечтой стать летчиком я не расстался. Как и некоторые другие заводские комсомольцы, учился в планерной школе в Московском аэроклубе, увлекался парашютным спортом. Освоив прыжки с вышки, мы учились прыгать с летательных аппаратов. Группы из шести человек поднимались на аэростате с большой корзиной на высоту восемьсот метров, откуда на парашюте устремлялись вниз.

В то время в Советской стране начались массовые парашютные прыжки с самолетов. Инициаторами этого дела были боевые, задорные комсомольцы тридцатых годов. Учились прыгать днем и ночью, зимой и летом, с различной высоты, соревновались на точность приземления. Это требовало смелости, мужества, хладнокровия, крепкого здоровья, большой выносливости. Юноши и девушки развивали в себе силу и ловкость, занимаясь гимнастикой и легкой атлетикой. Все было подчинено одной цели — стать летчиками.

Помню, с каким интересом слушали Анна Ильинична, Мария Ильинична, Надежда Константиновна мои рассказы о первых самостоятельных полетах на

планерах и самолетах в аэроклубе. С присущим ей юмором Надежда Константиновна, слушая меня, сказала однажды:

— Наконец-то у нас будет свой летчик. Только смотри не возгордись, когда прославишься. А то еще, чего доброго, перестанешь узнавать старых знакомых.

Анна Ильинична хвалила меня за то, что, увлекаясь авиацией, я не забываю «земных» комсомольских дел. Я был вожатым пионерского отряда. Вместе с товарищами по заводу, членами шефской бригады, выезжал под Воронеж. Мы устанавливали в сельских клубах радиоприемники, которые выпускал наш завод, возили туда книги для колхозных библиотек. Словом, завод был для меня прекрасной, разносторонней жизненной школой.

Осенью 1930 года был объявлен комсомольский набор в авиацию. Ленинский комсомол выдвинул лозунг: «Дадим стране сто тысяч летчиков!» Стремление молодежи пойти в авиационные училища было очень велико. Подал, конечно, заявление и я. В то время, занимаясь в аэроклубе, я уже учился водить самолет. Но при поступлении в училище возникло неожиданное для меня препятствие. Вместе с другими документами нужно было представить свидетельство о рождении. А его я не имел и достать не мог, потому что родился за границей, в Будапеште. Да и там моей метрики, как вспоминала мать, не было. Огорченный, я пошел к Анне Ильиничне. Она рассмеялась, слушая меня:

— Любопытная ситуация. Ну, ладно, попробуем выйти из затруднительного положения.

Вместе со мной Анна Ильинична поехала на Таганку, в Товарищеский переулок, где тогда помещалось 1-е Московское училище спецслужб Военно-Воздушных Сил, куда я подал заявление.

— Я знаю этого юношу,— сказала Анна Ильинична начальнику училища, указывая на меня.— Ему через два месяца исполнится восемнадцать лет.

Меня допустили к экзаменам. Счастливый, я горячо благодарил тетю Аню.

— Подожди радоваться,— сказала Анна Ильинична.— Главное еще впереди. Теперь все зависит от того, выдержишь ли ты приемные экзамены. Очень опасаюсь, как бы ты не провалил экзамен по русскому языку.

Меня «выручило» то обстоятельство, что не в ла-

дах с грамматикой были и некоторые другие молодые люди, поступавшие в училище. По остальным же предметам я получил хорошие оценки. Словом, моя заветная мечта исполнилась — я стал курсантом авиационного училища.

Как и все принятые, уехал в военные лагеря под Москву. А через три месяца в курсантской форме вернулся в город. Мать обнимала меня, ощупывала руками мою шинель (она в то время была почти совсем слепая).

— Как жалко,— говорила она,— что я не могу тебя хорошо видеть, сынок. Ты, наверное, красивый и важный в военной форме. Вот бы обрадовался отец, увидев тебя таким. Зайди к Анне Ильиничне, она не раз звонила, справлялась, как идет служба, нет ли весточек от тебя.

Мне и самому хотелось встретиться с Анной Ильиничной, чтобы она увидела меня в военной форме, я хотел поделиться с ней первыми впечатлениями о своей курсантской жизни. Кроме того, у меня было к Анне Ильиничне очень важное дело. Я решил вступить в партию и думал попросить у Анны Ильиничны рекомендацию. Но есть ли у меня основания обращаться к ней с такой просьбой? Своими сомнениями поделился с матерью.

— Не знаю, что и сказать тебе, сынок,— ответила мать.— Поговори с Анной Ильиничной. Она скажет тебе, готов ли ты к вступлению в партию. Может быть, Анна Ильинична и даст тебе рекомендацию. Но ты уж не подведи ее.

Вечером я пошел на Манежную улицу. Анна Ильинична в те дни болела. Она тепло встретила меня, расспрашивала, как идут мои занятия, как чувствую себя в новой обстановке. Сказал, что все хорошо: исполнилась моя мечта, и я беспредельно благодарен Анне Ильиничне за все, что она для меня сделала. А теперь у меня есть еще одна просьба. Если, конечно, Анна Ильинична сочтет возможным ее удовлетворить.

— Какая же, Артур?

— Решил подать заявление о приеме в партию. Прошу вас дать мне рекомендацию.

Анна Ильинична взглянула на меня, задумалась:

— Бежит время. Давно ли ты приехал в Москву мальчишкой-несмышленышем? А вот и в партию хочешь вступить. Если ты решил быть в партии — значит, считаешь себя готовым к такому серьезному ша-

гу в жизни. Понимаешь, какую ответственность берешь на себя? Тебе, Артур, есть с кого брать пример. Твой отец был настоящим коммунистом. Думаю, сын будет достоин отца.

Анна Ильинична написала рекомендацию. Дал мне рекомендацию и Владимир Александрович Урасов, член партии с 1906 года, товарищ отца по работе в Венгрии, хорошо знавший всю нашу семью.

Получил я рекомендацию в партию и от комсомольской организации завода «Мосэлектрик», где работал до поступления в авиационное училище.

И сейчас, через пятьдесят лет, хорошо помню партийное собрание училища, на котором меня принимали кандидатом в члены партии. Помню, как заместитель начальника училища комбриг Зеленцов огласил мое заявление, прочитал данные мне рекомендации. Он выразил надежду, что я оправдаю звание коммуниста, доверие уважаемых людей, которые поручились за меня.

В конце декабря 1932 года в Центральном Доме Красной Армии состоялся торжественный вечер, посвященный выпуску нового отряда советских летчиков-техников из авиационных училищ Москвы. Молодых авиаторов приветствовал Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин. Он сказал, что молодые летчики начинают службу в армии в сложной, напряженной международной обстановке, они должны быть готовы в любую минуту выступить на защиту Советской Родины от посягательств империалистов.

От имени Исполкома Коммунистического Интернационала выпускников авиационных училищ приветствовал Бела Кун.

После торжественного заседания я подошел к нему:

— Курсант Артур Юстус окончил авиационное училище.

Бела Кун узнал меня, обнял:

— Слыхал, слыхал, что поступил в авиационное училище. Очень рад за тебя. Желаю тебе успехов и на земле и в небе.

Обращаясь к окружающим, Бела Кун сказал:

— Этот молодой летчик родился у нас, в Венгрии. Он — сын русского большевика, сражавшегося в девятнадцатом году за Советскую Венгрию.

Вскоре после окончания училища меня направили в научно-исследовательский институт.

При первой же возможности я старался навестить дорогих мне людей, которым был очень многим обязан. В начале марта 1933 года я пришел к Марии Ильиничне в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Она вручила мне билет на торжественное собрание, посвященное Международному женскому дню 8 Марта. Оно состоялось в Большом театре Союза ССР. В тот день Мария Ильинична Ульянова и Надежда Константиновна Крупская были награждены орденами Ленина за выдающуюся работу в области коммунистического просвещения работниц и крестьянок. Они сидели рядом в президиуме торжественного собрания.

В семье Ульяновых была традиция — собираться 8 Марта в Горках или в кремлевской квартире В. И. Ленина, где остались жить после смерти Владимира Ильича Надежда Константиновна и Мария Ильинична. На эти встречи приглашались родные, друзья. А в 1933 году, в связи с тем что Н. К. Крупская и М. И. Ульянова получили высокую награду, встреча была особенно теплой и задушевной. Поздравить Надежду Константиновну и Марию Ильиничну пришли М. И. Калинин, Феликс Кон, Демьян Бедный. Как обычно, участвовали в этой встрече женщины-колхозницы из Горок. Каждый год в день 8 Марта две-три женщины приезжали из Горок поздравить Надежду Константиновну и сестер Владимира Ильича. Они привозили с собой большой румяный пирог. Наверное, горкинские колхозницы пекли его по очереди. Но сам-то пирог всегда был одинаковый — морковный, с подливкой из сметаны. Такой пирог в семье Ульяновых любили.

Когда встали из-за стола, Мария Ильинична подошла к роялю. Она хорошо играла и пела. Мария Ильинична запела одну из любимых песен Владимира Ильича «Смело, товарищи, в ногу!». К ее голосу присоединились другие. Потом звучали русские народные песни. Дмитрий Ильич исполнил свою любимую песню «Ах ты доля, моя доля, доля горькая моя. И зачем ты, злая доля, до Сибири довела?»

Очень тепло прошел тот вечер. Но настроение собравшихся было омрачено тем, что не было Анны Ильиничны. Она тяжело болела, не смогла прийти из своей квартиры на Манежной. Вскоре Мария Ильинична перевезла больную сестру к себе, а в квартире Анны Ильиничны на Манежной улице остались жить многие ее воспитанники.

В январе 1934 года меня направили для дальнейшего прохождения службы в Новочеркасск. Приехав оттуда на сборы автопилотчиков-высотников в Москву, я позвонил Марии Ильиничне.

— Слышал? В Москве Георгий Димитров! — радостно сообщила она.

В те дни Надежда Константиновна и Мария Ильинична попросили моего брата Лео привезти букет цветов из оранжереи в Горках для подарка Г. М. Димитрову, прибывшему тогда в СССР после знаменитого лейпцигского процесса о поджоге рейхстага, где он со скамьи подсудимых смело разоблачал германский фашизм, призывал трудящихся всех стран сплачивать свои ряды в борьбе за мир и демократию.

Когда брат привез цветы в кремлевскую квартиру, Н. К. Крупская написала письмо Г. М. Димитрову от имени своего и сестер В. И. Ленина. Она положила письмо в конверт, позвонила Диме Барамзину и попросила его вместе с женой Клавой передать эти цветы Г. М. Димитрову в гостиницу «Центральная» на улице Горького. Они вручили этот букет Г. М. Димитрову. В номере гостиницы в то время находилась и его мать. Увидев букет цветов и письмо Н. К. Крупской и сестер В. И. Ленина, Г. М. Димитров крепко обнял Диму и Клаву и сказал, что это самый дорогой для него подарок...

...Я говорил Марии Ильиничне, что очень хочу повидать ее и Анну Ильиничну.

— Приходи, Артур, вечером,— услышал я в ответ.

Встретили меня Мария Ильинична и Мария Николаевна Пояркова — медицинская сестра, которая в то время ухаживала за Анной Ильиничной.

Мария Ильинична сказала мне очень тихо, почти шепотом:

— Анюта очень больна. Ей врачи строго-настрого запретили всякие волнения. Приоткрою дверь в ее комнату, ты посмотри на нее издали и сразу отойди.

Мария Ильинична чуть приоткрыла дверь, и я заглянул в комнату, боясь кашлянуть или шевельнуться. Анна Ильинична, похудевшая, осунувшаяся, сидела в кресле и что-то отстукивала одной рукой на пишущей машинке.

Тяжело больная, она до последних дней своей жизни трудилась, занималась литературной работой, обобщала накопленный ею опыт партийной и педагогиче-

ской деятельности. Анна Ильинична писала свою автобиографию.

Половина ее тела была парализована, но, несмотря на это, Анна Ильинична переписывала на машинке свои рукописи и вообще старалась обходиться без посторонней помощи.

В тот день я последний раз видел Анну Ильиничну. 19 октября 1935 года она скончалась.

Командир части предоставил мне краткосрочный отпуск для поездки в Москву. И вот передо мной хорошо знакомый мне дом в Горках. Толпы людей медленно идут к его подъезду. Шуршат под ногами осенние листья. Рабочие совхоза, колхозники окрестных деревень пришли проститься с Анной Ильиничной. Вместе со своими родителями были дети. Для многих из них Анна Ильинична — тетя Аня — родной, близкий человек. Она всегда интересовалась, как они растут, развиваются, как успевают в школе, устраивала для них веселые праздники.

Неизгладим в памяти день, когда тысячи москвичей провожали урну с прахом Анны Ильиничны на Ленинградский вокзал. Анна Ильинична завещала похоронить ее в Ленинграде, на Волковом кладбище, рядом с матерью Марией Александровной, сестрой Ольгой, мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым.

Утром 23 октября к перрону Московского вокзала в Ленинграде подошел поезд. В Ленинград приехали Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Елена Дмитриевна Стасова, Николай Ильич Подвойский, другие соратники и друзья Анны Ильиничны, ее многие воспитанники. Тысячи ленинградцев, отдавая последний долг стойкому борцу за коммунизм, провожали урну с прахом Анны Ильиничны на Волково кладбище. Светлый образ Анны Ильиничны навсегда будет дорогим и незабываемым для всех, кто когда-либо знал ее.

ВОСПИТАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вернувшись в Новочеркасск, я часто писал оттуда Марии Ильиничне, рассказывал о том, как проходит моя служба. Мария Ильинична отвечала мне подробными теплыми письмами. Но однажды, вскрыв конверт, я был удивлен. Вместе с письмом Марии Ильиничны в нем лежало и мое последнее письмо к ней.

Многие слова и целые предложения в нем были подчеркнуты и исправлены. Мария Ильинична писала мне, что я теперь владею русским языком, конечно, гораздо лучше, чем раньше, но все же пишу не так грамотно, как должен писать на родном языке культурный человек, летчик, командир Красной Армии. «Хочешь, будем с тобой регулярно заниматься русским языком?» — писала мне Мария Ильинична.

Но как проводить эти уроки, если учительница в Москве, а ученик — в Новочеркасске? Мария Ильинична предложила мне писать ей регулярно, сообщать о своей жизни, она обещала подробно отвечать, а заодно проверять, как я выполняю правила правописания и стилистики. Так Мария Ильинична стала давать мне заочные уроки русского языка.

Но если уж говорить об уроках, нельзя не рассказать о другом особенно поучительном уроке, который дала мне Мария Ильинична. Я расскажу о нем, хотя мне и не совсем приятно его вспоминать. Думая об этом моем разговоре с Марией Ильиничной, я и теперь, спустя десятки лет, испытываю чувство стыда. Дело было в следующем. Я считал, что мои успехи в продвижении по службе могли быть более значительными. В самом деле, мой друг и однокашник Павел Парфенов уже назначен заместителем командира эскадрильи, Володя Логвинов, также окончивший училище вместе со мной,— заместитель командира отряда. А я все еще летчик-наблюдатель, старший техник эскадрильи по автопилотам. Значит, другие быстрее выдвигаются. Как-то мы беседовали об этом в тесном кругу, и один дружок надоумил меня: «Эх, ты! Да я б на твоем месте... У тебя такие знакомства, в Кремле бываешь. Кому-кому, а тебе-то уж помогут. Ты только скажи. Кто же виноват, если ты молчишь?»

Вот уж действительно мне была оказана медвежья услуга. Дурная мыслишка, услужливо подсказанная, запала мне в голову.

Вскоре я приехал в отпуск в Москву. Навестил Марию Ильиничну. Отвечая на ее вопросы, сказал, что не совсем удовлетворен своей службой.

— Почему же? Дело не ладится? — спросила Мария Ильинична.

— Нет, ладится. Но я мог бы выполнять более ответственную работу.

— Мне это непонятно,— сказала Мария Ильинична.— Разве быть летчиком-наблюдателем — маленькое

дело? Почему ты думаешь, что если ты рядовой летчик, то это плохо? Ведь все наше общество в массе состоит из рядовых людей, и каждый вносит вклад в общее дело социалистического строительства. Может быть, и всю жизнь ты будешь рядовым, но надо быть хорошим рядовым. Работай, старайся! Мне кажется, что каждый летчик, поднимающий самолет в воздух, облечен очень высокой ответственностью. Или я не права? Тогда объясни мне.

Как осторожно я ни выражал свою мысль, Мария Ильинична меня поняла: я думал о более высокой должности и рассчитывал на ее поддержку.

Вспоминаю, как внимательно посмотрела на меня Мария Ильинична, каким серьезным и строгим стало ее лицо. Влетело мне тогда, как говорится, по первое число. Впрочем, влетело, пожалуй, не то слово. Мария Ильинична не ругала меня, а беседовала со мной спокойно и терпеливо. Она советовала думать не о высоких должностях, а о том, все ли, что нужно и должно, я делаю на порученном мне посту. Сказала, что коммунисты должны быть людьми скромными, трудолюбивыми. Насколько я помню, Мария Ильинична не произнесла в беседе со мной слова «карьеризм», но предостерегала меня именно от этой отвратительной черты характера, отнюдь не украшающей коммуниста. Больше никогда Мария Ильинична не напоминала мне о том разговоре, но в моей памяти он запечатлелся на всю жизнь.

Таковы были сестры Ленина. Они брали на себя заботу о человеке не для того, чтобы ставить его в какие-то особые, привилегированные условия, а для того, чтобы воспитывать из него настоящего коммуниста — трудолюбивого, скромного, требовательного к себе, принципиального в большом и малом.

Подтвердить это мне хочется рассказом о замечательной семье Барамзиных.

ОДНА СЕМЬЯ

Среди тех, кого я с детских лет видел у Анны Ильиничны и кого запомнил на всю жизнь, был Дмитрий Барамзин. Но прежде чем рассказать о нем, следует сообщить, кто такие Барамзины.

Владимир Ильич, вернувшись 3 апреля 1917 года из эмиграции в Петроград, жил три месяца в доме на

Широкой улице (ныне улица Ленина) в квартире своей сестры Анны Ильиничны и ее мужа Марка Тимофеевича Елизарова. Теперь в этой квартире — Ленинский мемориальный музей. Здесь посетители видят на стене в одной из комнат картину художника-любителя Е. В. Барамзина «Дерево у пруда», подаренную автором Анне Ильиничне.

Егор Васильевич Барамзин с конца прошлого века участвовал в революционном движении. Молодой казанский педагог, он стал членом марксистского кружка, вел пропагандистскую работу среди учащейся молодежи. Из Казани Барамзин переехал в Воронеж, где продолжал революционную деятельность.

В 1897 году внимание воронежских властей привлек к себе кружок, созданный в мастерских Юго-Восточной железной дороги. Как показывают материалы следствия, учиненного воронежской жандармерией, «лица, принадлежавшие к вышеозначенному кружку, дерзко отзывались о государе императоре, открыто выражали свое презрение к религии, порицали законы и правительственные распоряжения и открыто старались противодействовать своему начальству, что им нередко удавалось... Между прочими претензиями рабочих главную роль играют увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня, о чем кружок больше всего и старается».

Среди главных участников «крамольного сообщества» называется в материалах следствия «состоящий под негласным надзором бывший учитель Егор Васильевич Барамзин». Его выслали в Восточную Сибирь за участие в работе социал-демократической группы, в издании и распространении нелегальной литературы, «за противоправительственную» пропаганду среди рабочих. Ссылку Барамзин отбывал в селе Тесинском Минусинского округа. А неподалеку, в селе Шушенском, тогда жил сосланный Владимир Ильич Ленин. В один из летних дней 1899 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская приехали в Тесинское. И здесь, а затем в селе Ермаковском Барамзин встречался с Владимиром Ильичем.

Отбыв срок ссылки, Барамзин вел революционную деятельность в Саратове, Казани и других городах. После победы Великого Октября он работал в органах советской кооперации. В 1919 году тяжелый недуг свел Егора Васильевича в могилу. Только на несколько часов пережила своего мужа учительница Алек-

Старший политрук Д. Е. Барамзин. Западный фронт. 1942 г.

К. П. Анохина-Барамзина с сыновьями Артемом Дмитриевичем (справа) и Александром Дмитриевичем.

Встреча родных и близких семьи Ульяновых в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Сидят (слева направо): В. Д. Ульянов, О. Д. Ульянова, А. Г. Юстус, Н. П. Елизарова, О. П. Веретенникова, П. П. Елизаров, В. П. Елизаров, Н. Е. Головкина; стоят (слева направо): Л. В. Юстус, В. В. Юстус, А. А. Пушкова, А. В. Юстус, Б. Б. Горизонтов. Москва, 1961 г.

Ю. Ю. Надь. Ленинград, 1971 г.

Михальфалви Пал. 1948 г.

Г. Я. Лозгачев-Елизаров, Л. В. Юстус и А. В. Юстус. Москва, 1962 г.

Шандор Сиклаи. 1952 г.

Санто Реже. Будапешт, 1956 г.

В школе имени Шандора Сиклаи. Справа налево: Гизелла Сиклаи, Франц Кертас, Артур Юстус. Нахабино, 1974 г.

Во время торжественного заседания, посвященного 90-летию со дня рождения В. И. Ленина (слева направо): Ференц Мюнних, Янош Кадар, Артур Юстус. Будапешт, 1960 г.

А. В. Юстус и Михальфалви Пал у Келенфельдских казарм. Будапешт, май 1978 г.

В семье
Ирины Кун
(слева направо):
Валентина Юстус,
Лео Юстус,
Анна Юстус,
Ольга Кун,
Ирина Кун,
Антал Гидаш,
Агнесса Кун,
Владимир Урасов.
Будапешт, 1965 г.

В Институте истории партии при ЦК ВСРП (справа налево):
Иолан Келен, Артур Юстус, Дьердь Милеи. Будапешт, 1965 г.

А. В. Юстус и Г. Я. Лозгачев-Елизаров. Ленинград, 1956 г.

А. В. Юстус и Г. Я. Лозгачев-Елизаров в Музее семьи Ульяновых. Саратов, 1971 г.

Александра Васильевна и Александр Андреевич Макаровы. Таймырский полуостров, 1933 г.

А. В. Макарова за разбором жалоб. Москва, 1935 г.

Антал Клейн. Ленинград, 1940 г.

Антал Клейн с дочерью Ириной. Ленинград, 1930 г.

Антал Клейн (в центре, с орденом) в Кронштадте. 1926 г.

Российская
Социалистическая Федеративная
Советская Республика
Революционный Военный Совет Республики

Удостоверение о награждении Антала Клейна орденом Красного Знамени.

Шандор Холлендер.

Грамота Антала Клейна.

Шандор Холлендер с дочерьми Лидией и Виолой. Москва, 1934 г.

Янош Варга с сыном Константином. Ленинград, 1953 г.

Ференц Патаки.

Янош Ожвам.

Йожеф Шомоди.

В. А. Урасов с женой Терезой Петровной. Тюмень, 1920 г.

Бела Ваго (справа), Тибор Самуэли обходят воинский строй. Будапешт, 1919 г.

Гизелла Сиклаи с внуком Кристианом, Бронислава Шомоди, Артур Юстус. Ленинград, 1979 г.

Встреча на 60-летии Венгерской Советской Республики: Артур Юстус, Михальфалви Пал, Юзеф Надь. Будапешт, 1969 г.

На торжественном пионерском сборе в школе и пионерском отряде имени Шандора Сиклаи. В президиуме (слева направо): Эрвин Липтаи, Гизелла Сиклаи, Иштван Буран, Артур Юстус. Кунфехерто, 21 мая 1978 г.

А. В. Юстус среди пионеров.

А. В. Юстус выступает на встрече с молодежью. 1981 г.

А. В. Юстус. Будапешт, ноябрь 1981 г.

Советско-венгерская дружба крепнет день ото дня. Новым проявлением социалистического интернационализма стал совместный полет советского и венгерского космонавтов. Покорителей космоса Берталана Фаркаша и Валерия Кубасова сердечно приветствуют жители Будапешта. 1981 г.

сандра Всеволодовна Барамзина, также участница революционного движения.

В тот день шестнадцатилетний Дима Барамзин и его младшая сестра Нина остались без отца и матери. Их взяла к себе Анна Ильинична Ульянова. Дима остался жить у нее, а Нина Барамзина росла в семье Фридриха Вильгельмовича Ленгника, старого товарища ее отца по революционной деятельности.

Сохранился документ, написанный Анной Ильиничной.

«Сим подтверждаю, что Нина Егоровна Барамзина — дочь социал-демократов-большевиков. Отец ее, Егор Васильевич, был в ссылке в Сибири вместе с Владимиром Ильичем в Минусинском округе и часто виделся с ним. Мать ее, Александра Всеволодовна, принимала также участие в революционной работе, между прочим, и непосредственно со мной в Петрограде в 1914, 15 и 16 годах, в работе ЦК партии. Оба, и отец, и мать, надорвали этой работой сердца и, не вынеся годов голода и разрухи, скончались оба в один день 19-го декабря 1919 года, оставив Нину 12 лет».

Бывая в квартире Анны Ильиничны на Манежной улице, я познакомился с Димой Барамзиным. Он был на девять лет старше меня и, естественно, относился ко мне, восьмилетнему мальчику, покровительственно, как к малышу. Я же ходил за Димой буквально по пятам, общение с ним считал для себя большим счастьем. Не будет преувеличением сказать, что Дима Барамзин был тогда моим кумиром. И для этого имелись весьма веские причины. В самом деле, представьте себе человека, который обладает рядом исключительных достоинств. Начать с того, что он прекрасно рисует. Стоит тебе посидеть спокойно две-три минуты — и он быстро набросает карандашом твой портрет. Ему не составляет большого труда зарисовать уголок московского сада или двора, где ты играешь с товарищами. Мало этого, имея в своем распоряжении комплект разноцветных кусочков полотна, ситца, а проще сказать, тряпочек, он с непостижимой быстротой может сделать куклу, изображающую какого-нибудь смешного человечка — лентяя, пьяницу или насмерть перепуганного буржуя.

Отец Димы Егор Васильевич обладал разносторонним художественным дарованием: рисовал, прекрасно пел, сам сочинял песни и музыку к ним. Дима Барамзин наследовал художественные дарования отца.

И еще одну черту характера он перенял у своих родителей, народных учителей,— любовь к детям, педагогический дар.

Это и определило его жизненный путь. В 1924 году Дмитрий Барамзин, помня добрые советы Анны Ильиничны, уехал из Москвы в город Новосиль Орловской губернии. Там он был председателем уездного бюро юных пионеров.

Дима Барамзин быстро стал любимцем новосильских ребят. Они на всю жизнь запомнили школьные пионерские сборы, на которых старших ребят принимали в комсомол. Благодаря стараниям и неистощимой инициативе Димы эти сборы проходили торжественно и празднично. Вожатые пионерских отрядов Новосиля любили прогулки в Тюковку — живописную зеленую местность на окраине города. Во время этих прогулок шли оживленные беседы о том, как сделать пионерскую работу более интересной и увлекательной, разгорались жаркие споры. Дима делился своими новыми планами.

Человек очень скромный, Дима Барамзин был сдержан и немногословен, когда речь шла о его собственной жизни. И все же новосильские комсомольцы узнали, что Дима — сын старого революционера, что до приезда в Новосиль он жил у Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой как ее воспитанник. Некоторые удивлялись: зачем Барамзин уехал из Москвы в маленький, захолустный Новосиль? Но так воспитывали Диму и его родители, и Анна Ильинична: он не искал легких дорог, шел туда, где труднее, где в нем больше всего нуждались. В Новосиле комсомолец Дмитрий Барамзин стал членом ленинской партии.

Три года трудился Барамзин в Новосиле, накопил навыки пионерской работы. Этот опыт очень пригодился Дмитрию, когда он, вернувшись в Москву, работал в Центральном бюро юных пионеров, в детском журнале «Затейник», когда стал директором Государственного музея игрушки. В содружестве с поэтами и художниками Дмитрий Барамзин создал образы популярных в свое время среди детей Кузьки и Пуськи, пионера Рыжика, ставших персонажами многочисленных кукольных представлений, которые готовились коллективами детской художественной самодеятельности. Юные зрители с восторгом встречали веселого, шустрого, задорного Рыжика, который говорил о себе, представляясь: «Ловкий я, всегда проворный, бодрый,

шустрый и задорный, над врагами издеваюсь, звонким смехом заливаюсь». Дима оставался любимцем всех, кто с ним встречался в доме Анны Ильиничны. А для меня он был всегда во всем образцом.

В 1930 году Дмитрий Барамзин выезжал с бригадой Центрального бюро юных пионеров на Северный Кавказ, в Минераловодский район, ставший одним из районов сплошной коллективизации. Этой бригаде предстояло изучить опыт воспитательной работы с детьми колхозного села. Материалы, собранные бригадой, помогли Центральному Комитету комсомола, Центральному бюро юных пионеров лучше организовать коммунистическое воспитание сельских ребят.

Ненадолго вернулся Дмитрий Барамзин в Москву с Северного Кавказа. Вскоре он снова уехал в Минераловодский район. Направился туда не в командировку, а на постоянную работу. Там по его инициативе были созданы первые учебные производственные бригады школьников, организован первый в стране лагерь пионерского актива.

Несколько лет работал Барамзин на Северном Кавказе.

Анна Ильинична часто писала своему воспитаннику, одобряла начинания Дмитрия Барамзина. Только однажды она пожурила его, когда узнала, что он, заболев, не обращается к врачу и беспечно относится к своему здоровью. Вот письмо Анны Ильиничны от 13 сентября 1930 года:

«Дорогой Димчик!.. Разве можно быть до такой степени птицей небесной? Да еще семейному человеку! Можно подумать, что вы придерживаетесь евангельского учения о птицах небесных...

Нет уж, это ни на что не похоже! Извольте взять себя в руки... И наладьте питание по-человечески и пойдите к доктору. Разве можно запускать так желудочные истории? Что вы, язву хотите себе нажить? Снимите лишнее беспокойство с меня и с Клавдии, которая, кстати сказать, очень милое впечатление производит,— скорее все исполните и напишите нам.

В уверенности, что вы все это так сделаете, посылаю вам заранее свой поцелуй. Будьте здоровы, мой дорогой мальчик! Поздно, спешу. До свидания! А. Елизарова».

Клавдия, которую упоминает в своем письме Анна Ильинична, стала в 1930 году женой Дмитрия Ба-

рамзина. Дочь московского рабочего-токаря, Клавдия Анохина, окончив школу, работала в одной из московских библиотек, была комсомольской активисткой в Бауманском районе столицы. По путевке райкома ВЛКСМ она поступила в Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, окончила ее и была направлена в аппарат Народного комиссариата просвещения РСФСР. Здесь ей довелось работать под руководством Надежды Константиновны. Вместе со своим мужем Дмитрием Барамзиным Клавдия Анохина жила в квартире Анны Ильиничны на Манежной улице. В последние годы жизни Анны Ильиничны Клавдия Анохина была ее близким помощником, фактически выполняла обязанности ее секретаря. Анна Ильинична полюбила Клавдию и называла ее дочкой. В сентябре 1935 года незадолго до смерти она подарила ей свою книгу «Детские и школьные годы Ильича» с надписью: «На добрую память дорогой дочке Кладдочке — Клавдии Павловне Барамзиной от автора».

Вернувшись с Северного Кавказа в Москву, Дмитрий Барамзин возглавил Центральный дом художественного воспитания детей.

В первые же дни Великой Отечественной войны он ушел на фронт. Политрук артиллерийской батареи Барамзин был участником героической битвы под Москвой. О Барамзине — человеке и воине — свидетельствуют его письма с фронта:

«Милый мой сынок!

Вот я и уехал служить в армию. Пока недалеко от тебя. Близко от Москвы. А потом (это, наверное, будет скоро) поеду бить фашистов.

Еще раз прошу тебя быть дисциплинированным. Слушайся маму. Помогай ей воспитывать Сашу.

Сынка, милый, что бы ни случилось с твоим папкой, ты должен расти и обязательно учиться. Учиться хорошо и отлично.

Помни, сынок, война против фашистов — это война за то, чтобы миллионы Артемов и Саш и похожих на них ребят во всем мире жили хорошо и никогда бы не знали самого большого несчастья, которое может быть у людей на земле,— войны».

В конце ноября 1941 года Дмитрий Барамзин писал сыну Артему:

«...Около города, который мы защищали, завязался жаркий бой. Били наши пушки. Стреляли немец-

кие минометы. В небе вели воздушные бои наши и вражеские самолеты.

А сегодня немцы бежали. Они побросали убитых и раненых, оружие, снаряды, продовольствие. Наши советские войска заняли несколько сел.

Как ты живешь, мой милый? Как живут мама и Саша? Чем ты занимаешься? Слушаешься ли маму, бабушку и дедушку? Помогаешь ли маме и заботишься ли о братике Саше?

Напиши мне побольше. Я очень рад твоим письмам. Будь здоров, мой милый. Расти хорошим. Будь умницей. Крепко тебя целую. Твой папка».

А вот письмо Дмитрия Барамзина, написанное жене в начале декабря 1941 года, когда войска Красной Армии, сражавшиеся под Москвой, перешли в контрнаступление:

«Родная моя!.. Сейчас мы преследуем противника, поспешно покидающего те дальние подступы к Москве, до которых ему удалось недавно прорваться.

Родная моя, у меня сегодня вроде праздника — наша часть вошла в села, в которых были немцы. Если бы вы видели, как трогательно, с какой любовью и радостью встречали нас наши граждане!

Люди бегут навстречу нам, смеются и плачут. Сколько мы слышим нежных слов!..

Мы прошли за сутки километров шестьдесят. Настроение у меня, как и у всех нас, хорошее. Вот только беспокоюсь о вас, думаю о том, как вас мучают налеты фашистских стервятников. Но у меня — крепкая уверенность в том, что мы будем снова вместе, что эта проклятая, навязанная нашей стране война кончится нашей победой, и, пройдя через это трудное испытание, мы заживем еще лучше, чем жили раньше.

У меня нет мысли о смерти, я верю в то, что все будет хорошо. Но, родная моя, если я не вернусь, знай, что я защищал вас — тебя, ребят, Москву, мою Родину...»

Еще одно письмо с фронта — от 25 декабря 1941 года:

«...Продолжая наступление, мы дошли до Тулы. Враг, который был на ее окраинах, отброшен. Вся дорога загромождена брошенными им машинами, танками, пушками, повозками, ящиками со снарядами и другим имуществом.

Сегодня отдыхаем в селе. Здесь нас встретили партизаны. Волосы встают дыбом от рассказов о зверст-

вах фашистов... Я жив, здоров. Все время мы в движении. Ночь и день смешались. Пишите, мои родные, чаще. Так хочется, чтобы вы жили спокойно и дружно... На днях — Новый год. Не знаю, где я его буду встречать. Но встречу его с уверенностью, что скоро мы будем вместе!»

И вот последнее письмо с фронта, написанное 15 января 1942 года Дмитрием Барамзиным сыну Артему:

«Милый мой Темочка! Спасибо тебе, дорогой, за письмо. Я очень рад, что ты начал ходить на занятия в изогруппу, что учишься рисовать. Кем бы ты ни стал, когда вырастешь,— военным, инженером, врачом, учителем, рабочим,— рисование тебе всегда пригодится. А кроме того,— это ты поймешь позже,— за рисованием тот, кто любит рисовать, отдыхает.

Это письмо я пишу, сидя в палатке. Мы уже много дней не жили в домах, так как фашисты, убегая, жгут наши деревни.

Наша часть бьет гитлеровцев. Вот и сейчас наши орудия ведут огонь.

Милый мой сынка, я тоже стараюсь крепче бить врага. Стараюсь не трусить в бою, а быть таким, каким и должен быть командир Красной Армии...»

Десятилетний Артем часто писал отцу. Хотел он послать письмо и в тот февральский день 1942 года. Детским почерком вывел на почтовой открытке адрес — номер полевой почты и фамилию адресата: «Военкому Д. Е. Барамзину». Отложив открытку, Артем решил вечером написать отцу, рассказать ему о своих делах. Но открытка так и осталась ненаписанной. В тот день Клавдия Павловна получила извещение: «Ваш муж старший политрук Барамзин Дмитрий Егорович, проявив геройство и мужество, был ранен в бою за социалистическую Родину и умер от ран».

Несколько дней спустя Артем написал на почтовой открытке, которую хотел послать отцу: «Не успел написать открытку папке. Пришло горькое и тяжкое извещение». (Эта открытка хранится в семейном архиве вместе с извещением о гибели старшего политрука Барамзина).

Тяжело переживая смерть отца, Артем, старший из двух мужчин, оставшихся в семье, считал своей обязанностью утешить мать: «Мамочка, ты только не плачь больше. Знаешь что? Прочитай еще раз книж-

ку Гайдара о Тимуре и его команде. Помнишь там жену командира Павлова? Его убили. Как ей было тяжело! Но она выдержала страшное горе...»

Ночью, рыдая, глядя на своих спящих сыновей, мать читала и перечитывала эту записку старшего сына. Она видела за этими наивными, трогательными строчками, выведенными еще детским почерком, растущего человека, в характере которого чувствовалось влияние отца. Ей было дорого и то, что, пытаясь найти для матери слова утешения, сын обращается к книге. В эти минуты она с особой силой ощутила, как важен, как нужен людям и в суровую военную пору ее труд.

Клавдия Павловна училась в аспирантуре Московского библиотечного института. Весной 1942 года ее отозвали из аспирантуры на работу в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Ей поручили подготовить в бывшем Румянцевском музее читальный зал для московских школьников. Открытие громадного, светлого, прекрасно оборудованного читального зала с богатейшим книжным фондом для московских школьников было очень своевременным и полезным делом. Юные читатели встречались здесь с писателями, учеными, участниками Великой Отечественной войны.

Вскоре после окончания войны Клавдия Павловна Анохина, заведующая отделом детской и юношеской литературы Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, была избрана депутатом Московского городского Совета. Около десяти лет, до выхода на пенсию, Клавдия Павловна возглавляла отдел научных фондов Всесоюзного института научно-технической информации Академии наук СССР.

Кем же стали младшие Барамзины?

Артем Дмитриевич Барамзин, питомец юридического факультета Московского университета, работает в органах уголовного розыска и раскрыл не одно преступление. А у младшего брата Артема Барамзина, Александра, другая профессия — он архитектор.

Не только родственные узы объединяют и связывают Барамзиных. Они — коммунисты, бойцы ленинской партии.

Такими бойцами всюду и всегда оставались и другие воспитанники сестер В. И. Ленина: все они с детских лет проходили у них замечательную жизненную школу.

Хочется хотя бы кратко рассказать, как сложилась их дальнейшая судьба.

Виктор Дмитриевич Ульянов учился в Московском авиационном техникуме, в Высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана. Он работал инженером, начальником лаборатории, главным технологом на авиационном заводе, начальником технологического отдела одного из московских научно-исследовательских институтов. Персональный пенсионер В. Д. Ульянов живет в Москве.

Сергей Елизаров осенью 1931 года поступил на планово-экономическое отделение техникума Народного комиссариата социального обеспечения. Этот техникум был частью учебно-производственного комбината, в котором работали и учились инвалиды. Учащиеся техникума жили в том же здании, где учились, государство обеспечивало их жильем, питанием и одеждой. Даже среди своих товарищей по техникуму инвалидов Сергей был самым тяжелым больным. Ему трудно было сидеть в аудитории: спина быстро уставала, и он испытывал резкую боль. Очень трудно было ему переходить из одного учебного кабинета в другой или из учебной аудитории в общежитие, особенно если при этом требовалось подниматься или спускаться на другой этаж. Однако, проявляя недюжинную волю, Сергей успешно занимался в техникуме.

В 1933 году Анна Ильинична тяжело заболела. Заботу о Сергее взяла на себя Мария Ильинична. Она приходила к Сергею в общежитие, писала ему, интересовалась, как он чувствует себя, как идет учеба, не испытывает ли он в чем-либо нужды. Вот одно из писем Марии Ильиничны к Сергею Елизарову: «Уважаемый Сергей Александрович! Вчера получила Вашу открытку и спешу ответить... Как идут Ваши занятия? Не попросить ли профессора Бурденко как-нибудь посмотреть Вас? Сестра все больна, лежит в постели. С приветом. М. Ульянова».

В 1935 году Сергей окончил техникум с отличными оценками почти по всем общеобразовательным и специальным дисциплинам. В характеристике, выданной ему при окончании техникума, отмечались его общественная активность, отзывчивость, сказано, что он был в техникуме лучшим «буксировщиком»: помогал отстающим учащимся.

После окончания техникума Сергей Елизаров работал экономистом, а потом начальником планово-

производственного отдела завода. К нему и туда приезжала Мария Ильинична. Однажды она спросила у Сергея, вступил ли он в партию. Сергей ответил, что давно думает об этом, но полагает, что из-за тяжелой инвалидности не принесет партии пользы, будет только числиться в ней. Мария Ильинична не согласилась с ним, сказала, что если человек живет так, как требует от него партия, если он работает в полную меру своих сил, совмещает труд с общественной деятельностью, то он может оправдать звание коммуниста.

Сергей Елизаров вел упорную ежедневную борьбу со своей болезнью, самоотверженно трудился. Когда началась Великая Отечественная война, он отказался эвакуироваться из Москвы, продолжал работать на своем заводе, с честью прошел через испытания военных лет, которые от него требовали особенного напряжения физических и нравственных сил. Коммунист Сергей Елизаров умер в 1964 году...

Лео Юстус в 1928 году закончил профтехшколу, был токарем и электриком. Затем закончил среднее специальное училище, а с 1934 по 1937 год был референтом М. И. Ульяновой, выполнял ее поручения в Комиссии советского контроля при СНК. До 1939 г. был комендантом и заведующим Домом-музеем «Горки Ленинские». Персональный пенсионер Л. В. Юстус живет в Москве.

Георгий Лозгачев-Елизаров, имея за плечами десятилетний заводской стаж, поступил по партийной путевке в юридическую школу и окончил ее. В годы борьбы против гитлеровских захватчиков он, офицер-коммунист, прошел путь от Москвы до Берлина, был тяжело ранен в бою. Инвалид Великой Отечественной войны, член Союза журналистов СССР, автор книги «Незабываемое», он до последних лет жизни (умер в 1972 году) вел большую общественную работу.

ПИСЬМО ОТ А. В. МАКАРОВОЙ

Обычно авторы книг получают от читателей немало писем. В них слова благодарности, критические замечания, вопросы к автору. Так было и после выхода моей книги «Самое дорогое». Очередная почта принесла мне письмо от Александры Васильевны Макаровой. Его я прочел, как говорят, на одном дыхании. А потом, уже не торопясь, перечитывал письмо

несколько раз. В нем сообщались новые сведения, новые факты из жизни дорогого мне человека — Марии Ильиничны Ульяновой, с которой Александре Васильевне выпало счастье вместе работать.

На конверте был обратный адрес. Им я, конечно же, воспользовался. И вот мы сидим вместе, друг против друга,— я и Александра Васильевна в ее уютной московской квартире. Какое-то время сидим молча, оба взволнованы. Каждый думает в эти минуты о Марии Ильиничне. В памяти без всякой последовательности всплывают воспоминания давних лет.

С трудом сдерживая волнение, прошу Александру Васильевну рассказать о себе. Родилась она в 1902 году в Юрьевце Костромской губернии, в семье рабочего. Очень хотела учиться, но дочери рабочего трудно было поступить в гимназию. Помогла учительница Анна Дмитриевна Гордина. В 1914 году в семью Макаровых пришла беда: умер отец. Встал вопрос: как быть с учебой? За нее нужно платить, а матери без того трудно содержать семью. И юная гимназистка Саша стала заниматься с отстающими учениками. После окончания гимназии Александра Васильевна работала сельской учительницей в местечке Волково.

В первые годы Советской власти грамотных людей на селе было мало. Александра Васильевна не только обучала детей и взрослых, но одновременно была и секретарем сельсовета. За активное участие в налаживании новой жизни в деревне она не раз подвергалась нападению кулаков. Но у нее были верные защитники — ее ученики. Любимую учительницу не давали в обиду.

После замужества в 1923 году Александра Васильевна переехала в Иваново-Вознесенск. Здесь она работала в бюро жалоб, часто выезжала в районы с проверками. Об извращениях и перегибах линии партии молодой коммунист писала в «Правду». Так Александра Васильевна стала рабкором центрального органа партии.

1927 год был необычным в жизни Александры Васильевны, и я попросил, чтобы она подробно рассказала о наиболее ярких впечатлениях того времени. Обещал, что ее воспоминания войдут в очередное издание моей книги. Верный слову, привожу рассказ А. В. Макаровой:

— В тысяча девятьсот двадцать седьмом году я заочно познакомилась с Марией Ильиничной Улья-

новой. Поводом послужила ее статья, напечатанная в газете «Правда» двадцатого сентября тысяча девятьсот двадцать седьмого года. В статье Мария Ильинична приглашала читателей писать в газету обо всех сторонах жизни. Было подчеркнуто: «...не важно, как будет написано, а важно, о чем будет написано, а главное больше фактов». У меня было давно подготовлено письмо о засорении управленческого аппарата Иваново-Вознесенска чуждыми элементами, о нарушениях советских законов, о бюрократизме, взятках и тому подобном. Отправлять его я робела — вдруг не так написала. Прочитав статью Марии Ильиничны, твердо решила письмо отправить.

На основании моего письма была создана комиссия для проверки фактов. Все подтвердилось. Были сделаны соответствующие выводы и приняты меры к устранению недостатков. Сменили руководство и провели чистку аппарата. От Марии Ильиничны я получила письмо, в котором она благодарила за этот сигнал и просила писать о том, что волнует людей и что мешает им спокойно жить и работать.

Лично познакомиться с Марией Ильиничной мне посчастливилось в 1928 году в редакции «Правды». Для меня это была незабываемая встреча. Очень волновалась — увижу сестру Владимира Ильича Ленина. Но стоило войти в кабинет, как все волнения пропали. Мария Ильинична встретила меня ласковой улыбкой. Началась у нас дружеская беседа, словно я давно знала этого обаятельного человека. Я рассказала Марии Ильиничне о моей встрече с Надеждой Константиновной Крупской в тысяча девятьсот девятнадцатом году на агитпароходе «Красная звезда». Я в то время учительствовала в Елабужском уезде и, узнав о прибытии парохода, со своими учениками пришла на берег Камы, чтобы встретить Надежду Константиновну.

Надежда Константиновна подошла к нам и, обращаясь ко мне, спросила: «Скажите, а где ваша учительница?» Я ответила, что я учительница. Тогда Надежда Константиновна сказала, что она серьезно спрашивает, кто учительница. Мои школьники поняли, что их учительницу не признают, и хором ответили, что это их учительница Александра Васильевна. Тогда Надежда Константиновна подошла ко мне, обняла за плечи и спросила, сколько мне лет. Отвечаю, что семнадцать. Она, как бы для себя, сказала:

«Что это меня удивляет? Я сама в восемнадцать лет была учительницей, только я была покрупнее».

Надежда Константиновна обратила внимание на руки учеников и спросила, почему у них такие руки? Я ответила, что у них чесотка и я, ухаживая за ними, заразилась, но нечем лечить, нет мыла и серной мази. Сказала также, что для школы не дают керосина, приходится проверять тетради при лучине, от дыма очень ест глаза. Надежда Константиновна обещала помочь. И действительно, через некоторое время мы получили мыло, мазь и даже керосин. Я была очень благодарна Надежде Константиновне и счастлива, что познакомилась с ней.

Мария Ильинична, выслушав мои воспоминания, сказала: «Обязательно расскажу Надежде Константиновне, по всей вероятности, она помнит эту встречу».

Вторая встреча с Марией Ильиничной была в 1932 году в НК РКИ — бюро жалоб на Ильинке. Я пришла попрощаться, так как уезжала с мужем, Макаровым Александром Андреевичем, на Таймырский полуостров, куда он был назначен начальником радиостанции Норильскстроя. Мария Ильинична захотела познакомиться с ним. Поговорив с нами и узнав, что в прошлом мой муж работник газеты «Рабочий край», просила нас быть внештатными инспекторами.

Во время нашей беседы раздался телефонный звонок. Звонила Надежда Константиновна, приглашала Марию Ильиничну обедать. Мария Ильинична ответила, что сейчас у нее на приеме камская учительница с мужем и что она уже оформила их внештатными инспекторами. Надежда Константиновна попросила дать мне трубку. Ласково поздоровавшись, вспомнила нашу встречу на Каме и, в свою очередь, предложила выполнить ее просьбу: по приезде на место включиться в работу по ликвидации неграмотности среди местного населения, по пути следования — поинтересоваться, есть ли школы и в каком они состоянии. Обо всем обязательно написать ей. Пожелала нам счастливого пути.

Нам пришлось ехать по Енисею от Красноярска до Дудинки санным путем и многое увидеть в городах и поселках, а также на стоянках. По прибытии на место мы столкнулись с безответственностью и вредительством со стороны продовольственных органов, ко-

торые не завезли в летнее время на рудник продовольствие, что вызвало массовое заболевание цингой. Из-за этого приходилось многих заболевших отправлять на материк. Работала я там секретарем рудкома, часто выезжала в тундру, встречалась с местными жителями. Бывая у долган и ненцев, узнала о злоупотреблениях работников факторий, которые обсчитывали охотников при приемке пушнины. Обиженные люди говорили: «Раньше нас обманывали купцы, а сейчас работники факторий. Худо это, очень худо».

Обо всем написала Марии Ильиничне и Надежде Константиновне. Письма с севера шли долго.

В тысяча девятьсот тридцать третьем году на основании сообщенных нами фактов на Таймыр была направлена комиссия. При проверке факты подтвердились. Были приняты срочные меры. Работников, нарушавших советские законы, сняли с работы, на их место поставили проверенных и добросовестных людей. От Марии Ильиничны и Надежды Константиновны пришли письма, в которых они благодарили меня и мужа за помощь.

С тысяча девятьсот тридцать четвертого года, по возвращении из-за Полярного круга, я работала под руководством Марии Ильиничны в бюро жалоб Рабоче-крестьянской инспекции, затем в Комиссии советского контроля при СНК СССР. Это самые счастливые и незабываемые годы моей жизни. Работать с таким обаятельным человеком, как Мария Ильинична, было для меня большим счастьем.

Мария Ильинична пользовалась огромным уважением и любовью у сотрудников. Она была образцом чуткого и внимательного отношения к людям, умела задушевно беседовать с каждым, кто обращался к ней, глубоко вникала в их нужды. Этого же Мария Ильинична требовала от нас. «Самое страшное,— повторяла она,— когда товарищи, имеющие дело с письмами, станут равнодушными к огорчениям и несчастьям тех, кто обращается в бюро жалоб». Мария Ильинична говорила, что сухой, черствый, равнодушный работник, безразлично относящийся к нуждам трудящихся,— потерянный для нашей партии человек. Такие люди дискредитируют наши организации, вызывают недоверие, надо этого бояться. С каким бы вопросом ни обращались к Марии Ильиничне, ни один из них не оставался без ответа. Вот случай, которого не могу забыть.

В тысяча девятьсот тридцать пятом году приехал из Омской области один колхозник с жалобой на неправильное обложение его сельскохозяйственным налогом. Не найдя разрешения вопроса в районе и области, решил обратиться к сестре Владимира Ильича Ленина. Мария Ильинична его приняла, хотя день у нее был неприемный, внимательно выслушала, после чего вызвала к себе инспекторов Исъемина и Калинина. Исъемина командировала на место проверить факты и принять соответствующие меры, а Калинина просила устроить колхозника в Доме крестьянина, обеспечить его питанием и познакомить с Москвой. За эти дни была получена телеграмма от Исъемина, что факты подтвердились и приняты меры.

Мария Ильинична сообщила заявителю о принятых мерах, сказала, что все, незаконно взятое у него, будет возвращено. Проситель горячо поблагодарил Марию Ильиничну за прием, которого ему никогда не забыть. По поручению Марии Ильиничны ему купили железнодорожный билет и обеспечили на дорогу питанием.

Через некоторое время получаем письмо от этого колхозника. Ему никто не верит, что в Москве его приняла сестра Владимира Ильича Ленина, и считают его ненормальным. Он просит подтвердить, что был на приеме у Марии Ильиничны. Вторично Исъемин был направлен в Сибирь, где провел собрание с колхозниками, на котором подтвердил, что Мария Ильинична действительно приняла колхозника и дала соответствующие указания о возврате незаконно взысканного сельскохозяйственного налога.

Кто только не приходил на прием к Марии Ильиничне. Пришел как-то товарищ и рассказал о докторе, у которого лечился.

Мария Ильинична вызвала меня и попросила сходить на квартиру доктора, проверить, в каких условиях он живет, и сообщить ей.

Более жалкого жилища, чем то, в котором жил доктор, я еще никогда не видела. Свет в комнату проникал через небольшую форточку. На двуспальной кровати спала семья из четырех человек. В углу стоял небольшой письменный столик, за которым работал доктор. Дети готовили уроки за обеденным столом. Узнав об этом, Мария Ильинична долго не могла успокоиться. Через секретаря Любу Новоселову попросила доктора прийти к ней.

Доктор пришел на следующий день. Он показал целую пачку ответов на его заявления в различные организации. Содержание их было одинаково: жилплощадь по существующим жилищным нормам в Москве удовлетворительная, улучшить жилищные условия не имеется возможности. Мария Ильинична выслушала доктора внимательно и попросила обо всем написать.

Через несколько дней доктор был переселен из подвала в лучшую квартиру, а для его творческой работы выделили палату в одной из больниц. Виновники бездушного отношения к его жалобам были наказаны.

Вот еще случай. Весной тысяча девятьсот тридцать пятого года в десять часов вечера приходит дежурный и спрашивает: «Что делать? Пришли два мальчика и просят пропустить их к сестре Ленина. Они приехали из Сибири, в Москве у них никого нет».

Доложила я Марии Ильиничне. Она приняла детей. Выяснилось, что два брата, одиннадцати и девяти лет, круглые сироты, жили у дальней родственницы, которая плохо к ним относилась. Кто-то посоветовал им поехать в Москву к сестре Ленина. Мария Ильинична очень внимательно их выслушала и, обращаясь ко мне, сказала: «Макарчик (Мария Ильинична нас называла ласкательно по фамилии), вы не могли бы их взять к себе домой на ночь? Я могла бы их направить к Анне Ильиничне, но она сейчас тяжело больна, а утром я посоветуюсь с Надеждой Константиновной, и решим, куда их устроить».

Приехала домой с мальчиками, накормила их и уложила спать, а утром, позавтракав, отправились в бюро жалоб. Мария Ильинична нас уже ждала и сказала, что решили ребят отправить в Калининский детский дом, там они будут жить и учиться.

Как-то я заменяла секретаря Марии Ильиничны Любу Новоселову и сидела в секретариате. Мария Ильинична, проходя в кабинет, поинтересовалась, почему она второй день не видит нашу уборщицу Печникову, и спросила, кто у нас член месткома? Отвечаю, что член месткома я, а Печникова, наверное, заболела. Вот тут я получила заслуженный нагоняй: «Человек не приходит на работу, и неизвестно почему?! Сейчас же возьмите машину и поезжай-

те на квартиру к Печниковой, по возвращении сообщите мне, как она себя чувствует».

Приехала к Печниковой, а она лежит в гипсе: накануне упала и сломала ногу. Сын на работе, ухаживать за ней некому. Доложила Марии Ильиничне и вновь получила выговор: «Как это так? Человек не вышел на работу, а вы не знаете, что с ним. Составьте список и по очереди будете дежурить, пока мы не устроим ее в больницу». Откровенно говоря, мне и сейчас не забыть того замечания, это был урок на всю жизнь.

Однажды мы с Любой спросили Марию Ильиничну, зачем она в воскресенье, когда много народа, ходила в Мосторг? Она ответила, что ей нужно было купить для Вити вельветку. На наш вопрос: «Могли бы вы нас попросить?» — ответила: «Зачем же я вам буду выходной день портить? Мне нужна была покупка, а не вам».

Мы поражались, откуда у Марии Ильиничны берется столько энергии, сил, доброты и ласки. Если она замечала пренебрежительное отношение того или иного работника к поступившей жалобе, она спрашивала: «Вы не испытали того, что приходится переживать автору этого письма? Представьте, что это вас неправильно оштрафовали или судили, что это вы так долго ждете ответа. Тогда и к жалобе другого человека отнесетесь чутко и не допустите волокиты».

Была как-то на приеме у Марии Ильиничны телефонистка Центрального телеграфа, жаловалась на волокиту с разрешением ее вопроса о путевке в санаторий. Мария Ильинична поручила мне проверить жалобу. Пришла я на телеграф, постучала в кабинет председателя месткома, услышала: «Войдите!» Вошла в кабинет, поздоровалась. Ответа не получила. Сидевший за столом человек с газетой в руках, не отрываясь от чтения, спрашивает: «Что там у вас?» Я прошу войти в мое положение: проработала двенадцать лет, ни разу не получала путевок, а сейчас по состоянию здоровья мне необходимо санаторное лечение. Он, не отстраняя газеты, грубо отвечает: «Сказал же я вам, что путевок нет и не будет». Тут мое терпение подошло к концу. Говорю ему, что так разговаривать неприлично. Председатель месткома рассвирепел: «Да как вы смеете?» Тогда я предъявила свое удостоверение. Мой собеседник обомлел. Этот факт разбирался в соответствующей инстанции. Ма-

рия Ильинична в своем выступлении осудила такое отношение к приему посетителей. За бездушие к людям председатель месткома был строго наказан.

В бюро жалоб поступило заявление от колхозника на незаконное исключение его из колхоза. Мария Ильинична направила эту жалобу заведующей бюро жалоб Борисоглебской рабоче-крестьянской инспекции и просила расследовать ее на месте с обязательным сообщением о принятых мерах. А заведующая направила жалобу в Высоковскую ячейку товарищу Новожилову с сопроводительной запиской: «Бюро жалоб РКИ пересылает тебе материал Куликова, где он пускает слезу прямо в Наркомат РКИ. Надо будет подойти как можно резче и еще раз голубчика общипать, а то заносится высоко. Будь добр, проведи это на секции РКИ и комиссии по чистке, чтоб у других дух отшибло лазить по высотам. Пришли незамедлительно ответ, так как материал шлют спешной почтой». Ответ подтверждал правильность исключения Куликова из колхоза.

Марию Ильиничну такое сообщение не удовлетворило. Она поручила проверить обоснованность ответа. В результате Куликов был восстановлен в колхозе, а заведующую бюро жалоб сняли с работы в связи с тем, что таким черствым, бездушным людям не место в органах Рабоче-крестьянской инспекции.

Мария Ильинична была необыкновенно скромным человеком и совершенно не терпела, когда ее пытались чем-то выделить, создать привилегированные условия. Помню, я была в кабинете Марии Ильиничны. В это время ей позвонили из ателье Совета Министров и спросили, когда можно к ней прийти примерить шубу. Она ответила: «Почему ко мне должны приходить с примеркой? Мне шьют — я и должна прийти, а мастер должен работать, а не разъезжать с примерками». Мария Ильинична порекомендовала руководству мастерской не отрывать работников от их непосредственной работы для оказания такого рода услуг.

Мария Ильинична придавала большое значение системе труда, требовала от нас, чтобы мы тщательно учитывали свою работу. Сама же Мария Ильинична была для нас примером аккуратности исполнения служебных обязанностей...

Моя беседа с Александрой Васильевной продолжалась несколько часов. Время пролетело незаметно.

Под конец разговора я попросил Александру Васильевну сказать еще несколько слов об отношении Марии Ильиничны и к ней лично, к Макарчику, как нежно и ласково называла ее Мария Ильинична. Александра Васильевна сказала, что Мария Ильинична очень любила всех и заботилась о каждом.

— Как-то Мария Ильинична встретила меня в коридоре,— вспоминала Александра Васильевна.— Ей показалось, что у меня расстроенный вид. Вызвала меня к себе и стала выяснять, почему я такая, не случилось ли что у меня. Отвечаю, что все в порядке. Опять вопрос: как муж, здоров ли? Что слышно от брата (брата моего Мария Ильинична знала по Нижнему Новгороду). Благодарю за внимание и говорю, что и у него все в порядке, получила от него письмо, ответить никак не соберусь. И тут я получила нагоняй: «Как же это можно! Старший брат прислал письмо, а вы не соберетесь ответить!» И тотчас посоветовала написать открытку, сообщить, что письмо получено, что все в порядке, а подробности письмом.

Как-то спрашивает меня: «Скажите, кто вас научил писать докладные? Землячке понравилось».

Первый мой учитель, отвечаю, заведующий бюро жалоб Ивановской области Шалита Вениамин Яковлевич. Одно время собиралась уходить с работы, считала, что он ко мне придирается, заставляя переписывать по нескольку раз одно и то же, а это пошло на пользу. Второй мой учитель — ваш заместитель Ракутан Николай Германович, а самый главный учитель — это вы, Мария Ильинична.

Мария Ильинична лично для меня была второй матерью. Она ежедневно проявляла материнскую заботу, забыть которую невозможно.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом году, в июне, Мария Ильинична скоропостижно скончалась у себя в рабочем кабинете. Для всех нас это было большое горе.

ПОИСК

Эту книгу я начал с рассказа о небольшом поиске, который вел во время своего приезда в Будапешт в 1960 году. Уже не один год прошел с тех пор, как по совету научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС я решил написать книгу

о своих родителях — участниках революционной борьбы русских и венгерских рабочих, о Русском батальоне, бойцы которого сражались за Советскую Венгрию в 1919 году, о годах своего детства и юношества, когда я находился под товарищеской опекой Анны Ильиничны и Марии Ильиничны Ульяновых.

Я не мог, конечно, ограничиться личными воспоминаниями, тем более, что в дни Венгерской революции 1919 года был еще ребенком.

Работая над этой книгой, пользовался материалами, сохранившимися в архиве покойного отца, воспоминаниями матери. Познакомился с архивными материалами в Москве, Архангельске, Вологде, Саратове, Баку и в других городах страны, где до революции вел подпольную работу отец, а также с рядом архивов Венгерской Народной Республики.

В народной Венгрии встречался с людьми, которые помнят эпизоды революционной деятельности отца в Будапеште.

В нашей стране искал оставшихся в живых бойцов Русского батальона. Мне хотелось знать, как сложилась их жизнь после возвращения на Родину. Здесь многие из них стали партийными деятелями, другие — хозяйственниками или рабочими. Но все оставались борцами за новую жизнь советского народа, становились в ряды самоотверженных строителей социализма. Некоторые из них геройски сражались в боях с немецкими фашистами в годы Великой Отечественной войны.

В Москве к нам домой часто приходил курсант Кремлевской школы ВЦИК Кирилл Коваленко, бывший командир отделения Русского батальона. Отец вспоминал, как Будапештская группа РКП(б) принимала Кирилла Коваленко в члены партии. Это было в мае 1919 года.

— А почему, товарищ Коваленко, ты хочешь вступить в партию? Врага можно бить и беспартийным.

— Из передних рядов лучше громить,— ответил Кирилл Коваленко.— От партийного бойца должно больше доставаться мировой буржуазии.

Члены Будапештской группы РКП(б) не ошиблись, приняв Кирилла Коваленко в ряды партии. В самые тяжелые минуты боя он не терял самообладания. В одном из боев взвод Русского батальона оказался отрезанным от своей части. Командир взвода вышел из строя. Уже дали себя знать первые признаки расте-

рянности. В критическую минуту бойцы взвода услышали голос коммуниста Коваленко:

— Товарищи! Слушать мою команду!

Добровольно возглавив взвод, Кирилл Коваленко действовал смело и решительно. Взвод стойко оборонял свой рубеж до подхода подкрепления.

После окончания школы ВЦИК Кирилл Коваленко стал командиром Красной Армии, а демобилизовавшись, руководил небольшим московским заводом.

Бывал у нас, когда мы жили в Москве, и Василий Тимофеев, один из членов Будапештской группы РКП(б), редактор будапештской «Правды».

В 1922 году Василий Тимофеев уехал в свои родные края на Дальний Восток, где командовал одним из партизанских отрядов и погиб в боях с белогвардейцами.

Еще до войны я встречал в Москве бывшего бойца Русского батальона Иосифа Крупина. Он работал на электроламповом заводе, где в начале Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение и погиб, защищая Москву.

Часто встречал я в Москве командира взвода Русского батальона Льва Матвеевича Табачникова. Возвратившись в Москву, он стал чекистом, а потом был на хозяйственной работе.

После Великой Отечественной войны персональный пенсионер Лев Табачников рассказал мне, что его сын, молодой офицер-коммунист Григорий Табачников, защищая Ленинград, погиб на фронте в 1943 году.

Храбро сражался за Советскую Венгрию боец Русского батальона Савелий Яковлев — это была партийная кличка Савелия Яковлевича Рувинского. Вернувшись в Россию, он жил в Ленинграде, работал на судостроительном заводе, участвовал в работе венгерского клуба имени Бела Куна. В первые же дни Великой Отечественной войны Савелий Яковлевич, уже немолодой человек, вступил добровольцем в армию. Вместе со своим подразделением охранял Ладожскую ледовую трассу. В 1944 году офицер-коммунист С. Рувинский погиб в боях за освобождение Ленинграда от вражеской блокады.

О венгерском клубе имени Бела Куна и участии в нем С. Я. Яковлева — Рувинского мне рассказал венгерский интернационалист, член КПСС с 1919 года Юзеф Надь. Он с 1925 по 1928 год возглавлял работу

этого клуба. В клуб входили венгерские интернационалисты, участники защиты завоеваний Октябрьской революции, венгры, приехавшие в Советский Союз после свержения Советской власти в Венгрии в 1919 году, и русские интернационалисты — участники Венгерской революции 1919 года. В клубе насчитывалось 780 человек, он находился в Ленинграде, на площади Искусств, в том же здании, где Малый оперный театр. Взносы членов венгерского клуба и сборы от культурно-массовых мероприятий отчислялись в фонд Коминтерна для Венгерской коммунистической партии.

Ю. Надь, сын венгерского крестьянина, в 1915 году был мобилизован в австро-венгерскую армию, а в 1916 году попал в плен к русским. В марте 1919 года Юзеф Надь добровольно вступил в Красную Армию и с 5-м интернациональным полком отправился на фронт. Принимал активное участие в борьбе против басмачей, английских интервентов и белогвардейских войск, участвовал в боях за свержение бухарского эмира и установление Советской власти в Бухаре. В 1921 году закончил в Петрограде высшую военную школу венгров-интернационалистов и до 1923 года служил в частях Красной Армии.

В 1932 году Ю. Надь закончил Всесоюзный Коммунистический университет и был направлен на партийно-пропагандистскую работу в Карелию. В июне 1941 года был призван в Военно-Морской Флот и назначен секретарем парторганизации особого батальона связи военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота. После войны Ю. Надь был старшим научным сотрудником Ленинградского государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции, а затем директором учебно-производственного комбината и профтехучилища № 18. Персональный пенсионер союзного значения Ю. Надь являлся членом совета старых коммунистов при райкоме партии. В 1979 году Ю. Надь был приглашен в Будапешт на торжества, посвященные 60-летию Венгерской Советской Республики. Сердце старого коммуниста не выдержало волнений. Он умер в Будапеште и похоронен на родине в селе Барант как национальный герой.

Вместе с моим отцом в Будапештской группе РКП(б) работал военнопленный, бывший черноморский моряк Михаил Швартин. Он принимал активное участие в создании Русского батальона и был бойцом особого

отряда. Вернувшись на Родину, Швартин жил в Москве, работал на московских заводах, часто бывал у нас. В 1959 году Михаил Швартин был приглашен в Будапешт на торжества, посвященные 40-летию со дня провозглашения Советской власти в Венгрии. Его наградили орденом Венгерской революции 1919 года. Персональный пенсионер Михаил Вениаминович Швартин умер в 1964 году.

Бывал у нас дома в Москве и Калиник Андреевич Пугачев. Вместе с Михаилом Швартиным он в Будапеште вербовал бойцов в Русский батальон. После возвращения на родину много лет был на партийной и советской работе на Урале, в Казахстане, Поволжье. Умер персональный пенсионер Калиник Андреевич Пугачев в 1965 году.

До своей кончины мой отец поддерживал тесную связь со своим товарищем по революционной работе в Венгрии Владимиром Урасовым.

После падения Советской власти в Венгрии Урасов вернулся в Москву вместе со своей женой венгеркой Терезой, участвовавшей в выполнении заданий Коминтерна в Берлине и Вене. В Москве он работал в Министерстве иностранных дел СССР. Персональный пенсионер В. А. Урасов умер в 1969 году.

Защитник Венгерской революции 1919 года, бывший боец Русского батальона Сигизмунд Шнейдер жил в Москве, активно участвовал в деятельности Общества советско-венгерской дружбы.

В нашей квартире в Москве, на Полянке, я встречался со многими другими русскими интернационалистами, участниками Венгерской революции 1919 года: Иваном Макаревичем, Максимом Лондоном, Яковом Берманом, Николаем Федколенко, Петром Кобловым, Владимиром Родионовым и другими. Часто приходили в наш дом венгры — участники Венгерской революции 1919 года Бела Кун, Ференц Мюнних, Санто Реже, Йолан и Йожеф Келен, Тивадар Шугар, Бела Иллеш, Имре Шаллаи, Деже Бокани и многие другие. Бывали у нас и венгры, которые участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции: Матэ Залка, Андраш Варга, Шандор Сиклаи и другие.

Шандор Сиклаи стал легендарным национальным героем народной Венгрии. Он родился в бедной крестьянской семье. В 1914 году был призван в австровенгерскую армию, а через год попал в плен к рус-

ским и в России был участником революционного движения. После Великой Октябрьской социалистической революции он вступил в ряды Красной Армии и сражался против белогвардейцев на Урале, в Поволжье и Средней Азии. После гражданской войны окончил в Советском Союзе Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, а впоследствии стал доцентом этого университета.

В 1936 году Шандор Сиклаи добровольцем поехал в Испанию, где сражался в интернациональной бригаде. После поражения испанских республиканцев Шандор четыре года провел в концлагерях Франции в Северной Африке. В 1943 году Советское правительство приняло меры для его освобождения. Шандор сразу вступил в ряды Советской Армии. В 1944 году офицер Советской Армии Шандор Сиклаи принимал участие в освобождении Венгрии и по просьбе ЦК Коммунистической партии Венгрии остался в Венгрии. Был одним из организаторов Временного венгерского правительства в городе Дебрецен. Он работал в ЦК партии, в 1948 году был одним из организаторов венгерской Народной армии, являлся директором Института военной истории, Военного музея и Военного архива. Шандор Сиклаи погиб 26 октября 1956 года в борьбе против контрреволюционеров (был зверски убит в будапештском пригороде Будалесе). Именем национального героя Шандора Сиклаи в Венгрии и Советском Союзе названы школы, пионерские отряды, улицы, музеи.

В Будалесе вместе с Шандором Сиклаи был зверски убит и отец его жены Гизеллы, коммунист Киш Лайош. Одновременно стали вдовами дочь и мать. О них очень трогательно написал Янош Фюлёп в книге «Вехи».

Вдову национального героя — коммунистку, доктора исторических наук Гизеллу Сиклаи, ее мать и дочерей Юлию и Зою Сиклаи я не раз встречал в Будапеште и Ленинграде.

Много лет переписываюсь с участником Октябрьской революции в России и революции 1919 года в Венгрии Михальфалви Палом.

С 1915 года он как военнопленный был в России. А с декабря 1917 года и до февраля 1918 года, то есть до того времени, когда Советское правительство переехало в Москву, член комитета военнопленных Михальфалви Пал, изучивший русский язык, рабо-

тал в Петрограде в Народном комиссариате по иностранным делам, в отделе военнопленных. Здесь он встретился с Бела Куном и под его руководством проводил пропагандистскую работу среди военнопленных. В то время он вместе с Бела Куном был в Смольном у В. И. Ленина. Бела Кун тогда плохо знал русский язык и взял с собой Михальфалви переводчиком. Но при встрече с Владимиром Ильичем выяснилось, что переводчик не нужен: Ленин и Кун легко объяснялись на немецком языке.

До возвращения в Венгрию красноармеец-интернационалист Михальфалви Пал сражался в рядах Красной Армии. В 1919 году Михальфалви Пал возвратился на родину и боролся за Советскую Венгрию. Он участвовал в деятельности русской группы большевиков, в организации интернациональных войск, в вербовке добровольцев в Будапеште и провинции, был связным в интернациональном полку. После смерти Ефима Вайсброда стал политкомиссаром русско-словацкого батальона, а затем во время боев у Тиссы — политкомиссаром интернационального полка. Ныне персональный пенсионер, член Общества венгеро-советской дружбы Михальфалви Пал живет в Будапеште.

В последние годы я провел большую работу по выявлению венгерских интернационалистов, которые после Октябрьской революции остались жить в Советском Союзе, и тех, кто приехал в Советский Союз после падения Венгерской Советской Республики в 1919 году. От их семей — детей и внуков, живущих в Советском Союзе, узнал много интересного.

Вдова и дочь Антала Клейна сохранили и передали мне много документов и личных вещей венгерского интернационалиста. Антал Клейн (Антон Александрович Клейн — так его звали в Советском Союзе) родился 11 января 1895 года в Будапеште в семье рабочего. В 1914 году был мобилизован в австро-венгерскую армию, а в 1915-м попал в плен и был отправлен в лагерь военнопленных в Оренбург. Вскоре после Октябрьской революции вступил в партизанский отряд, сражавшийся на стороне Красной Армии. В начале 1918 года Антал Клейн — организатор интернационального легиона, а затем — член Революционного Военного Совета и организатор интернациональных отрядов в Туркестанской армии. Он участвовал в многочисленных боях почти на всех фронтах граждан-

ской войны, сражался за Советскую власть против Врангеля, Колчака, Дутова, Махно.

Антал Клейн прослужил в Красной Армии до 1930 года. Командовал батальоном, был интендантом в бригаде, адъютантом в дивизии, начальником комендантской части штаба Береговой обороны Балтийского моря и комендантом Кронштадта. Награжден орденом Красного Знамени, золотыми и серебряными часами, именным оружием. После увольнения со службы Антал Клейн находился на советской работе. В 1943 году венгерский интернационалист, член ВКП(б) с марта 1918 года, умер в блокадном Ленинграде. Дочь Антала (Антона) Клейна инженер Ирина Антоновна Старк (сейчас на пенсии) и внук Лев Михайлович Старк живут в Ленинграде.

Я разыскал и после этого много раз встречался с младшей дочерью венгерского интернационалиста Шандора Холлендера (Александра Иосифовича Голлендера) — Вионой Александровной Логашной. Она поделилась воспоминаниями об отце.

Шандор Холлендер родился в 1887 году в городе Сотмане (Венгрия) в бедной многодетной семье. В 1902 году ушел на заработки. Трудился грузчиком в Будапеште, затем работал в Германии. В 1910—1914 годах учился в военно-инженерном училище в Вене. В августе 1914 года призван в австро-венгерскую армию в качестве военного инженера. В 1916 году попал в плен к русским и был направлен в лагерь военнопленных в Тверь. Там работал инженером по дорожному строительству. За революционную пропаганду в ноябре 1916 года был арестован и заключен в губернскую тюрьму. Освобожден Февральской революцией. Ш. Холлендер — организатор революционного ядра среди военнопленных в Серпухове, затем организатор красногвардейских отрядов из военнопленных в военно-революционном комитете железных дорог в Москве. В мае 1917 года установил тесные связи с большевиками и вступил в большевистскую партию. Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Москве. Об этом венгерские историки А. Йожа и Д. Милеи в книге «Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября» пишут, что из Серпухова, где работали почти 12 тысяч военнопленных, прибыл отряд военнопленных под командованием гусарского прапорщика Шандора Холлендера, принявшего участие в боях за Советскую власть.

Вскоре после этого Ш. Холлендер был направлен в Петроград. Прибыв по назначению, Холлендер с помощью сотрудников Народного комиссариата по иностранным делам приступил к подготовке издания революционной газеты на венгерском языке «Немзеткёзи социалиста» («Социалист-интернационалист»). Первый ее номер вышел 27 декабря 1917 года. Она сообщала военнопленным венграм о ходе мирных переговоров Советского правительства, о разрешении аграрного вопроса в России, о мероприятиях, затрагивающих судьбы военнопленных, об интернационалистском движении и о положении в Венгрии.

Ш. Холлендер служил в Красной Армии начальником инженерной части группы войск Курского направления, а затем военкомом отдела Центрального управления военных сообщений. С апреля 1920 года работал старшим инспектором в Наркомате путей сообщения, а затем на той же должности в ВСНХ СССР. С февраля 1928 года Холлендер — заместитель начальника Азнефтестроя в Баку. Начальником строительства был Ференц Мюнних. В 1930 году Шандора назначили заместителем начальника Сталинградстроя. С 1932 года он работал в Москве в Наркомате путей сообщения.

Дочь Шандора (Александра) Холлендера Виона Александровна Логашная — коммунист, преподаватель культпросветучилища, две внучки — Елена, инженер, и Мария, студентка филологического факультета Государственного университета, живут и трудятся в Ленинграде. Старшая дочь, архитектор-реставратор Лидия Александровна Белова, живет и работает в Москве.

Другой венгерский интернационалист — Ференц Патаки — родился 1 декабря 1892 года в городе Херкулегифхорде. Воспитывался в сиротском доме, так как его родители умерли рано. В 14 лет поступил в педагогическое училище и в 1911 году получил диплом учителя. В 1913 году был призван на военную службу, а в 1914 году прапорщиком пехотного полка направлен на русский фронт. В 1915 году Ференц Патаки попал в плен и был направлен в Симбирск, а затем в Красноярский лагерь военнопленных. Весной 1918 года вступил в интернациональную социал-демократическую, впоследствии большевистскую организацию красноярских военнопленных революционеров. Был во главе организации венгерских военно-

пленных интернационалистов. 24 марта 1918 года в составе интернациональных партизанских отрядов выступил на борьбу с бандитами атамана Семенова.

В конце 1919 года Ф. Патаки находился в «эшелоне смерти», перевозившем из красноярской тюрьмы политических заключенных, приговоренных к смертной казни. Этот эшелон задержали партизаны Черемховского угольного бассейна. Патаки стал членом, затем руководителем Черемховского штаба борцов с контрреволюцией. Черемховские шахтеры и партизаны сыграли решающую роль при аресте адмирала Колчака, а также при задержании «золотого эшелона», в котором находился залотой запас Советской Республики, захваченный белогвардейцами еще летом 1918 года. В книге «Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября» написано: «В организации мероприятий, направленных на захват Колчака и «золотого эшелона», активное участие принимал и Ференц Патаки. Свидетельством уважения, которым он пользовался у партийного комитета Черемхова, у партизан и шахтеров, является тот факт, что 14 февраля 1920 года венгерский интернационалист был избран председателем Черемховского уездного революционного комитета. Этот пост он занимал до июля 1920 года. Позднее Ф. Патаки работал в Иркутской ЧК, а затем в Москве в ВЧК, участвовал в организации пограничных войск».

В 1923 году Ф. Патаки стал председателем контрольной комиссии ВСНХ, в 1927 году — директором Коммунистического университета трудящихся Востока, затем трудился на хозяйственных постах. В 1936 году работал в аппарате Исполкома Коминтерна. В мае 1942 года добровольцем ушел на фронт в составе Красной Армии.

В 1943 году Ференц Патаки, как имеющий опыт партизанской борьбы, во главе парашютного десанта направляется в Венгрию. К концу 1943 года партизанский отряд Патаки, действовавший на территории Венгрии, насчитывал уже свыше ста человек, а в 1944 году — около двухсот. Он поддерживал связь с Москвой. В марте 1944 года, после гитлеровской оккупации Венгрии, на таможне в Будапеште был задержан чемодан с рацией и арестовано несколько человек партизан. Затем был схвачен Ференц Патаки. Его приговорили к расстрелу, и 4 ноября 1944 года приговор был приведен в исполнение.

Младшая дочь — Ирина Ференцевна Ераносова и двое внуков Ференца Патаки живут и работают в Ленинграде.

Янош Варга родился в Венгрии в 1890 году в семье рабочего-плотника. В 1911 году был призван на военную службу в венгерскую армию, а в 1914 году отправлен на фронт. В конце 1914 года попал в плен к русским. До 1918 года находился в лагере военнопленных в Ташкенте, где в начале 1918 года добровольно вступил в Красную Армию. В том же году в Ташкенте был сформирован Туркестанский интернациональный батальон, командиром которого был назначен Янош Варга. В книге «Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября» написано: «Из Ташкента на бухарский фронт был направлен 2-й отдельный интернациональный батальон под командованием Яноша Варги». Бойцы 2-го отдельного батальона под командованием Яноша Варги, а также интернационалисты — курсанты Ташкентских пехотных командных курсов имени В. И. Ленина в составе советских войск принимали активное участие в освобождении Бухары. Я. Варга участвовал также в боях против интервентов и внутренней контрреволюции на Оренбургском, Ферганском, Закаспийском и Восточном фронтах. За боевые заслуги Янош Варга в 1919 году награжден орденом Красного Знамени. В 1924 году он демобилизовался из армии и перешел на советскую работу.

Венгерский интернационалист, член КПСС с 1919 года, Янош Варга умер в Ленинграде в 1976 году. Сын Константин Яношевич Варга был летчиком, погиб в 1962 году при исполнении служебных обязанностей. Внучки Инна и Надежда Варга живут в Ленинграде.

Шугар Валентина Степановна, вдова венгерского интернационалиста Йожефа Шугара, и внук Шугара Владислав Аскаров живут в Ленинграде и свято хранят память о муже и деде Йожефе Шугаре, который сражался в числе красных мадьяр с Колчаком под Красноярском, был начальником связи 106-го полка Дальневосточной Красной Армии. Йожеф Шугар умер в блокадном Ленинграде и похоронен на Пискаревском мемориальном кладбище.

Янош (Ян Юльевич) Ожват в лагере военнопленных венгров под Тобольском стал членом Комитета интернационалистов. В начале 1918 года вступил в

ряды Красной Армии, сражался с белополяками и колчаковцами в венгерском интернациональном отряде под командованием К. Лигети, впоследствии казненного колчаковцами в Омске. В 1921 году был членом, ответственным секретарем и переводчиком областного и центрального бюро венгерской секции агитпропаганды ЦК РКП(б) в Казани, Москве, Ленинграде. После демобилизации из Красной Армии в 1924 году Ожват находился на советской работе. Персональный пенсионер, член КПСС с 1918 года, венгерский интернационалист Янош Ожват умер в 1965 году в Ленинграде. Его вдова Ожват Зинаида Афанасьевна, пенсионерка, живет в Ленинграде.

Дочь венгерского интернационалиста Йожефа Шомоди Бранислава Йожефовна и внучка Валентина Александровна Шалькова, с которыми я не раз встречался, живут под Москвой.

Йожеф Шомоди, венгерский интернационалист, находился в лагере военнопленных в Омске. Омские большевики освободили Й. Шомоди из лагеря, и он включился в подпольную работу большевистской организации, а впоследствии возглавлял подпольную группу венгерских коммунистов. В книге «Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября» сказано: «Особенно активно действовали в рядах большевистской подпольной организации венгерские революционеры в Омске. Здесь к началу августа уже существовали две большевистские подпольные группы, которые провели большую работу по созданию сети нелегальных «троек», «пятерок» и «десяток» среди рабочих. Омские большевики наладили связь с интернационалистами, находящимися в лагерях для военнопленных, и сумели освободить некоторых из них, в том числе впоследствии активных участников и руководителей подполья венгров Эдёна Радо и Йожефа Шомоди. Осенью 1918 года в составе большевистской организации в Омске уже действовала подпольная группа венгерских коммунистов. Ею руководили Э. Радо и Й. Шомоди. Коммунистические ячейки были созданы на различных предприятиях, на пороховых складах, в воинской пекарне, а также среди военнопленных, заключенных в концентрационных лагерях... Венгерские военнопленные, работавшие на пороховом складе, систематически добывали оружие и боеприпасы. Другие добывали для подпольщиков продукты питания.

Венгерские коммунисты приняли участие в вооруженном восстании в Омске... Активное участие приняли боевые группы венгерских военнопленных под руководством Й. Шомоди и во втором вооруженном восстании омских рабочих 1 февраля 1919 года».

11 августа 1919 года Йожеф Шомоди был схвачен белогвардейцами, а 12 ноября, за два дня до освобождения Омска, казнен.

Я разыскал в Ленинграде внучку венгерского интернационалиста, члена первого Центрального Комитета Венгерской коммунистической партии, наркома внутренних дел Венгерской Советской Республики 1919 года Бела Вага — Веронику Владиславовну Чернышеву и при очередной поездке в Будапешт рассказал о ней венгерским товарищам. В 1981 году Вероника Владиславовна, учительница математики, была приглашена в Венгерскую Народную Республику, где отмечался 100-летний юбилей со дня рождения ее деда.

СРЕДИ ВЕНГЕРСКИХ ДРУЗЕЙ

Работая над этой книгой, я продолжал свой поиск и в Венгерской Народной Республике.

В том памятном 1960 году, когда я с делегацией Общества советско-венгерской дружбы был в Венгрии, мы посетили города Дебрецен, Эгер и Мишкольц, но бо́льшую часть времени провели в Будапеште.

В первый же день я был на приеме в Доме ветеранов, встретился с участником революции 1919 года Санто Реже.

Свою революционную деятельность Санто Реже начал еще в годы первой мировой войны. Потом он был одним из отважных бойцов Советской Венгрии, сражался в рядах ее Красной Армии. После поражения молодой Венгерской Советской Республики в 1919 году Санто Реже был арестован и приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Правительство Советской России все делало для того, чтобы вырвать арестованных венгерских коммунистов из лап хортистских палачей. Вместе с другими приехал в Москву и освобожденный из тюрьмы Санто Реже. Он вел партийную работу в Советской России. В 1936 году уехал в Испанию, где командовал одной из интернациональных бригад, сражавшихся против фашистских мятежников. Из Испании Санто Реже вернулся в Москву,

Победа Советской Армии над гитлеровскими захватчиками открыла венгерским революционерам-политэмигрантам дорогу в родную страну.

Вечером в тот же день я посетил Йолан Келен — участницу революционного движения в Венгрии в 1915—1919 годах. Она помнила нашу семью. Келен подарила мне свою книгу «Галилеевский процесс XX века» с дарственной надписью.

В райкоме 5-го района Будапешта я выступил с воспоминаниями о семье Ульяновых, о своих родителях и русских интернационалистах — участниках Венгерской революции 1919 года.

С большим волнением посетил я семью Ирины Кун. Вручил ей письмо и книгу «Незабываемое» от Г. Я. Лозгачева-Елизарова.

Был на торжественном вечере, посвященном 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, который проходил в Доме культуры заводов Чепеля. Здесь выступил Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики Ференц Мюнних. В президиуме собрания были Янош Кадар и другие руководители республики.

После торжественной части был прием. Там я встретил Ференца Мюнниха. Он тепло обнял меня:

— Какой ты стал! Я ведь видел тебя в Москве последний раз юношей шестнадцати-семнадцати лет.

Ференц Мюнних в годы первой мировой войны попал в русский плен, был участником революционного движения в России. В 1918 году вернулся в Венгрию для революционной работы. Был активным участником Венгерской революции 1919 года, возглавлял Политуправление венгерской Красной Армии. После поражения Венгерской Советской Республики эмигрировал в Советский Союз, где вел хозяйственную и партийную работу. В 1936 году добровольцем уехал в Испанию, там был командиром интернациональной бригады. После поражения испанских республиканцев вернулся в Советский Союз. В первые дни Великой Отечественной войны вступил в ряды Советской Армии, в 1945 году вернулся на освобожденную родину.

Ференц Мюнних представил меня Яношу Кадару — Первому секретарю ЦК Венгерской социалистической рабочей партии.

Янош Кадар сказал обо мне присутствующим:

— Это Артур Юстус, сын Владимира Юстуса, революционера, участника революционного движения в

Венгрии, активного борца Венгерской революции тысяча девятьсот девятнадцатого года. Он родился у нас в Будапеште и до тысяча девятьсот двадцатого года жил здесь, был свидетелем событий, которые в то время происходили в Венгрии. Поздравляем его с прибытием на венгерскую землю.

Потом Янош Кадар взял под руку Ференца Мюнниха, меня и подошел к фотокорреспонденту. Тот сфотографировал нас.

На следующий день я посетил Йолан Самуэли — вдову Тибора Самуэли. Она — художник, окончила в Советском Союзе Академию художеств. Йолан Самуэли подарила мне свою книгу с дарственной надписью.

От этой поездки у меня осталось много волнующих, незабываемых впечатлений.

Осенью 1965 года вместе с братом Лео и сестрой Валентиной я сопровождал мать в ее поездке в Будапешт по приглашению правительства Венгерской Народной Республики. Одновременно с нами был приглашен в столицу Венгрии и В. А. Урасов. За несколько месяцев до нашей поездки в Будапешт Президиум Венгерской Народной Республики наградил мою мать Анну Григорьевну Юстус и Владимира Александровича Урасова за активное участие в борьбе за создание Коммунистической партии Венгрии и Венгерской Советской Республики в 1919 году памятной медалью «Советская республика», а в 1969 году — орденом Труда золотой степени.

Приехав в Будапешт осенью 1965 года, мы много ездили по городу. Меня очень интересовали места, связанные с революционной деятельностью отца в Будапеште. Мы побывали на площади Йожефа Надора и на улице Ене Зичи. Здесь помещалась типография, где в начале декабря 1918 года был набран материал для первого номера газеты «Вереш уйшаг» («Красная газета»). В. А. Урасов вспоминал, как начали печатать первый номер газеты. Маховое колесо печатного станка приходилось вращать вручную: техника в типографии была отсталой. Обливаясь пóтом, вращали колесо венгры и русские, привлеченные к участию в выпуске газеты. Помогали им и члены ЦК Бела Кун, Бела Санто, Отто Корвин, Андраш Варга... Однако вскоре стало ясно, что весь тираж газеты не отпечатать. «Хуже типографии не могли найти!» — упрекал Бела Кун товарищей, рекомендовавших для печатания газеты «Вереш уйшаг» эту типографию.

Бела Кун предложил срочно найти другую типографию. И ее нашли. На следующий день у дома на площади Йожефа Надора остановилась телега. На нее сложили матрицы, прикрыли их брезентом.

Подвода с матрицами первого номера первой венгерской коммунистической газеты отправилась на улицу Ене Зичи к дому № 36. Теперь здесь мастерская. А когда-то тут была типография, в которой в ночь на 7 декабря 1918 года был напечатан первый номер газеты «Вереш уйшаг». В издании газеты участвовали и русские большевики.

С тех пор я не раз бывал в Венгерской Народной Республике, приобрел там много друзей.

Особенно интересной и плодотворной была моя поездка в Будапешт в мае 1978 года. Я был приглашен Институтом истории партии при ЦК ВСРП и очень тепло принят венгерскими товарищами.

У меня было много интересных встреч с работниками Центрального Комитета ВСРП, с ветеранами партии, с венгерскими историками, работниками музеев.

Я близко познакомился с семьей Гизеллы Сиклаи. Она любезно согласилась сопровождать меня в период пребывания в Венгрии и была незаменимым переводчиком и помощником.

Неожиданной и волнующей была встреча с ветераном Венгерской социалистической рабочей партии Рожи Чиллаг. Она была свидетелем моих детских переживаний перед зданием суда над галилеевцами и моими родителями. Я с волнением слушал ее.

Рожи Чиллаг — сестра члена группы революционных социалистов Чиллага Ласло. В 1916 году вступила в социал-демократическую партию, а в 1919 году стала членом Венгерской коммунистической партии. После свержения Советской власти в Венгрии поддерживала связь с товарищами, находившимися на нелегальном положении, за что была арестована. В 1920 году эмигрировала в Вену, а в 1925 году переехала вместе со своим мужем Ференцем Лорандом в Советский Союз. В Москве работала в Институте марксизма-ленинизма, в Институте мировой экономики и политики Академии наук СССР. В 1949 году вернулась на родину и до настоящего времени работает в Институте истории партии при ЦК ВСРП.

С большим желанием вновь встретился я с Йолан Келен — старейшей венгерской коммунисткой, активным членом кружка Галилея.

Трогательной была встреча с Михальфалви Палом — венгерским коммунистом, с которым долгое время переписывался. Мы посетили с ним памятные места, связанные с организацией Русского батальона в 1919 году, места, где проходили митинги и собрания. Побывали в Келенфельдских казармах, в Будайской крепости, в доме 61 на улице Рожа — там размещалась Будапештская группа РКП(б), на улице Арали, где печаталась газета «Правда», в доме, где был русский клуб имени В. И. Ленина. Михальфалви вспоминал многие события 1919 года.

Встречи с ветеранами Венгерской коммунистической партии для меня были чрезвычайно дороги и интересны. Они обогатили мое представление о тех событиях, которые происходили 60 лет назад в революционной Венгрии.

Почти все время очередной поездки в Венгрию я посвятил изучению и сбору новых материалов для второго издания этой книги. Мне была предоставлена возможность работать в архиве Института истории партии при ЦК ВСРП. Я перелистал все 37 номеров газеты «Правда», издававшейся русской группой РКП(б) в 1919 году в Будапеште, и познакомился с материалами судебного процесса над членами кружка имени Галилея и нашей семьей.

Было немало интересных бесед с венгерскими историками Генрихом Вашшем, Агнеш Бако, Андрашем Жилаком, Дьердем Милеи, Катериной Петрак, Гизеллой Сиклаи, Эрвином Липтаи, Антолом Йожей, Шандором Дьёрффи и другими. В беседах с ними узнавал много нового.

Я посетил Музей истории рабочего движения и Военно-исторический музей, познакомился с экспозицией и фондами музеев. В их залах осмотрел интересные экспонаты, создающие яркое представление об историческом пути венгерского рабочего класса, о событиях, происходивших в Венгрии с 1915 по 1919 год. Я искренне благодарен работникам Института истории партии при ЦК ВСРП, музеев истории рабочего движения и военной истории, предоставившим мне возможность ознакомиться со многими материалами и подготовившим для этого издания книги копии ряда новых документов и фотографий.

Мои впечатления от поездки обогатились и многими другими встречами. Я был тепло принят в Центральном Комитете ВСРП. Встречался с членом Полит-

бюро ЦК ВСРП Деже Немешем. В Доме партизан встретился с Дюла Уста, который в 1977 году приезжал в Ленинград на фестиваль советской и венгерской молодежи как ветеран партизанского движения в Венгрии в 1944—1945 годах. Был на встрече в Доме советско-венгерской дружбы. Встречался с воинами, с молодежью. Выступал в школе и пионерском отряде имени Шандора Сиклаи в селе Кунфехерто.

Пионерский праздник в селе Кунфехерто, на котором присутствовали и советские дети, был праздником молодого поколения народной Венгрии, воспитанного на традициях Коммунистической партии в духе нерушимой дружбы венгерского и советского народов.

В 1979 году я в составе советской делегации был приглашен правительством народной Венгрии на празднование 60-летия Венгерской Советской Республики 1919 года. В эти незабываемые торжественные дни было много интересных встреч с ветеранами партии, руководителями народной Венгрии, с коллективами предприятий Будапешта, деятелями Общества венгеро-советской дружбы, со знакомыми и друзьями. Мы участвовали в факельном шествии и возложении венков к могилам и памятникам погибших героев, присутствовали на торжественном собрании, побывали на предприятиях Будапешта.

Дружба советского и венгерского народов имеет глубокие корни и давние традиции. Основы ее заложены в дни Великого Октября, в годы борьбы за Советскую власть в России и Венгрии. Дружба закалялась и тогда, когда советские войска вместе с отрядами венгерских партизан освобождали Венгрию от фашистского гнета. Она и сегодня пронизывает всю жизнь наших стран. Советский народ высоко ценит эту дружбу, прошедшую все испытания, окрепшую в нашей общей борьбе за торжество социализма и коммунизма.

...Уже немало прожито лет. И я горжусь тем, что мне довелось встречаться с благороднейшими людьми — деятелями русского и венгерского революционного движения, с сестрами В. И. Ленина. Я считаю себя счастливым человеком потому, что общался с ними, был воодушевлен их заботой. Подвигом борьбы этих людей была озарена моя юность. И мне искренне хочется, чтобы подрастающее поколение в жизни и деятельности этих замечательных людей видело полезный и поучительный пример.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Великий почин. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 1 — 29.

Ленин В. И. Война и революция.— Полн. собр. соч., т. 32, с. 77—102.

Ленин В. И. Привет венгерским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 38, с. 384—388.

Ленин В. И. Протест российских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176.

Ленин В. И. Речь на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 330—334.

Ленин В. И. Сообщение о переговорах по радио с Бела Куном.— Полн. собр. соч., т. 38, с. 232—233.

Ленин В. И. Товарищам, томящимся в плену.— Полн. собр. соч., т. 31, с. 60—66.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, М., Политиздат, 1973. 460 с.

Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 4-е. М., Политиздат, 1970. 720 с.

Анисимов Н. Г. Ветеран казанской социал-демократии. Казань, Татгосиздат, 1967. 50 с.

Батаков Н. М., Мансветова Е. С., Широков В. А. Великий Устюг. Вологда, Северо-Западное книжное изд-во, 1973. 142 с.

Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., Воениздат, 1959. 322 с.

Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. документов. В 2-х т. М., Политиздат, 1968. 987 с.

Воспоминания свидетелей великих событий. Будапешт, Кошут, 1958. 195 с.

Дягилев В. Я. Сестра Ильича. М., Политиздат, 1970. 149 с.

Елизаров П. П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., Политиздат, 1967. 135 с.

Елизарова А. И. Основы социального воспитания с точки зрения коммунизма. М., Госиздат, 1920. 12 с.

Йожа А., Милеи Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., «Прогресс», 1977. 362 с.

История венгерского революционного рабочего движения, т. 1. М., «Прогресс», 1970. 302 с.

Келен Иолан. Галилеевский процесс XX века. Будапешт, Кошут, 1957. 205 с.

Кладт А. П., Кондратьев В. А. Братья по оружию. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в России. 1917—1922. М., Соцэкгиз, 1960. 224 с.

Ключевич А. С. История Казанского жирового комбината имени М. Н. Вахитова. Казань, Татгосиздат, 1950. 278 с.

Костин Н. Д. Из новых воспоминаний о Леннне. М., Политиздат, 1971. 79 с.
Кун Агнесса. Бела Кун. Избранные статьи и речн. Будапешт, Изд-во Корвина, 1972. 358 с.
Кун Бела. Венгерская Советская Республика. 1919 года. М, Госполитиздат, 1959. 62 с.
Кун Ирина. Бела Кун (Воспоминания). М., Молодая гвардия, 1966. 312 с.
Лебов М. Ф. Венгерская Советская Республика 1919 года. М., Соцэкгиз, 1959. 274 с.
Лозгачев-Елизаров Г. Я. Незабываемое. Будапешт, Кошут, 1965. 308 с.
Лозгачев-Елизаров Г. Я. Незабываемое. Изд. 6-е. Л., Лениздат, 1971. 264 с.
Мальков А. А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915—1919 гг.). Казань, Изд-во Казанск. ун-та, 1971. 270 с.
Мы — молодая гвардия (Воспоминания и очерки о революционном молодежном двнженни в Венгрин 1905—1945 гг.). М., Молодая гвардия, 1959. 287 с.
Мюнних Ференц. Бурный путь. М., Воениздат, 1968. 188 с.
Немети Лайош. Воспомннания одного интернационалиста. 1917—1919. Будапешт, 1972. 87 с.
Немеш Деже. Пятидесятнлетие Советского государства и Венгрия. М., Политиздат, 1967. 163 с.
Немеш Деже. Венгрия в годы контрреволюции 1919—1921. М., Прогресс, 1964. 494 с.
Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства. М., Изд. Народного комиссариата социального обеспечения, 1920. 61 с.
Рети Ласло. Ленин и венгерское рабочее движение. М., «Прогресс», 1972. 300 с.
Русские интернационалнсты в борьбе за Венгерскую Советскую Республику 1919 г. Сб. документов. Будапешт, Кошут, 1973. 398 с.
Русские интернационалнсты в борьбе за Венгерскую Советскую республику 1919 г. Сб. документов. М., Политиздат, 1972. 255 с.
Стасова Е. Д. Страннцы жизнн и борьбы. М., Полнтиздат, 1960. 128 с.
Субаев Н. А. Родники солидарности. Казань. Татгосиздат, 1971. 119 с.
Татарчуков А. Н. Материалы по истории революционно-социалнстнческого движения в Воронежской губерннн. Воронежск. гос. изд-во, 1922. 72 с.
1919 г. в Венгрии. Сб. материалов к 40-летию Венгерской Советской Республики. М., Госполнтиздат, 1959. 272 с.
Хаит Г. Е. Поиск продолжается. Утраты, находкн, исследования. Красноярское книжное изд-во, 1970. 212 с.
Хасанов Х. Х. Революцнонер-интернационалист. Жизнь и деятельность большевика Хусаина Ямашева. Казань, Татгосиздат, 1971. 180 с.
Хетеш Тибор. 80-я интернациональная бригада. Будапешт, Военная книга, 1963. 179 с.
Шаповалов А. С. В борьбе за социализм. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1957. 310 с.

Шатров Е. В. Русский батальон. Репортаж из 1919 г. М., Воениздат, 1969. 160 с.
Вопросы истории, 1974, № 11; 1966, № 7.
Журнал Народного комиссариата социального обеспечения. 1919, № 5—6.
Новая и новейшая история, 1974, № 1.
Огонек, 1969, № 2.
Серп и молот, 1930, № 3; 1931, № 3, 4; 1932, № 1, 4; 1933, № 3, 4; 1934, № 8.
Советская женщиина, 1968, № 11.
Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 5, 13, 15, 351, 588.
Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 28, 361.
Архив Института истории партии при ЦК ВСРП (АИИП), ф. 653, 654, 658, 721, Х-ч-66, Х-к-х-219, Т-к-х-325.
Архив Института военной истории Венгрии (АИВИ), ф. 84.
Вологодский государственый архив (ВОГА), ф. 14.
Центральный государственный архив Татарской АССР (ЦГА ТАССР), ф. 51, 199.
Архив Татарского областного комитета КПСС, ф. 2908.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Артур Владимирович Юстус
САМОЕ ДОРОГОЕ

Заведующий редакцией Ю. А. ВАСИЛЬЕВ
Редактор Н. К. НОВИКОВ
Младший редактор Е. Б. НИКАНОРОВА
Художник Н. Н. ГУЛЬКОВСКИЙ
Художественный редактор А. К. ТИМОШЕВСКИЙ
Технический редактор Л. П. НИКИТИНА
Корректор Т. П. ГУРЕНКОВА

ИБ № 2708

Сдано в набор 28.02.84. Подписано к печати 25.05.84. М-37463. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98+вкл. Усл. кр.-отт. 11,87. Уч.-изд. л. 8,33+2,94=11,27. Тираж 50 000 экз. Заказ № 438. Цена 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Юстус А. В.

Ю90 Самое дорогое.— 3-е изд., доп.— Л.: Лениздат, 1984.— 151 с., ил.

Автор этой книги Артур Владимирович Юстус (1913—1981) — человек необычной судьбы. Его отец — русский большевик, член партии с 1897 года Владимир Богданович Юстус — много лет провел в царских тюрьмах и ссылках, жил в эмиграции. В 1919 году он был активным деятелем Венгерской Советской Республики. В 1920 году его семья благодаря помощи Советского правительства вернулась на родину, в Москву.

Над детьми старого большевика взяли товарищескую опеку сестры В. И. Ленина — Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы. Автор считает самым дорогим в жизни встречи с В. И. Лениным, его сестрами, с видными деятелями русского и венгерского коммунистического движения и увлекательно рассказывает об этом, а также о революционной деятельности отца, о своих поездках в Венгерскую Народную Республику.

Книга богато иллюстрирована редкими фотографиями. Рассчитана прежде всего на молодых читателей.

Ю $\frac{0902020000-094}{М171(03)-84}$ 66—84 **13.5**

В книге помещены фотографии из архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, впервые публикуется ряд фотоснимков из архива семьи В. Б. Юстуса. Приводятся личные впечатления автора — члена Общества советско-венгерской дружбы, неоднократно бывавшего в Венгерской Народной Республике.

Автор этой книги,
адресованной прежде всего
молодым читателям,
коммунист Артур Владимирович
Юстус прожил
большую и интересную жизнь.
В 1930 году он поступил
в авиационное училище
и после его окончания
стал командиром Красной Армии.
В годы Великой Отечественной войны
был в авиационных частях
на Ленинградском, Южном
и других фронтах.
За образцовое выполнение
боевых заданий командования
в борьбе с немецко-фашистскими
захватчиками
награжден орденами и медалями.
В рядах Советской Армии
подполковник А. В. Юстус
служил до 1957 года, потом работал
на ленинградских предприятиях,
был директором многих
советских выставок за рубежом.
Был членом Союза
журналистов СССР,
вел большую общественную работу.
Самое дорогое в его жизни —
встречи с В. И. Лениным,
с сестрами Владимира Ильича,
с видными деятелями российского
и венгерского
коммунистического движения.

65 коп.

САМОЕ ДОРОГОЕ
А.В. ЮСТУС